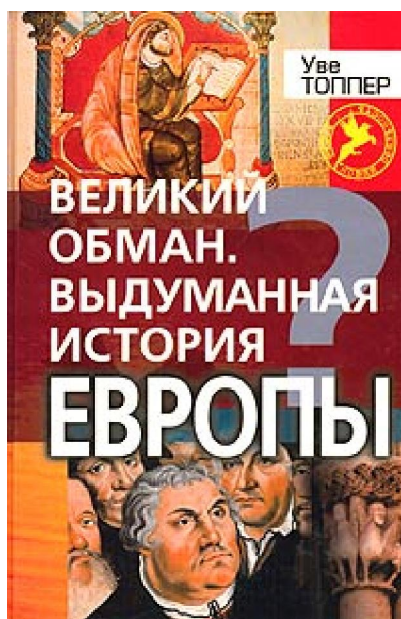

Уве Топпер

Великий обман. Выдуманная история Европы

Распознавание, вычитка: Black Jack <http://lib.aldebaran.ru/>
«Топпер У. Великий обман. Выдуманная история Европы»: Нева; СПб.; 2004
ISBN 5-7654-3168-2

Аннотация

Известный немецкий критик историографии и хронологии плодовитый писатель и знаток Востока Уве Топпер в своей книге "Великий обман. Выдуманная история Европы" увлекательно и наглядно демонстрирует механизмы конструирования церковной и светской истории и растягивания хронологии в Европе и на Ближнем и Дальнем Востоке. Содержательный анализ старинных документов и произведений подтверждает теорию А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского, согласно которой истинная история Европы не имеет ничего общего с той, которую мы знали до сих пор.

Уве ТОППЕР

ВЕЛИКИЙ ОБМАН. ВЫДУМАННАЯ ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

Сегодня сложно найти профессионального историка, который так или иначе не реагировал бы на теорию новой хронологии А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского. Между ее сторонниками и противниками идет острая дискуссия, отличающаяся жесткостью и непримиримостью. Немецкий писатель и знаток Востока Уве Топпер в своей книге «Великий обман. Выдуманная история Европы» независимо от российских авторов показывает, как придумывалась ранняя история христианства, иудаизма и ислама, а с ней и Европы, как удлинялась на тысячелетие, а то и на полтора, хронология, которая сегодня считается общепринятой. Ветхий Завет, Коран, Новый Завет и Талмуд были написаны почти одновременно во втором «христианском» тысячелетии. Древнее завоевание Испании арабами было придумано для оправдания захвата Юга Иберийского полуострова испанцами. Античных авторов изобретали около 1500 года, тогда же писались «их» книги. А историю и хронологию Китая иезуиты высасывали из пальца в XVII и даже XVIII веках. Книга Топпера – блестящий пример того, как чисто содержательный гуманитарный

анализ древних текстов подтверждает обоснованность новой хронологии.

Введение

Немецкий писатель и человек вселенной Уве Топпер (род. 1940) – редкое явление в современном мире академических карьер, кабинетных ученых и устоявшихся мнений. Сразу после гимназии он отправляется в шестимесячное путешествие по Египту. Потом поступает в Берлине в Художественную академию (всю жизнь его – пусть худо-бедно – кормили его картины). Но любовь к Востоку снова срывает его с места, и он уезжает учиться в Пакистан: языкам, философии, этнографии, увозит туда молодую жену. Через несколько лет, спасаясь от преследований влюбившегося в нее молодого князя, студент из Пакистана оказывается в Северной Африке.

Страны Магриба и Пиренейский полуостров стали на всю оставшуюся жизнь главной любовью любознательного исследователя, все желающего увидеть своими глазами. Здесь он искал и нашел следы нескольких страшных и основательно забытых человечеством катастроф сравнительно недавнего прошлого, о чем и написал свою первую (и самую толстую) книгу «Наследие гигантов», вышедшую в 1977 году. (См. Топпер, 1977.)

Топпер увлекается берберами, осваивает их язык, записывает их сказания, становится членом берберского племени в Марокко. Около 20 лет семья кочует с этим племенем, только вместо верблюдов берберские шатры, скромный скарб, библиотеку и письменный стол с пишущей машинкой перевозит старый всеядный газогенераторный грузовик. В шатрах Топперы вырастили четырех детей, один из которых стал испанским журналистом, а другой – бардом, поющим на многих языках. Двое младших детей вернулись 90-х годах в Берлин и работают в социальной сфере.

Топпер публикует книги «Суфизм в странах Магриба» (1984), «Сказки берберов» (1986) и «Спроси у Земли» (1988) – последняя повествует о представлениях берберов о природе. В промежутке он становится соинициатором успешного движения за признание языка берберов одним из государственных в Марокко, добивается создания кафедры бербероведения в университете г. Кадиса в Испании. На испанском выходят его книга по истории искусства и сборник народных берберских сказок. До 1993 года немецкие издательства издают две его книги по истории религии.

После воссоединения Германии Топпер, обосновавшийся тем временем сначала в Испании, а потом в Португалии, решает вернуться в Германию, не расставаясь тем не менее с жилой башней посредине виноградника, приобретенного в окрестности Порто. Начинается, продолжающаяся и по сей день, жизнь на два дома. Дважды в год Топпер с женой пересекают всю Западную Европу, каждый раз по новому маршруту. Каждый такой переезд превращается в исследовательскую экспедицию со сбором материала для новых книг. А пребывание на месте (в Германии или в Португалии) используется для дополнительных экспедиций.

В Германии Топпер увлекся критикой традиционной истории, стал одним из основателей Берлинского, а потом и Потсдамского Исторических салонов. Различным аспектам исторической критики и предыстории посвящены вышедшие с тех пор шесть его книг. Настоящая была первой в этой серии. Она содержит наиболее существенные моменты его критики: анализ процесса выдумывания европейской истории и конструирования ни на чем не основанной хронологии.

Для русского читателя, знакомого с критикой традиционной истории и хронологии с позиций естественных наук, статистики и истории технологии, книга Топпера в первую очередь любопытна тем, что его гуманитарный подход к исторической критике абсолютно независим от русских исследований, но во многом приводит к тем же результатам, что и работы российских критических авторов.

Чистую гуманитарность своей критики Уве Топпер компенсирует за счет широты исследования, своего знания языков и привлечения новых имен из когорты критических исследователей. В результате ему удается открыть новые фронты нападения на традиционную политизированную и идеологизированную историографию, не говоря уже об абсолютно произвольно выдуманной хронологии древности.

Хотя книга и была напечатана всего пять лет тому назад, сегодня Топпер сформулировал бы многие свои положения в значительно более радикальной форме. Многие из приведенных в книге хронологических оценок (XIII веком и более ранним временем) он сдвинул бы на несколько столетий ближе к сегодняшнему дню. В какой-то мере я попытался отразить эту более радикальную нашу с ним позицию в своих комментариях.

* * *

Отношение в Германии к работам российских критиков хронологии хорошо прослеживается по нелегкому пути, который Уве Топпер проделал к своей сегодняшней радикально-критической позиции. Он изучал в свое время в Марокко русский язык, но практически его применял мало и сейчас, к сожалению, не способен в оригинале знакомиться с книгами российских авторов.

Это, а также его чисто гуманитарный настрой и свойственное многим гуманитариям поэтическое и одновременно настороженное отношение к точным наукам, привело к тому, что он не читал ни в оригинале, ни в английском переводе книг А. Т. Фоменко и книг, написанных им в основном в соавторстве с Г. Б. Носовским.

Его знакомство с работами российских «новохронологов» ограничивалось несколькими докладами, произнесенными:

1) в Гамбурге и Берлине называемыми ниже Херибертом Иллигом, Христофом Марксом и Мартином Нофманном, а также

2) В. В. Калашниковым и мной на годовых встречах подписчиков журнала «Временные прыжки», издаваемого Иллигом, в Лейпциге и Леонберге в 1976 и 1977 гг.

Х. Иллиг является лидером большей части немецкого движения за пересмотр хронологии и имеет серьезные заслуги перед ним. В то же время, он опубликовал в своем «толстом» журнале «Zeitensprünge» («Временные прыжки») обзорную статью, в которой занял отрицательную позицию по отношению к фоменковскому подходу и к его результатам. Именно Иллиг, рассказывая в 1995 г. в журнале об английском издании книги А. Т. Фоменко, продемонстрировал непонимание характера найденных А. Т. Фоменко зависимостей между правящими династиями разных временных эпох.

Со временем Иллиг занял враждебную по отношению ко всем результатам теории Фоменко позицию, которая объясняется следующим образом: Х. Иллиг посвятил доказательству фиктивности Карла Великого несколько книг, но так и не смог объяснить возникновение этого легендарного образа. Поэтому его раздражает то обстоятельство, что в книгах А. Т. Фоменко демонстрируются различные прообразы великого, хотя и фиктивного, германско-франкского правителя. И вообще, Иллиг уверен, что теорию Фоменко нам, критикам, историкам, никогда, ни при каких обстоятельствах не «продать», а он хотел бы добиться признания со стороны официальной «исторической науки».

Кроме того, в деятельности Х. Иллига есть свои отрицательные стороны, которые в последнее время все сильнее проявляются. Они коренятся в его личности человека, безусловно, одаренного, исторически широко образованного, весьма работоспособного, энергичного и делового, но лишённого академического опыта и научной терпимости. У него нет толерантности по отношению к «не марширующим в ногу» авторам.

Это уже привело к сужению тематического спектра журнала «Временные прыжки». В нем в настоящее время превалирует тематика сокращения средневековой истории на 297 лет. Необходимость такого «хирургического вмешательства» была обоснована Иллигом в серии книг, в которых доказывалась фантомность периода средневековой истории с 614 по 911 гг.

Кроме того, сужение спектра критики до 297 фантомных лет привело к личному конфликту между Иллигом с одной стороны и целым рядом ветеранов немецкого критического движения (Хр. Маркс, Хр. Блесс и многие другие) с другой. Вовлечены в этот конфликт и некоторые, сравнительно недавно присоединившиеся к движению, авторы (Х. Фридрих, Г. Гайзе, У. Топпер, Хр. Пфистер и автор этих строк). «Отлученные» от журнала авторы не публикуются в нем, исключаются из списка докладчиков на ежегодной встрече абонентов или даже не приглашаются на таковые.

Из многочисленных книг Н. А. Морозова на немецкий язык в свое время была переведена только одна: «В грозе и буре» (см.

Морозов, 1907). Издание было сопровождено интересным предисловием известного критика историчности Христа Артура Дрекса. Эту книгу У. Топпер прочитал сравнительно недавно и занял скептическую позицию по отношению к интерпретации Морозова, увидавшего в Апокалипсисе описание гороскопа, позволяющего предпринять точную ретро калькуляционную датировку описанных в «Откровении Иоанна» событий. Дело в том, что в изданной им в свое время книге об анализе Апокалипсиса (см. Топпер, 1993) упор делался на историографическую сторону и интерпретация Морозова противоречит разработанной Топпером в этой книге концепции о том, что Апокалипсис был многократно обработан разными авторами и редакторами.

О самом существовании Н. А. Морозова большинство современных немецких критиков историографии впервые узнали после моего доклада о нем в 1997 г. в Лейпциге на годовой встрече абонентов журнала «Временные прыжки». Этот доклад был в расширенном виде повторен в Берлинском Историческом салоне. Его изложение было напечатано в журнале «Временные прыжки». Ряд моих статей был посвящен изложению взглядов Н. А. Морозова на древнюю китайскую историю (напомню, что он обнаружил в ней заимствования из римской истории, занесенные туда, скорее всего, иезуитами в XVII веке), на древние астрономию и алхимию, на русскую историю.

Еще один критик хронологии – предположительно русского происхождения – достоин отдельного упоминания: К. Филлипов (K. von Phillipoff). Он опубликовал в 1932 г. в Кельне на немецком журнальную статью под заголовком «Древность – это мираж?» (Altertum – ein Trugbild?). В ней он положительно реагировал на опубликованные к тому времени первые шесть томов «Христа» Н. А. Морозова. О переписке с Филлиповым Морозов сообщает во введении к седьмому тому «Христа».

Эта статья была мной вновь введена в немецкий обиход на докладе в Берлинском Историческом салоне. Доклад был повторен в Историческом салоне в Карлсруэ и впоследствии опубликован (без иллюстраций) в обзоре о деятельности этого Салона. В 2002 г. иллюстрированная версия этой интересной обзорной статьи была опубликована журналом «Magazin2000Plus», имеющим солидный тираж. К сожалению, о личности К. Филлипова ничего разузнать не удалось. Быть может, кто-либо из читателей встречал это имя (или этот псевдоним) и может помочь нам узнать хоть что-то о личности этого автора.

Из книг А. Т. Фоменко на немецкий язык пока не переведена ни одна. Берлинские историки Мартин Гофман и Армии Йене начали переводить на немецкий одну из первых книг Фоменко, но им не удалось найти издателя для этой рукописи, и они не завершили пока эту работу. Они же прочитали в Берлинском Историческом салоне два доклада о теории А. Т. Фоменко, один из которых был опубликован в труднодоступном «Бюллетене Берлинского Исторического Салона». К сожалению, все немецкие критики историографии, за исключением горстки владеющих русским языком, знают в лучшем случае только две переведенные на английский и – из-за высокой цены – малодоступные книги А. Т. Фоменко и его соавторов (см. Фоменко, 1994 и Фоменко, Калашников и Носовский, 1993).

Я посвятил книгам Н. А. Морозова, А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского, а также историко-критическому движению «Цивилизация» в течение последних лет более десятка статей и дюжину докладов. Но все это – лишь начало большого пути. Несмотря на все сказанное выше, знакомство с идеями и результатами российских критиков хронологии в Германии практически только начинается. За редкими исключениями большинство ведущих немецких критиков истории демонстрируют непонимание сути результатов А. Т. Фоменко или, как Х. Иллиг, активное нежелание «уступать территорию» российским «конкурентам». Все мои попытки убедить Иллига в том, что речь идет о союзниках, а не о конкурентах, успеха не имели.

Частично это можно объяснить тем, что в среде немецких критиков историографии преобладают люди с гуманитарным образованием, для которых даже подсчет вероятности является культовым действием из малознакомой чужой религии. Но главную причину я вижу в сознательно проводимой Г. Иллигом политике бойкота данной тематики, в результате чего

пропагандисты идущих из России идей были лишены доступа к основной части историко-критической аудиторией.

Никакие доклады, статьи и тексты в интернете не в состоянии заменить переводов основных русских книг по критике истории и хронологии. К сожалению, немецкие издательства крайне неохотно печатают книги по этой тематике, даже когда речь идет о ведущих немецких авторах в этой области. По этой причине многие из этих авторов (в том числе и Иллиг), вынуждены печатать свои книги за собственный счет.

Именно так увидела недавно свет первая книга на немецком, в которой идеи А. Т. Фоменко получили признание и развитие. Речь идет о книге «Матрица древней истории» (Die Matrix der alten Geschichte. Fribourg, Dillium, 2002) Христофа Пфистера, историка и специалиста по классическим языкам из Швейцарии. Книга имеет подзаголовок «Анализ религиозной выдумки истории».

Знакомство Топпера с работами А. Т. Фоменко приходится в основном на время после выхода настоящей его книги, представляемой ныне на суд российского читателя. Важную роль при этом играли наши многочисленные беседы. Они начались во время нашей совместной поездки с Хр. Марксом на конференцию международного катастрофистского Общества Междисциплинарных Исследований в Лондоне в 1998 г. и продолжались в ходе многочисленных встреч на Исторических салонах в Берлине, Карлсруэ и Потсдаме.

Будучи деятельным членом редакции многоязычного интернет-журнала «Geschichte&Chronologie» («История и хронология»), www.jesus1053.com, Топпер активно содействовал публикации материалов о работах Фоменко и Носовского, а также других российских критиков хронологии. Мы вдвоем редактировали осуществленный одним из читателей перевод на немецкий двух первых лекций из книги Фоменко «Критика традиционной хронологии античности и средневековья (Какой сейчас век?)», Москва, 1993. Они были опубликованы в названном выше интернет-журнале.

Важную роль в понимании У. Топпером российского подхода к критике хронологии сыграло его знакомство с «Книгой цивилизации» Я. А. Кеслера и И. В. Давиденко. Он прочитал как английский, так и французский перевод этой книги. Так как Топпер многие годы занимается разоблачением фальшивок, выставленных во многих исторических и археологических музеях мира, то ему импонировал связанный с историей технологии критический подход к датировкам артефактов, технологий и материалов. Пропагандируемая Г. К. Каспаровым, написавшим предисловие к этой книге, идея об организации широкомасштабной научной проверки фондов музеев силами междисциплинарной группы экспертов находит поддержку у Топпера.

Немецкая и российская критика историографии и хронологии развивались в 80-е и 90-е годы почти без контакта друг с другом. Перевод книги Топпера на русский язык следует рассматривать как один из первых шагов на пути преодоления связанного с этим взаимного незнания результатов исследований.

Евгений Габович (Потсдам, Германия)

Предисловие

Цель этой книги – разоблачение. Арена действия – огромный, окутанный таинственным флером период мировой истории: от Античности до эпохи Возрождения. Мы зальем лаборатории средневековых историографов безжалостным светом анализа, рассеем клубы романтического тумана и попытаемся представить себе действительный облик прошлого. Дело это нелегкое: глаза привыкли к традиционной картине мира прошедших эпох, хотя очевидно, что история была совсем не такой, какой нас учили в школе.

Наша цель – разоблачение, но не иконоборчество. Разумеется, досадно вдруг осознать, что Великий Герой Истории оказался наспех изготовленным и прихваченным на живую нитку чучелом: культ героев есть насущная, отвечающая религиозным устремлениям потребность европейских народов, наряду с почитанием предков, поклонением кумирам и поисками своего «я». Шумное низвержение героев с пьедестала не входит в мои намерения: ведь люди продолжают верить в Бога и после того, как узнают, что Христос не был историческим лицом.

Ниже я попытаюсь описать явление, обозначенное Каммайером как «Широкомасштабная Операция», а именно – фальсификацию нашей истории в позднем средневековье и в эпоху Возрождения¹.

К сожалению, мне трудно привлечь труды Каммайера в качестве основы построения системы доказательств: при жизни он не получил признания и его идеи не известны широкой публике. Я ограничусь кратким изложением его тезисов, присовокупив к ним собственные размышления².

Предпринятая мной реконструкция ничуть не принижает короля Артура или императора Карла Великого как классических европейских героев, но она дает представление о том, когда и зачем возникли эти персонажи, грандиозные деяния которых суть плоды мрачного и красивого вымысла. Только в таком качестве мы и приобщим их к нашей общей истории: как литературное выражение потребности западноевропейских народов в героической модели поведения.

Ведь если бы Карл Великий действительно во время званого обеда убил четыре тысячи представителей лучших родов саксов или, мстя за своего друга Роланда, утопил в Эбро 130 000 сарацинов (причем Бог остановил солнце, чтобы Карл смог сполна утолить жажду крови), то он, как лицо историческое, вызвал бы наше решительное неприятие.

Лишь очистив историю от подобных заблуждений и установив, что эти «события» суть сказки и небылицы, ложь и пропаганда, мы сможем добиться взаимопонимания и достичь мирного сосуществования с нашими соседями.

То, о чем я собираюсь рассказать, не есть исключительно мое личное открытие: и до меня были во все эпохи ученые и писатели, понимавшие истинное положение дел, распознававшие фальсификации и решительно с ними боровшиеся. Образно говоря, в науке всегда существовала вторая колея, шедшая параллельно официальному навязанному учению. Исследователи, вставшие на этот путь, бесстрашно разоблачали самовольное и сознательное искажение исторической картины мира. Аргументы научных еретиков, с которыми я столкнулся во время изысканий, представлены в этой книге.

Кроме этого, будут изложены воззрения некоторых современных авторов, внесших огромный вклад в исследование вопроса (Гертруды Бодманн, Регины Зоннтаг, Жака Ле Гоффа и т.д.), и ученых, работавших на рубеже XIX и XX столетий (Делицша, Харнака, Веллхаузена и т.д.). К авторитету этих специалистов я обращусь вполне в позитивном смысле – не с целью опровержения, но прочитывая их труды под новым углом зрения, открытым Балдауфом, Шпенглером, Каммайером, Олагуэ, де Оливейрой и Хунке.

Примечание

Книга была начата в 1994 году в Берлине. Работа шла медленно из-за длительных заграничных поездок, из которых наиболее плодотворными и обогатившими материал оказались испанские изыскания. С некоторыми главами в виде статей и докладов я знакомил узкий круг исследователей. Этим людям (активистам Берлинского Исторического салона, авторам журнала «Zeitensprünge» и членам Общества EFODON) я хочу выразить признательность за многочисленные замечания. Отдельного упоминания и особой благодарности заслуживает Кристоф Маркс, один из авторов идеи книги.

¹ Использование этого термина по отношению к описанию прошлого является спорным. Фальсифицировать можно лишь то, что существовало или известно: банкноты, монеты, картины художников и произведения писателей, стиль которых известен. Фальсификация имела и имеет место в новой и новейшей истории. В случае «античной» истории правильнее говорить об ее придумывании. Наше отдаленное прошлое не только и не столько описывалось неверно, сколько талантливо создавалось на виртуальном уровне, выдумывалось историческими фантастами.

² Роль Вильгельма Каммайера в немецкой критике историографии сравнима с таковой Н. А. Морозова в России, хотя первый из них и испытывал гораздо большие трудности при публикации своих работ.

Цитаты из иноязычных источников, если это не оговаривается особо, были переведены на немецкий мною.

Глава 1. ТРИ ОБВИНИТЕЛЯ

Тезис о том, что христианство – это европейское творение, возникшее не ранее X века новой эры, при всей его очевидности и огромном количестве сторонников, нуждается все же в определенном разъяснении. Оно будет приведено ниже и по необходимости будет довольно кратким: для более подробного его изложения нам бы потребовалось привлечь материал, объемом многократно превышающий скромные размеры настоящего издания, в том числе историю христианской церкви, историю античности и раннего средневековья.

Три выдающихся мыслителя разных эпох и народов не побоялись – каждый в свое время – бросить вызов официальной историографии, устоявшимся представлениям и всему «обычному» знанию, которое вдалбливали в головы многим поколениям школьников. Возможно, не все современные их последователи знают имена этих своих предшественников, по крайней мере, не все их упоминают.

Гардуэн

Первым был Жан Гардуэн, ученый иезуит, родившийся в 1646 году в Бретани и работавший учителем и библиотекарем в Париже. Двадцати лет от роду он вступил в Орден; в 1683 году возглавил французскую Королевскую библиотеку. Современники поражались обширности его познаний и нечеловеческой работоспособности: научным изысканиям он посвящал все свое время с 4 часов утра до поздней ночи.

Жан Гардуэн считался непререкаемым авторитетом в области теологии, археологии, изучения древних языков, нумизматики, хронологии и философии истории. В 1684 году он издал речи Темистия; опубликовал работы о Горации и по античной нумизматике, а в 1695 году представил на суд общественности исследование последних дней Иисуса, в котором, в частности, доказал, что по традициям Галилеи Тайная Вечеря должна была состояться в четверг, а не в пятницу.

В 1687 году французское Церковное собрание поручило ему колоссальную по объему и значению задачу: собрать материалы всех Церковных соборов, начиная с I века новой эры, и, приведя их в соответствие с изменившимися догмами, подготовить к печати. Работу заказал и оплатил Людовик XIV. Спустя 28 лет, в 1715 году, титанический труд был окончен. Янсенисты и адепты других богословских направлений в течение десяти лет оттягивали издание, пока в 1725 году материалы Церковных соборов, наконец, не увидели свет. Благодаря качеству обработки и умению систематизации материала, до сих пор считающегося образцовым, он выработал новые критерии для современной исторической науки.

Одновременно с главным трудом жизни Гардуэн издавал и комментировал многие тексты (прежде всего «Критику „Естественной истории“ Плиния», 1723). Но, несмотря на то что безупречный образ жизни и научные достижения ученого-иезуита снискали ему славу и уважение в образованных слоях общества, – его критика письменного наследия античности вызывала ожесточенные нападки коллег.

Еще в 1690 году, анализируя «Послания Святого Златоуста к монаху Кезару», он предположил, что большинство работ якобы античных авторов (Кассиодора, Исидора Севильского, Святого Юстина Мученика и т. д.) созданы многими столетиями позже, то есть вымышлены и фальсифицированы³. Переполох, начавшийся в ученом мире после подобного

³ Являются апокрифами по терминологии Н. А. Морозова. Такие написанные от чужого лица подделки и поделки имели в первую очередь целью не фальсификацию (чего?), а достижение уровня публикабельности: в первое столетие книгопечатания шанс на успех могла иметь только книга «раскрученного» автора, а таковыми часто были вымышленные «древние», а не реальные современные авторы. Апокрифы не считались фальшивками в ментальной атмосфере эпохи Ренессанса.

заявления, объяснялся не только тем, что суровый приговор одного из образованнейших людей того времени было не так-то легко опровергнуть. Нет, многие коллеги Гардуэна были прекрасно осведомлены об истории фальсификаций и более всего опасались разоблачения и скандала.

Однако Гардуэн, продолжая расследование, пришел к выводу, что большинство книг классической древности – за исключением речей Цицерона, «Сатир» Горация, «Естественной истории» Плиния и «Георгию» Вергилия⁴, – являются фальсификациями, созданными монахами XIII века и введенными в европейский культурный обиход. Это же относится и к произведениям искусства, к монетам, к материалам Церковных соборов (до XVI века) и даже к греческому переводу Старого Завета и якобы греческому тексту Нового Завета. Приводя многочисленные доказательства, Гардуэн показывал, что Христос и Апостолы – буде таковые существовали – должны были молиться на латыни. Тезисы ученого-иезуита вновь потрясли научное сообщество, тем более что и на этот раз аргументация была неопровержимой. Орден иезуитов наложил на ученого взыскание и потребовал опровержения, каковое, впрочем, и было представлено в самых формальных тонах. После смерти ученого, последовавшей в 1729 году, научные баталии между его сторонниками и более многочисленными противниками продолжались. Страсти накалили найденные рабочие записи Гардуэна, в которых он прямо именовал церковную историографию «плодом тайного заговора против истинной веры». Одним из главных «заговорщиков» он считал архонта Северуса (XIII век).

Гардуэн проанализировал писания отцов церкви и объявил большинство из них фальшивками. В их число попал и блаженный Августин, которому Гардуэн посвятил множество работ. Его критика вскоре получила название «система Гардуэна», потому что, хотя у него и были предшественники, никто из них настолько проницательно не исследовал вопрос о достоверности древних текстов. После смерти ученого официальные христианские теологи оправились от шока и принялись задним числом «отвоевывать» фальшивые реликвии. Так, например, «Послания Игнация» (начало II века) по-прежнему считаются святыми текстами.

Один из противников Гардуэна, ученый епископ Хюэ заявил: «В течение сорока лет он трудился, чтобы опорочить свое доброе имя, но это ему не удалось».

Приговор другого критика, Хенке, более корректен: «Гардуэн был слишком образован, чтобы не понимать, на что он посягает; слишком умен и тщеславен, чтобы легкомысленно рисковать своей репутацией; слишком серьезен, чтобы веселить ученых коллег. Близким друзьям он ясно дал понять, что ставит целью ниспровержение авторитетнейших отцов христианской церкви и древних церковных историографов, а вместе с ними и целый ряд античных писателей. Таким образом, он подверг сомнению всю нашу историю».

Некоторые работы Гардуэна были запрещены французским парламентом. Одному страсбургскому иезуиту, однако, удалось издать в Лондоне в 1766 году «Введение к критике древних писателей». Во Франции эта работа запрещена и по сей день является раритетом.

Труды Гардуэна по нумизматике, его система распознавания фальшивых монет и ложных датировок признаны образцовыми и используются коллекционерами и историками во всем мире.

Языковед Балдауф

Следующим⁵ был Роберт Балдауф, в начале XX века – приват-доцент университета в Базеле. В 1903 году в Лейпциге вышел первый том его обширного труда «История и критика»,

⁴ Т. е. произведений, которым он посвятил свои исследования. Все мы люди, все мы человеки и нам легко понять автора, не желающего пожертвовать своими героями.

⁵ Критика историографии продолжалась и в XVIII, и в XIX веке. О некоторых критиках Топпер пишет ниже в разных главах. Так, он упоминает кратко Вольтера в гл. 12. Называя Балдауфа следующим, Топпер подчеркивает свою высокую оценку этого «не замеченного историками» критического автора в ряду наиболее капитальных критиков историографии.

в котором он подверг анализу знаменитое сочинение «Gesta Caroli magni» («Деяния Карла Великого»), приписываемое монаху Ноткеру из монастыря Сент-Галлен.

Обнаружив в сент-галленской рукописи множество выражений из обиходных романских языков и из греческого, что выглядело явным анахронизмом, Балдауф пришел к выводу: «Деяния Карла Великого» Ноткера-Заики (IX век) и «Causus» Эккехарта IV, ученика Ноткера Немецкого (XI век)⁶, настолько сходны по стилю и языку, что, скорее всего, написаны одним и тем же человеком.

На первый взгляд, по содержанию они не имеют между собой ничего общего, следовательно, в анахронизмах виноваты не переписчики; следовательно, мы имеем дело с фальсификацией:

«Сент-галленские сказки удивительно напоминают сообщения, считающиеся исторически достоверными. По Ноткеру, мановением руки Карл Великий срубал головы крошечным, величиной с меч, славянам. По анналам Эйнхарта, при Вердене этот же герой в одночасье уничтожил 4500 саксов. Что, по-вашему, правдоподобнее?»

Встречаются, однако, еще более поразительные анахронизмы: например, «Истории из купальни с пикантными подробностями» могли выйти только из-под пера человека, знакомого с исламским Востоком. А в одном месте мы встречаемся с описанием водных ордалий («божьего суда»), содержащим прямой намек на инквизицию.

Ноткеру известна даже «Илиада» Гомера, что Балдауфу кажется совершенно абсурдным. Смешение гомеровских сцен с библейскими в «Деяниях Карла Великого» наталкивает Балдауфа на еще более смелые выводы: поскольку большая часть Библии, в особенности Старого Завета, тесно связана с рыцарскими романами и «Илиадой» – можно предположить, что возникли они примерно в одно время.

Подробно анализируя во втором⁷ томе «Истории и критики» греческую и римскую поэзию, Балдауф приводит факты, от которых вздрогнет любой неискушенный любитель классической древности. Он находит множество загадочных деталей в истории «выплывших из небытия» в XV веке классических текстов и подводит итог: «Слишком уж много неясностей, противоречий, темных мест в деле открытий гуманистов пятнадцатого века в монастыре Сент-Галлен. Разве это не удивительно, если не сказать: подозрительно? Странное дело – эти находки. И как быстро изобретается то, что хочется найти». Балдауф задается вопросом: не «изобретен» ли Квинтилиан, следующим образом критикующий Плавта (т. X, 1): «музам приходилось говорить на языке Плавта, а им хотелось говорить на латыни». (Плавт писал на народной латыни, что для II века до н. э. было абсолютно невыносимым.)

Упражнялись копиисты и фальсификаторы в остроумии на страницах вымышленных ими произведений? Кто знаком с творчеством «рыцарей Карла Великого» с их «римскими» поэтами от Эйнхарда, тот оценит, как забавно выщучивается там классическая древность!

Балдауф обнаруживает в произведениях античных поэтов черты типично немецкого стиля, совершенно несовместимого с античностью, как, например, аллитерации и конечные рифмы. Он ссылается на фон Мюллера, который полагает, что Казина-Пролог Квинтилиана также «изящно зарифмован».

Это касается и прочей латинской поэзии, – говорит Балдауф и приводит поразительные примеры. Типично немецкая конечная рифма была введена в романскую поэзию лишь средневековыми трубадурами.

Подозрительное отношение ученого к Горацию оставляет вопрос, был ли знаком Балдауф с трудами Гардуэна, открытым. Нам кажется невероятным, чтобы маститый филолог не читал критику французского исследователя. Другое дело, что Балдауф в своей работе решил исходить из собственных посылок, отличных от двухсотлетней давности аргументов ученого иезуита.

Балдауф выявляет внутреннюю взаимосвязь между Горацием и Овидием и на вопрос: «как

⁶ Т. е. якобы совершенно иного лица.

⁷ Балдауф обозначил этот том как 4-й, но два запланированных им промежуточных тома, судя по всему, ему не удалось издать.

можно объяснить очевидное взаимовлияние двух античных авторов» сам же отвечает: «кому-то это вовсе не покажется подозрительным; другие, рассуждая, по меньшей мере, логично, предполагают наличие общего источника, из которого черпали оба поэта». Далее он ссылается на Вёльфлина, который с некоторым удивлением констатирует: «классические латинисты не обратили друг на друга внимания, а мы приняли за вершины классической литературы то, что на самом деле является позднейшей реконструкцией текстов людьми, чьих имен мы, возможно, никогда не узнаем».

Балдауф доказывает использование в греческой и римской поэзии аллитерации, приводит в пример стихотворения немца Муспилли и задается вопросом: «откуда аллитерация могла быть известна Горацию». Но если в рифмах Горация обнаруживается «немецкий след», то в написании чувствуется влияние уже сформировавшегося к средним векам итальянского языка: частое появление непроизносимого «н» или перестановка гласных. «Впрочем, в этом, конечно же, обвинят нерадивых переписчиков!» – заканчивает пассаж Балдауф (с. 66).

«Записки о галльской войне» Цезаря также «буквально кишат стилистическими анахронизмами» (с. 83). О последних трех книгах «Записок о галльской войне» и трех книгах «Гражданской войны» Цезаря он говорит: «Всем им свойственна одна и та же однообразная рифмовка. То же относится к восьмой книге „Записок о галльской войне“ Авла Гирция, к „Александрийской войне“ и „Африканской войне“. Непостижимо, как можно считать авторами названных сочинений разных людей: человек, обладающий мало-мальским чувством стиля, тотчас узнает в них одну и ту же руку».

Фактическое содержание «Записок о галльской войне» производит странное впечатление. Так, слишком уж кельтские друиды у Цезаря похожи на египетских жрецов. «Удивительный параллелизм!» – восклицает Борбер (1847 год), на что Балдауф замечает: «Античная история полна подобными параллелизмами. Это – плагиаты!» (с. 84).

«Если бы трагические ритмы гомеровской „Илиады“, конечные рифмы и аллитерации принадлежали к обычному арсеналу античной поэзии, то они бы непременно упоминались в классических трактатах о поэтическом мастерстве. Или выдающиеся филологи, зная про необычные приемы, хранили свои наблюдения в тайне?» – продолжает иронизировать Балдауф.

В заключение я позволю себе еще одну пространную цитату из его труда: «Напрашивается вывод: Гомер, Эсхил, Софокл, Пиндар, Аристотель, прежде разделенные веками, приблизились друг к другу и к нам. Все они – дети одного столетия, и родина их – вовсе не древняя Эллада, но Италия XIV-XV веков. Наши римляне и эллины оказались итальянскими гуманистами. И еще: большинство греческих и римских текстов, написанных на папирусе или пергаменте, высеченных на камне или в бронзе, – суть гениальные фальсификации итальянских гуманистов. Итальянский гуманизм подарил нам письменно зафиксированный мир древности, Библию и, совместно с гуманистами других стран, историю раннего средневековья. В эпоху гуманизма жили не только ученые собиратели и интерпретаторы древностей – то было время чудовищно напряженной, неустанной и плодотворной духовной деятельности: более пятисот лет мы шагаем по указанному гуманистами пути.

Утверждения мои звучат необычно, даже дерзко, но они доказуемы. Некоторые доказательства я представил на страницах этой книги, другие всплывут, когда эпоха гуманизма будет исследована до самых темных глубин. Для науки такое исследование есть вопрос первойшей важности» (с. 97 и далее) ⁸.

Насколько мне известно, Балдауфу не удалось завершить свои изыскания. Его научные замыслы, однако, включали в себя изучение поздних редакций Библии. Поэтому можно не сомневаться, что в рукописях Балдауфа, будь они когда-либо найдены, мы встретим еще немало шокирующих неожиданностей.

⁸ «Было бы крайней глупостью отмахнуться от приведенных выше тезисов и вернуться к каждодневной рутине», – пишет Балдауф в последнем предложении цитированного абзаца. Именно это, к сожалению, и произошло.

Каммайер и «Широкомасштабная Операция»

Третьим видным обвинителем был Вильгельм Каммайер, родившийся «между 1890 и 1900 годами», (Нимитц, 1991). Он учился юриспруденции, работал в конце своей жизни школьным учителем в Тюрингии, где и скончался в 50-е годы в полной нищете⁹.

Полемика приложения его исследовательской деятельности стали письменные свидетельства средневековья. Каждый законный акт, считал он, будь то акт дарения или подтверждения пожалованных привилегий, удовлетворяет в первую очередь четырем основным требованиям: из него ясно кто кому, когда где этот документ выдал. Документ, адресат которого либо дата выдачи неизвестны, теряет юридическую силу.

То, что нам кажется само собой разумеющимся, иначе воспринималось людьми позднего средневековья и начала Нового времени. На многих старых документах не обозначена полная дата; не проставлен год, либо день, либо ни то ни другое. Юридическая их стоимость, таким образом, равна нулю. Каммайер установил этот факт, досконально анализируя своды средневековой документации; по большей части он работал с многотомным изданием Гарри Бреслау (Берлин, с 1889 по 1931 годы).

Сам Бреслау, принимавший большинство документов за чистую монету, с изумлением констатирует, что IX, X и даже XI века были периодом, «когда математическое чувство времени у писцов, даже служивших – ни много, ни мало – в имперской канцелярии, находилось в зачаточном состоянии; и в имперской документации этой эпохи мы находим бесчисленные тому доказательства». Далее Бреслау приводит примеры: с января 12-го года правления императора Лотара I (соответственно, 835 год н. э.) датировка перескакивает на февраль 17-го года правления того же монарха; события идут своим чередом лишь до марта, а затем – с мая в течение двух с половиной лет датировки представляют якобы 18-й год правления. В правление Оттона I два документа датированы 976 годом воплощения вместо 955 и т. д. Подобными же ошибками полны документы папской канцелярии. Бреслау пытается объяснить это местными различиями в отсчете начала нового года; путаницей дат самого акта (например, дарения) и нотариальной записи об акте (составления дарственной грамоты), психологическими заблуждениями (особенно сразу после начала года); небрежностью переписчиков, и все же: великое множество письменных свидетельств имеют совершенно невозможные датировки.

Но мысль о фальсификации не приходит ему в голову, напротив: часто повторяющаяся ошибка подтверждает для Бреслау подлинность документа. И это несмотря на то что многие даты, очевидно, проставлены задним числом, иногда таким образом, что их просто не разобрать! Бреслау, человек энциклопедической образованности, с трудолюбием кропотливо перерывший массу материала, проработавший десятки тысяч документов, так и не смог оценить результаты своего научного поиска и, поднявшись над материалом, увидеть его под новым углом зрения.

Первым это удалось Каммайеру.

Один из современников Каммайера, Бруно Круш, трудившийся, как и Бреслау, в академической науке, в «Очерках по франкской дипломатии» (1938, с. 56) сообщает, что ему попался документ, в котором недоставало букв, и «на их месте зияли лакуны». Но он и прежде сталкивался с грамотами, где для имен были оставлены свободные места «для позднейшего заполнения» (с. 11). Существует много фальшивых документов, продолжает Круш, но не

⁹ До второй мировой войны Каммайер работал нотариусом и юристом в Ганновере и в своей критике историографии, к которой он приступил в 1923 году, он использовал все тонкости своего юридического ремесла (его первая книга). В Веймарской Республике историки отказывались иметь дело с Каммайером и его критикой. Не получил он признания и у национал-социалистов. В атеистической ГДР, по возвращению из советского плена, он надеялся на положительное отношение властей к его критике ранней католической церкви (его вторая книга), но опасность его критики для всей исторической мифологии была распознана, оригинал его рукописи конфискован ШТАЗИ, а сам он уволен с должности учителя. Он умер в 1959 году в результате хронического недоедания (т. е. от голода) и похоронен в г. Арнштадт. Кроме двух указанных в списке литературы книг, он опубликовал несколько брошюр, из которых была составлена его третья книга «Правда об истории позднего Средневековья», изданная впервые в 1979 году.

каждый исследователь способен разглядеть подделку. Бывают «нелепые подделки» с «немыслимой датировкой», как, например, грамота о привилегиях короля Хлодвига III, разоблаченная Хеншеном и Папebroхом еще в XVII веке. Грамоту, предоставленную королем Хлотаром III Безье, которую Бресслау считает вполне доказательной, Круш объявляет «чистой воды фальшивкой, никогда и не оспариваемой вероятно по той причине, что ее мгновенно распознал как таковую любой понимающий критик». Собрание документов «Chronicon Besuense» Круш безоговорочно относит к фальсификатам XII века (с. 9)¹⁰.

Изучая первый том «Собрания актов» Пертца (1872), Круш хвалит автора собрания за то, что тот обнаруживает наряду с девяносто семью якобы подлинными актами Меровингов и двадцатью четырьмя якобы подлинными актами мажордомов почти столько же подделок: соответственно 95 и 8. «Главной целью любого архивного исследования является определение подлинности письменного свидетельства. Историк, не достигший этой цели, не может считаться профессионалом в своей области». Дополнительно к разоблаченным Пертцем фальшивкам, Круш называет таковыми многие из признанных Пертцем за подлинники документы. Частично на это указывали уже разные другие исследователи. Большинство фальсификатов, не распознанных Пертцем, по мнению Круша, настолько очевидны, что не подлежат серьезному обсуждению: вымышленные топонимы, анахронизмы стиля, ложные даты. Одним словом, Каммайер оказался просто чуть радикальнее корифеев немецкой науки.

Несколько лет назад Ганс-Ульрих Нимиц, вновь проанализировав тезисы Каммайера, заключил, что фактический материал, собранный скромным учителем из Тюрингии, способен повергнуть в трепет любого здравомыслящего представителя академической науки: не существует в рукописи подлинника ни одного важного документа или серьезного литературного произведения средневековья. Имеющиеся же в распоряжении историков копии настолько разнятся друг от друга, что реконструировать по ним «исходный оригинал» не представляется возможным. К этому выводу с завидным упорством приводят «генеалогические деревья» сохранившихся или цитируемых цепей копий. Учитывая, что масштабность явления исключает случайность, Каммайер приходит к выводу: «Многочисленных предположительно „утраченных“ оригиналов никогда не существовало в действительности», (1980, с. 138).

От проблемы «копий и оригиналов» Каммайер переходит к анализу фактического содержания «документов» и, между прочим, устанавливает, что германские короли и императоры были лишены постоянного места жительства, находясь всю свою жизнь в пути. Часто они присутствовали в двух местах одновременно или в кратчайшие сроки преодолевали огромные расстояния. Основанные на подобных документах современные «хроники жизни и событий» содержат сведения об императорских беспорядочных метаниях.

На многих официальных актах и грамотах отсутствуют не только дата и место выдачи, но даже имя адресата. Это относится, например, к каждому третьему документу эпохи правления Генриха II и к каждому второму – эпохи Конрада II. Все эти «слепые» акты и грамоты не имеют юридической силы и исторической достоверности¹¹.

Такое обилие фальсификатовстораживает, хотя ограниченное количество подделок следовало бы ожидать. При более внимательном рассмотрении Каммайер приходит к выводу: подлинных документов практически не существует, а фальшивки изготовлены в большинстве случаев на крайне низком уровне, причем неряшливость и торопливость в изготовлении фальшивок не делает чести средневековой гильдии поддельщиков: анахронизмы стиля, правописания, разноразмерные шрифты. Распространенное повторное использование пергамента после соскабливания с него старых записей противоречит всем правилам искусства подделок.

¹⁰ Хроника монаха Йоханнеса де Беца, якобы составленная около 1200 года, «описывает» события 600-1174 годов. Несмотря на разоблачения Круша, продолжает фигурировать в списках латинских «источников».

¹¹ Такие «документы» указывают на то, что индустрия фальсификации грамот производила на заказ и после соответствующей оплаты любой документ по требованию заказчика. И если оный – не будучи шибко грамотным – сомневался в имени дарителя или одариваемого, в дате или в названии местности и хотел посоветоваться про эти детали с доверенными лицами, то ему, конечно, изготавливали и грамоту с любым набором пропусков.

Возможно, многократное соскабливание текстов со старых пергаментов (палимпсест) есть не что иное, как попытка, «состарив» полотно оригинала, придать большую достоверность новому содержанию.¹²

Итак, установлено: противоречия между отдельными документами непреодолимы.

На вопрос о цели изготовления бесчисленного множества в материальном смысле ничего не стоящих фальшивок Каммайер дает, на мой взгляд, единственно логичный и очевидный ответ: фальсифицированные документы должны были, заполнив лакуны идеологически и мировоззренчески «правильным» содержанием, симитировать «Историю». Юридическая ценность подобных «исторических документов» равна нулю.

Гигантский объем работы определил ее поспешность, неуправляемость и, как следствие, небрежность в исполнении: многие документы даже не датированы.

После первых ошибок с противоречащими друг другу датировками начали оставлять строку для даты незаполненной, словно составители ждали (и не дождались) появления некоей единой установочной линии. «Широкомасштабная Операция», как определил предприятие Каммайер, так никогда и не была завершена.

В высшей степени необычные идеи Каммайера, кажущиеся мне теперь основанными на верной базисной идее, не были приняты современниками. Продолжение начатого им расследования и поиски ясности должны стать важнейшей задачей всех историков.

Осмысление открытия Каммайера подвигло меня предпринять исследования, результатом которых стало твердое убеждение в том, что, действительно, начиная со времен ранних гуманистов (Николай Кузанский) и до иезуитов, осуществлялась сознательная и усердная фальсификация истории, лишенная, как уже было сказано, единого точного плана. Произошло страшное изменение нашего исторического знания. Результаты этого процесса затрагивают каждого из нас, ибо они застилают нам взгляд на действительные прошлые события.

Ни один из трех вышеназванных мыслителей, не осознавая изначально истинных масштабов акции, вынужден был постепенно, шаг за шагом исследовать, а затем, один за другим, отвергать считавшиеся им подлинными документы античности и средневековья. Их путем последовал и я.

Несмотря на то что вынужденные отречения, запрет со стороны государственной либо церковной власти, «несчастные случаи» (я вспоминаю Лакунцу), а то и стесненные материальные обстоятельства способствовали стиранию из научной памяти свидетельств исторического обвинения, всегда находились и находятся новые правдоискатели, в том числе и в собственных рядах историков-профессионалов, с исследованиями которых мы познакомимся в следующих главах.

Глава 2. МУЧЕНИКИ

Девиз «Ave, Deo, morituri te salutant»

*(«Славься, Боже, идущие на смерть приветствуют тебя»)*¹³

¹² Не исключено, что параллельно с выдумыванием виртуального прошлого на «высшем уровне» происходил и другой процесс «делания истории» снизу, из гущи недавно народившейся прослойки феодалов. Возникшие много позже, чем это представляют себе живущие с неверной хронологией историки, феодальные отношения (приблизительно с XI-XII веков в Южной Франции и в Северной Италии, а затем и в других странах Европы) привели к захвату угодий будущими феодалами, к разделу между ними громадных территорий. Когда же с распространением грамотности в начале Ренессанса возникла идея о придании захватам легитимности путем придуманных дарственных, быстро появилась индустрия фабрикации разного рода «древних» документов. С их же помощью пытались обосновать свои права и на владения других феодалов или на имперские города. Такой инструментализацией «древних» документов славился особенно французский король Людовик XIV.

¹³ Девиз гладиаторов, а не мучеников. Впрочем, истории о гладиаторах не намного достовернее сказок о мучениках христианства.

Представим себе, что святой Игнатий, ревностный пацифист, не желавший, судя по его писаниям, ничего большего, кроме как немедленно принять смерть за веру, выходит наконец, примерно в 115 году н. э., на арену римского цирка. Публика разом поднимается с каменных скамей и, неистовствуя, приветствует долгожданного укротителя львов. Решетка поднимается, и из клетки парами выскальзывают львы. Отощавшие после долгого поста, они нервно принимают и устремляются на запах вожделенной плоти. Игнатий торжественно поднимает правую руку, благословляя то, что не успел благословить Господь. Львы, смущенно оглядываясь по сторонам, возвращаются в свои клетки, по мановению правой руки благочестивого старца превращаются в вегетарианцев. Публика кидается в кассы и требует деньги обратно.

Или: львы думают, что им наконец-то подкинули корма, срывают с него власяницу (что само по себе не такая уж легкая задача) и, огрызаясь друг на друга, раздирают Игнатия на части (не густо, но в качестве закуски подойдет). Публика кидается в кассы и... см. выше.

Или: Игнатий – это выдумка XII века. Значит, речь идет о романе, который никогда не рассматривался как исторически правдивый. Он пересказывался и остался в памяти благодаря мистическому содержанию.

Или: Игнатий, лицо, считавшееся историческим, – это выдумка XV–XVI веков. Современная публика кидается к кассе и требует деньги обратно.

Вообще, странное дело с этими мучениками. В истории Церкви их многие тысячи. Но был ли хоть один в действительности? Возможно, но тогда это был не христианин.

Предположим, я – древнеримский импресарио и заключаю контракты с гладиаторами, чьи звучные имена обеспечивают цирку полный аншлаг. Стал бы я связываться с христианами? С людьми, при виде львов приветственно воздевающими правую руку, вместо того чтобы кидаться на них с сетью и трезубцем, как того требует публика? Я не только не допустил бы их на арену цирка, я даже не стал бы подкармливать ими своих царственных хищников. Даже если бы христиане к этому времени уже существовали.

Предположим, христиане к тому времени уже существовали. Тогда на арену они бы выходили с девизом: «Славься, Боже, мы возносимся». Какое уж тут веселье для зрителей!

Позволю себе добавить: Мученические Акты (да-да, именно так официально – Акты) составляют тома, которые вряд ли вместила бы моя комната. И все эти мученики – христиане, растерзанные львами, проглоченные крокодилами или павшие (с воздетой правой рукой) под ударами иноверцев. И тотчас же, по представлениям конца средневековья, отправившиеся на небо, либо, как считалось ранее, в подземный мир: почивать, как и положено добрым христианам, до дня Страшного Суда.

Истории мучеников описаны ранними отцами церкви. У одного из них, святого отца Оригена (что значит: первоначальный, предтеча), в услужении находился 21 секретарь. Секретариат ежедневно трудился в три смены, семерками по восемь часов. Святой отец, видимо, вовсе не имел обыкновения спать, иначе он не успел бы надиктовать все приписываемые ему сочинения (6000 томов плюс Гексапла, охватывающая шесть различных переводов Ветхого Завета, состоящих в современном издании из 25 книг. К тому же Ориген много путешествовал). С утра за ним записывали семь юнцов-послушников, после обеда – семь зрелых мужей. Затем – семеро дев (мы бы сказали, что это была ночная смена).

Они записывали слово за словом все, что произносил святой человек. Читал ли он корректуры? Впрочем, когда за тобой одно и то же записывают семеро человек, большой необходимости в этом нет. Чему учит нас эта в высшей степени «правдоподобная история»? Тому, что нас с вами обманывают, водят за нос.

Кому же и для чего понадобилось привлекать столь пристальное внимание к трудам, мыслям, образу жизни и обстоятельствам гибели придуманных отцов веры и его подопечных? Цель, впрочем, ясна: мученики являют нам образцы добродетели. И если кто-то из них когда-либо был убит язычниками, следовательно, и мы имеем полное право убивать язычников,

топить ведьм, сжигать Джордано Бруно или преследовать евреев ¹⁴.

Таким образом, мученики – это выдумка инквизиции. Святой инквизиции.

Она была возрождена к жизни (или преобразована) около 1460 года при благочестивом Римском Папе Пие II, в миру – Сильвио де Пикколомини (Пиус значит – благочестивый, кроткий). Пия I Святого, принявшего якобы мученическую смерть в 157 году, скорее всего, никогда не существовало. Он, подобно прочим мученикам, был выдуман.

Целая эпоха полнится мучениками и отцами веры, как будто в I, II и III веках уже существовали христиане. Но у нас они появились лишь в XI веке, а в Византии, где все выглядело несколько благочестивее, – столетием раньше: здесь христиан не понадобилось даже придумывать. Их выплавили из «религиозного металлолома»: в христиан превратились последователи гностицизма.

По поводу инквизиции: ее верховный трибунал был утвержден в Риме в 1452 году, – заявил глава организации-правопреемницы кардинал Ратцингер 22 января 1998 года, – и 4500 томов ее документов (до 1903 года) преданы гласности.

Давайте подумаем, не ошибся ли уважаемый кардинал в датах? Не появилась ли инквизиция гораздо раньше? Вот отрывок из работы одного из лучших католических теологов: «В Париже 31 мая 1310 года бегинка ¹⁵ Маргерит Порет была предана огню как еретичка. Перед этим была публично сожжена ее книга «Зерцало простых душ». Майстер Экхарт знал об этом, ведь он жил по соседству с Вильгельмом Парижским, генеральным инквизитором, возглавлявшим процесс». Несовпадение данных.

Двое мирян, Отто Штайгер и Г. Хайнсон, в книге «Истребление мудрых женщин» называют время между 1360 и 1700 годами эпохой наивысшей активности инквизиции.

В энциклопедии Майера мы читаем, что в 1215 году на Латеранском церковном соборе присутствовала инквизиция. Начиная с XIII века, еретиков выставляли на всеобщее поругание, замуровывали в стены, приговаривали к галерным работам и сжигали (живых людей, но и останки давно умерших). К этому же времени относятся первые восстания против инквизиции.

В 1535 году в Париже состоялось еще одно публичное сожжение. Во Франции это варварство продолжалось до 1772 года, в Швейцарии – до 1782. В Италии инквизиция была введена в 1235 году и действовала до 1859. Последний приговор к галерным работам был вынесен евангелистам, супружеской паре, в 1852 году.

Но вернемся к нашему Игнатию.

Игнатий Антиохийский

Святой мученик Игнатий Антиохийский, епископ сирийской церкви, в 110 году (по другим источникам – в 116) в кандалах и под стражей был доставлен в Рим, где принял смерть за веру. По пути ему было позволено встречаться со многими христианскими пастырями, а также отправлять послания. Он написал шесть писем общинам Малой Азии и одно – епископу Поликарпу, с которым он познакомился в бытность обоих учениками апостола Иоанна. Наряду с апостольскими посланиями, письма эти – единственные сохранившиеся раннехристианские документы, имеющие огромную ценность еще и потому, что они восстанавливают «недостающее звено» между апостолами Христа и отцами Церкви, то есть между Новым Заветом и ранними теологами. Они – единственное по-настоящему христианское свидетельство для всего второго столетия нашей эры.

¹⁴ Впрочем, у института мучеников есть и другие аспекты, например, эмоционализация отношений мирян и церкви. Церковь эксплуатировала сострадание, а миряне во все времена охотно слушали жуткие и увлекательные, леденящие кровь истории.

¹⁵ Т. е. член средневековой религиозной секты нищенствующих Бедных Братьев, распространенной в XIV веке в южной Франции и в Каталунии. Будучи ответвлением от течения францисканства (третий орден святого Франциска) секта продолжала сохранять идеал бедности св. Франциска и после того, как Орден францисканцев превратился в крупного собственника.

Письма Игнатия Антиохийского оставляют странное впечатление. Его язык прямо-таки в стиле барокко, только нарочито архаизированным с оглядкой на послания апостола Павла. Он излагает символ веры, впервые сформулированный спустя 210 лет на Никейском соборе; защищает от приверженцев арианской ереси IV века тезис о смерти Иисуса на кресте; отстаивает непорочность Марии – Богоматери, словно выступая на соборе 451 года; описывает церковную властную структуру, сформировавшуюся значительно позже; называет ветхозаветных пророков не иудеями и до-христианами; борется с возникшими много позже ересями и т. д. Однако ничего в историческом смысле ценного извлечь из этого невозможно. В качестве комментариев к Посланиям апостола Павла и агитации за причастие, эти письма по сей день изучаются современными богословами, охотно рассматривающими раннюю церковную историю как временную проекцию в прошлое нынешнего состояния. Вопиющие анахронизмы заставляют исследователей сдвигать время написания текстов на 100–300 лет, но, если считать автором Игнатия Антиохийского, жившего в 110 году н. э., то речь идет о явной и грубой подделке.

Я не ставлю вопрос, какой именно гуманист XVI века фальсифицировал эти письма. Моя цель – показать на конкретном примере, как делается история. И, чтобы она хоть на миг обрела в наших глазах плоть и кровь, я приведу отрывок из работы известного французского богослова Дриу (1873, с. 18).

Итак, в соответствии с его многократно высказанным пожеланием, по прибытии в Рим Игнатия «тотчас же доставили в амфитеатр, где собрался уже весь город. Святой мученик услышал рычание приближающихся львов, но невозмутимость его и убежденность веры не были поколеблены. Напротив, лицо его и осанка излучали счастье и безмятежную радость. Смерть Игнатия была быстрой: два льва бросились и тут же пожрали его. От тела остались только самые большие кости, которые были с благоговением собраны верующими как бесценное сокровище».

Дальнейшая судьба останков, как, впрочем, и спорное утверждение о том, что святой хотел как можно скорее быть сожженным, меня не интересует. Ни в коей мере не желая осмелеть церковную историографию, я призываю осознать, что романы и «письма» преподносятся нам как факты, и, чтобы восстановить истинный ход событий, нужно тщательно анализировать все исторические свидетельства, начиная с самых ранних.

Вся историография средневековья, а также наследие античности прошли через руки монахов и богословов, и вышелушить из их писаний зерно истины невозможно без пристального и критического рассмотрения древних источников, без внимательного анализа этого процесса переписывания и издания древних книг.

Глава 3. ГУМАНИСТЫ

Не желая злоупотреблять терпением читателей, я не стану подробно разбирать все или большинство «античных» или «ранне-средневековых» текстов, созданных в позднее средневековье или в эпоху Возрождения. Думаю, на примере нескольких наиболее ярких образцов можно будет рассмотреть жанры, в коих трудились фальсификаторы, придуманное ими время создания произведений, а также способ распознавания фальшивок.

Сначала мы проанализируем историческую значимость творчества знаменитой поэтессы X века Розвита фон Гандерсхайм, затем популярный античный роман – «Золотой осел» Апулея, который будет низвергнут с пьедестала вместе с авторитетнейшим отцом церкви, Блаженным Августином; затем – «исторический источник» большого политического значения: «Германию» Тацита и, наконец, книгу книг – Библию.

Немецкая монахиня Розвита фон Гандерсхайм

Розвита, от архаичного Хротсвит, годы жизни 935-973, монахиня женского монастыря в Гандерсхайме, вблизи Брауншвейга, – считается первой немецкой поэтессой. Кстати, почему,

собственно, немецкой? Она писала на средневековой латыни. Но оставим ее славу немцам.

Все просмотренные мною литературные справочники и, в частности, обстоятельная энциклопедия Вальтера Килли, дают о нашей героине приблизительно одинаковые сведения: классической латыни Розвиту обучила ее аббатиса Герберг (940-1001), и к 959 году первой немецкой поэтессой уже были созданы ее наиболее известные легенды и драмы. В текстах чувствуются следы девичьих фантазий. Правда, тогда ей было 24 года, а ее наставнице и латинистке – от силы 19. Согласно энциклопедиям, из-под ее пера вышли «комические истории о мучениках». Например, история (рассказанная ей посетившим ее очевидцем из испанской Кордовы) о десятилетнем мальчишке по имени Пелагий, который, будучи добрым христианином, не отдался калифу Абдурахману III, предпочтя мученическую смерть. Фантазии непорочных дев?

Или история о Калимахе, столь похотливым, что он совокуплялся даже с трупами (простите, именно так написано).

Есть у нее и классически зарифмованная поэма, где, на манер раннего доктора Фауста, заключается союз с дьяволом. Наряду с «Драмами гетер» из-под ее пера вышли «Авраам» и «Пафнутий» (читай: обрезанный и необрезанный). В последней речь идет о том, что Бог, видя непотребства, творящиеся в местном борделе, вынужден вмешаться и, посетив заведение в образе скромного монаха, предотвратит надругательство над девственностью и наставить заблудших на путь истинный.

Венчает собрание сочинений драма «Откровение Иоанна» в тридцати пяти гекзаметрах. К ней мы еще вернемся.

Можно было бы возразить, что вряд ли послушницы женского монастыря в небольшом городке Гандерсхайме так много времени проводили в борделе, что могли зарабатывать в нем на содержание всего монастыря, но не следует понимать все буквально. Пока Розвита подражала римлянину Теренцию, чьи безнравственные комедии вполне – как утверждается – должны были отвечать вкусам тогдашних саксов, все находит свое объяснение.

Трижды в своих произведениях преисполненная истинной скромности Розвита (подобно благочестивой Терезе Авильской в XI веке) приносит извинения за то, что, будучи женщиной, она не в силах писать так же хорошо, как писал бы мужчина. Хотя и в эпоху Розвиты женщины не пользовались равными с мужчинами правами в области публичных отношений, подобную приниженность я считаю невыносимой для X века. А вот после чумы и костров, на которых сжигали ведьм, она звучит несколько более естественно и в духе времени.

По мнению критиков, латынь Розвиты безупречна, что лишний раз заставляет усомниться в дате создания ее произведений: они должны быть написаны много позже.

Воспевая славу своих покровителей, императоров Оттона I и II, Розвита создает героический эпос; им восхищаются в эпоху Ренессанса и его изучают как исторический документ в наше время. Обилие информации и интересных подробностей о жизни императорской семьи, содержащихся в эпосе, причем таких, которые не встречаются ни в одном другом документе, заставило ученых не только приписать Розвите аристократическое происхождение. Они ценят ее произведение как источник потрясающей исторической ценности эпохи Оттонов (рис. 2; 3).

Только в наше время ее театральные по форме и жанру драмы впервые были поставлены на сцене; никаких упоминаний об их постановках в X веке мы не находим. Итак, средневековый театр развивался без влияния Розвиты фон Гандерсхайм, хотя, по ее собственным свидетельствам, она была весьма популярным и читаемым автором.

Очевидно, ее очень быстро забыли.

И вспомнили в 1493 году (или даже в 1502), когда высокоученый и много путешествовавший гуманист Конрад Цельтис (Пикель) обнаружил и представил ошеломленным современникам ее рукописи. Образованное общество было очаровано неизвестной поэтессой: безупречной латынью, сюжетами и тематикой ее произведений, полностью отвечавших вкусам времени. Еще бы: непристойные истории, сочиненные монахиней! Вполне соответствовала духу эпохи Возрождения и приверженность Розвиты традициям античности. В общем, новооткрытая поэтесса, что называется, пришлась ко двору.

Тексты сразу перевели на немецкий язык; отовсюду доносились хвалебные отклики. То,

что у Розвиты не было ни предшественников, ни учеников и последователей, и то, что ее творчество выглядело бы чужеродным «в ту варварскую эпоху», не смущало восторженных критиков: некоторые исторические и литературные несоответствия они объясняли гениальностью юной монахини и праздновали «открытие» первой немецкой поэтессы. Тот факт, что в исторической перспективе такие прозрения абсолютно невозможны, никому в глаза не бросался.

Только в середине XIX века немецкий историк (и, кстати, выдающийся арабист) отважился разогнать туман, окружавший фигуру загадочной монахини. Иосиф Ашбах объяснил коллегам истинную связь между Конрадом Цельтисом и Розвитой. Само название его книги звучит как любовный роман: «Розвита и Конрад Цельтис». Цельтис – отец истории, Розвита – плод его вымысла. Скорее всего (как он намекает в предисловии к изданию стихов Розвиты), Цельтис «произвел на свет» первую немецкую поэтессу, чтобы с помощью исторического примера помочь Нюрнбергской монахине Харите (своей возлюбленной) и всем женщинам того времени освободиться от пут строгой морали христианского общества, подавлявшего женственность. Фальшивка, таким образом, получала достойное идейное оправдание, поэтому коллеги ученого гуманиста, среди которых был и Пиркхаймер, отец Хариты, оценили и поддержали выдумку¹⁶.

Сейчас неясно, принимала ли участие в мистификации сама Харита, писавшая Цельтису об уважении и сестринской любви к нему. Во всяком случае, после первых ее гениальных текстов на латыни церковный клир запретил ей продолжение писательства. Возможно, ее перу принадлежит «Откровение Иоанна». Все прочие творения Розвиты, скорее всего, суть плоды мужских фантазий, в первую очередь самого Цельтиса, – который под своим именем публиковал непристойные стихи, – Полликия или еще кого-нибудь из сообщества «рейнских братьев», идейным вдохновителем которых и был Цельтис¹⁷.

Разоблачитель Ашбах, исходя только из содержания ее произведений, распознал, что Розвита фон Гандерсхайм есть продукт сотворчества гуманистов XVI века, и четко обосновал это на 50 с лишним страницах. Тем не менее с целью укоренить фальсификацию в истории «целый ряд образованных людей того времени сомкнулся в фалангу, дабы своим авторитетом защитить юную монахиню от возможного разоблачения». Тогда Ашбах обратил свое внимание на рукопись, хранящуюся в Мюнхене, и обнаружил в ней множество несуразностей. Ашбах с горечью констатировал, что Цельтис, не питавший, видимо, уважения к старине, собственноручно делал в тексте ценнейшей древней рукописи, хранящейся как сокровище в Мюнхене, исправления и дописывал целые абзацы. Ни о каком уважении со стороны Цельтиса к аутентичной рукописи X века не могло быть и речи. К сожалению, внешний вид рукописи и текста не может служить достаточным основанием для определения подлинности, как Ашбах подчеркивает. Нужно учитывать, что фальсификаторы прилагали немало усилий, чтобы поддельное выглядело настоящим. Способы письма и материалы X века (пергамент, чернила и т.д.) нам неизвестны, и рукопись, служащая образцом аутентичности, вполне может оказаться подделкой. Как, впрочем, и те еще не исследованные рукописи, которые мы собираемся сравнить с образцом.

«Только внутренний анализ текста поможет отличить зерна от плевел, – пишет Ашбах в предисловии. – То есть, мало объявить подделкой саму рукопись, нужно, внимательно присмотревшись к содержанию написанного, определить, есть ли в нем анахронизмы, противоречия и несоответствия духу времени. Не внешний вид, но внутреннее содержание,

¹⁶ Более правдоподобным является предположение о том, что творческий зуд немецких гуманистов под влиянием их итальянских собратьев, уже выдумавших огромное количество «античных» авторов, был обращен на создание виртуального прошлого и в Германии. Хорошая творческая зависть, дух эпохи и мода на древних авторов привели к появлению первой немецкой «Кузьмины Прутковой».

¹⁷ В книге Alfred Tamerl, Hroswith von Gandersheim. Eine Entmystifizierung. Mantis, 1999 автор, продолжая начатый Ашбахом анализ, приходит к выводу, что большинство произведений «Розвиты» написаны женщиной и приписывает всю мистификацию перу Хариты (она же Каритас и Барбара) Пиркхаймер, отводя Цельтису и другим лишь роль помощников и рекламных агентов.

языковые формы, лексика и грамматика, – вот что в первую очередь подлежит критическому рассмотрению. Все остальное приложится самим собой, если выдаваемая за подлинник рукопись будет рассмотрена в плане этих новых аспектов».

Изучив деятельность и взаимосвязи гуманистов того времени (их переписка напечатана в приложении ко второму изданию критического анализа творчества Розвиты в качестве улики), Ашбах доказал, что идея «воплощения» Розвиты родилась у Цельтиса около 1492 года, когда он начал собирать материалы и привлекать коллег, друзей и единомышленников к сотворчеству. К 1501 году великолепная работа была завершена и «первая немецкая поэтесса» представлена публике.

Не желая утруждать читателя полным перечнем убедительных доказательств подделки, которые Ашбах с поразительной тонкостью проанализировал в своем труде, я остановлюсь лишь на одном: если бы пьесы Розвиты были подлинными, «то развитие драматического искусства в Германии началось бы на полтысячелетия раньше». Кстати, один из литературных критиков XIX века, Вакернагель, авторитетно замечает в 1848 году, что творчество Розвиты никак не повлияло на ход развития немецкой или латинской средневековой литературы.

Ашбах находит, откуда заимствовано содержание комедии «Авраам»: из книги «Сказания предков», выпущенной в 1478 году на латыни в Нюрнберге и изданной в немецком переводе в Аугсбурге в 1488 году. Автором книги был Розвайд (вот вам и разгадка имени поэтессы).

Легенда о Пелагии, поведенная якобы Розвите кордовским христианином-очевидцем, полна вопиющих нелепиц: так, мусульмане в ней молятся золотой статуе и т. д. Впрочем, достаточно упомянуть явное несоответствие духу времени содержащихся в легенде гомосексуальных мотивов. Ашбах нашел и испанский оригинал этой истории, который в более позднее время использовал священник Флорес в своем собрании легенд о святых (*Espana sagrada*).

Источник еще одной легенды – сказание о докторе Фаусте, типичный продукт Ренессанса.

Образцами стиля и латинского языка Розвите служат Овидий, Теренций и Плавт – авторы, абсолютно неизвестные в Центральной Европе X века. Стихотворная форма и техника рифмовки также являются анахронизмом, не говоря уже о том, что блестящее знание древнегреческого языка немыслимо для монахини того времени.

Ашбах не устает повторять базисную мысль о том, что только лишь исследование и анализ самого текста, его характерных черт и особенностей поможет отличить подлинник от фальшивки (с. 75). Ни манера написания, ни материал, ни авторитетные мнения специалистов не способны превратить подделку в оригинал. Никакие утверждения экспертов, убежденных в истинности документа и всей силой своего авторитета отстаивающие эту позицию, не могут превратить подделку в оригинальный документ.

Однако, как Ашбах и предсказывал, предрассудки и извечная человеческая боязнь нового одержали верх над истиной. Исследователь умер, и труды его забыли. О нем нет сведений в литературных энциклопедиях, и ученые мужи отложили его книгу за ненужностью.

Хочу заметить, что Ашбах вовсе не был дилетантом или научным аутсайдером, – напротив, в 1870 году (через два года после выхода второго издания его разоблачительной книги) уважаемый венский профессор был возведен в рыцарское звание. Его научные взгляды были в высшем смысле передовыми, а система доказательств отличалась безупречной логикой. И все-таки ученые коллеги оказались не готовы к восприятию его идей.

Я хотел бы привести еще одну цитату. По поводу стихов, прославляющих императора Оттона I, как и о прочих «исторических источниках», Ашбах пишет: «По характеру и стилю создание всех трех стихотворений можно отнести только к эпохе начала расцвета гуманизма в Германии: у них один и тот же характерный стиль, они многословны, и в них мало фактов. Так, хотя образцы для заимствования и подражания искусно скрываются, очевидно, что Панегирик заимствован у Видукинда, Гюнтер Лигурийский – у Отто фон Фрайзингена, а эпос о Саксонской войне – у Ламберта фон Херсфельда. Таким образом, знатоки и ученые мужи оказались введены в заблуждение».

К сожалению, Ашбах подверг обстоятельному критическому анализу только одну фальшивку эпохи Возрождения. Продолжи он свои изыскания, следующим в ряд разоблаченных авторов встали бы те же Видукинд Корвейский (заимствовавший стиль у

Саллюстия), Отто фон Фрайзинген (в 14 лет – послушник, в 18 – аббат, а в 23 – епископ) и Ламберт фон Херсфельд (которого Ашбах в примечании только предположительно относит к фальсификации). Все три вышеназванных автора имеют перед «Розвитой» одно несомненное преимущество: к моменту «рождения» первой немецкой поэтессы они уже были вымышлены и повсеместно признаны. И то, что «Розвита», осторожно вводя в обиход новые сведения, никак не противоречила их «древним писаниям», явилось в свое время лишним доказательством их (и ее!) «подлинности».

Эротический осел Апулея

В наши дни знаменитого, но от этого не менее загадочного писателя Апулея мы знаем по его странной апологии *De magia* (О колдовстве). Казалось бы, в его изысканном шедевре «Золотой осел» должны проступать черты личности автора, но это не более чем предположение. Согласно Британской энциклопедии, латынь Апулея «необычна и нарочито архаизирована». Это – попытка укоренить в латыни язык греческих софистов. За образец, вероятно, был взят небольшой греческий текст, произведение некоего Лукия из Патр, роман-пародия на типичный средневековый роман, которая возрастом никак не могла быть древнее объекта пародирования.

Сохранился единственный экземпляр рукописи (предположительно XI века), восходящий к манускрипту, переписанному в 395 году в Риме, исправленному в 397 году в Константинополе и возвращенному в Италию (Брунхельдль, 1971, с. 116).

До сих пор шла фонетическая передача немецких имен. Тогда нужно писать Брунхельдль.

До ее обнаружения в 1480 году эта жемчужина мировой литературы была совершенно неизвестна. Интересно, что «Анналы» и «История» Тацита также дошли до нас в этой же рукописи, тоже в одном-единственном экземпляре.

«Золотой осел» мог быть написан после завоевания Византии и изгнания из нее (1453 год) в Апулии (Южная Италия) неким греческим беженцем. Апулей утверждает, что он грек, и латинский язык выучил самостоятельно. Он извиняется, таким образом, за свое невольное словотворчество (испытанное средство обмануть критически мыслящего читателя). У Элиана с его смешными лошадьми наблюдается обратный случай: римлянин пишет на «чистейшем» греческом, который, на поверку, вовсе не так чист, а прост и архаизирован. Он, как и Апулей, ненавидит тиранов, что типично для мировоззрения гуманистов (древнейшая рукопись Элиана относится к XIII веку).

Итак, Апулей пишет на своеобразной латыни, занимается словотворчеством, изобретает собственный языковой стиль и технику письма, перерабатывает популярные народные сюжеты, широко использует фольклорные элементы (не этнологические моменты, а именно фольклор, что является совершенно новым аспектом для литературы). На центральное место в произведении он ставит африканскую сказку: прием, совершенно незнакомый античности. Демоны предстают у него благосклонными к человеку существами; в общем и целом он предпринимает благородную попытку спасти языческую античность, прежде всего, Платона. (Да, мы забыли про «Метаморфозы», которые сначала появились в Риме анонимно и позже были приписаны Апулею. Считается, что Боккаччо был знаком с их текстом и заимствовал из них некоторые сюжеты для своего «Декамерона» (если не наоборот)). Больше об этом гениальном человеке нам ничего не известно.

В 1480 году Николаус фон Виле перевел «Золотого осла» на немецкий. В 1783 году Август Роде выпустил замечательный немецкий перевод романа, переизданный в 1923 году.

Мне представляется невероятным, чтобы «Золотой осел» появился ранее XV века. Даже Боккаччо, умерший якобы в 1375 году за сто лет до «открытия» Апулея известным Поджо, не писал так иронично, насмешливо и язвительно¹⁸. Острое жало сатиры Апулея направлено

¹⁸ Поджо Браччолини (якобы 1380-1459 годы), известный итальянский гуманист, историк Флоренции, приложивший активно руку к созданию «произведений античных авторов», в том числе, скорее всего, и упомянутых выше произведений Тацита. Его гениальное перо вполне могло служить и Апулею.

против ведьм и колдовского искусства, что к 1450 году, к началу инквизиторских процессов, оказалось как нельзя более своевременным.

Некоторые герои обладают «говорящими» семантически значимыми именами; иногда намеки бестактны (друг рассказчика назван Сократом), иногда ханжеские и непристойные: кабатчица Мерое (жительница Южного Египта). Пестрый калейдоскоп мифологических персонажей также характерен для синкретической манеры гуманистов. Местами действие напоминает восточную сказку с элементами не столь метафизическими, сколь сюрреалистическими, что «осовременивает» роман.

Интересна реакция переводчиков на анахронизмы в тексте «Золотого осла». Если Роде еще говорит о тюрбане (VI, 8), то современный перевод Хаурта использует иносказательное выражение «витая шапка». Примечательно, что из сцены, в которой византиец пытался представить причастие как древний институт и которая заканчивается возгласом *аминь* (XI, 17), современный переводчик делает полную цветастых выражений, но лишенную содержания сцену¹⁹. Вообще, последняя глава представляет собой колоритный, с отсылками к древним египетским обрядам и в соответствии с духом времени архаизированный, потрясающе написанный панегирик церкви. Сцена, разыгранная на Марсовом поле в Риме, предвосхищает торжественную обрядовость католической церкви, и могла быть написана только человеком эпохи гуманизма.

Блаженный Августин (якобы около 400 года), возможно, из-за апологии *De magia* (О колдовстве), считает Апулея колдуном. Таким образом, самого Августина можно рассматривать как плод фантазии одного из деятелей эпохи Гуманизма, так как кроме него (до 1480 года) никто нигде не упоминает о «Золотом осле».

Николай Кузанский

Николай Кузанский – величайший из немецких гуманистов первого поколения, богослов, философ, математик и церковно-общественный деятель. В известном смысле он явился прототипом нордического гуманиста, чьи размышления (например, о модели космоса) послужили путеводной звездой для Коперника, Галилея и Бруно. Однако эта часть наследия Николая Кузанского оказалась наименее изученной современниками (и наименее воспринятой широкой общественностью), так как прошло немало времени, прежде чем его прозрачные математические идеи получили дальнейшее развитие.

Его трактат «Опровержение Корана» – блестящая европейская апология, направленная против Востока. Этот памфлет отличается благожелательным тоном, объяснимым тем, что тесная связь мусульманства с христианством заключалась в партнерстве при измышлении никогда не происходивших событий. Он напоминает мне теологический анализ ислама иудаистскими и протестантскими учеными XIX века.

Заслуживает внимания его предложение об исправлении времяисчисления (*Reparatio kalendarii*, 1436), сформулированное почти за 150 лет до Грегорианской реформы. Свой вариант календаря он составил в канун Базельского собора, на котором пытался убедить курию в том, что мусульмане (на этот раз сии «язычники» выступают в качестве жупела), воспользовавшись хорошо известной им слабостью и неопределенностью познаний католической церкви в вопросах теоретической хронологии и конкретной датировки исторических событий, попытаются оспорить ее право на духовную гегемонию. Упреждая возможные нападки, он предложил Папе реформировать календарь и пересмотреть в связи с этим историческую хронологию. В частности, он предлагал, «перепрыгнув» в календаре через неделю, привести в относительное соответствие календарное и природное начало весны. Лишь поколение спустя Региомонтанус использовал его идеи для серьезного теоретического

¹⁹ Естественно, ведь сцена причастия в античном произведении – это вопиющий анахронизм, как, впрочем, и тюрбан, ассоциирующийся с турецкими завоеваниями XV века.

обоснования календарной реформы ²⁰.

Можно допустить, что сын рыбака с реки Мозель (Хунке, 1983, с. 272, разоблачил этот факт биографии как вымысел) стал кардиналом и епископом Тироля: эпохе Возрождения известны примеры головокружительных карьерных взлетов и приключений. Но неужели Николай Кузанский действительно был автором огромного количества приписываемых ему работ? Споры о подлинности его произведений сами по себе могут составить многотомную библиотеку. Итак, как и во многих других случаях, мы не можем ответить: кто, что и когда написал. Вопрос остается открытым, и, возможно, это подтолкнет кого-нибудь из моих читателей к дальнейшим исследованиям.

Заговор?

Об известнейшей фальсификации католической церкви, Дарственной грамоте Константина (Константиновом Дарении), нам известно, что называется, из первых уст, а именно: от гуманистов Лоренцо Валла (секретаря Папы Римского), Энеа Сильвио Пикколomini (впоследствии Папа Пий II) и Николая Кузанского. Ульрих фон Хуттен напечатал рукопись Валла в 1519 году. Греческий текст Дарственной грамоты был, очевидно, написан латинистами в Риме. Речь идет о том, что в IV веке император Константин якобы признает главенство римской церкви, а Ватикан – ее собственной территорией. По мнению гуманистов, текст был фальсифицирован в VIII веке. Церковь не оспаривала их вывод, и в этом заключался ее тонкий стратегический расчет. На самом деле, текст появился гораздо позже, незадолго до раскола 1056 года, и зафиксировал отделение римской церкви от византийской (Иллиг, 1996, с. 142). Признание фальсификации VIII века не могло принести церкви ощутимого вреда, ведь к эпохе Возрождения и церковное государство уже имелось, и главенство Рима среди других церквей Западной Европы было общепризнанным и неоспоримым, зато таким образом как бы «по умолчанию» устанавливалось, что в VIII веке церковь уже существовала. Даже признание фальсификации должно было свидетельствовать в пользу истинности официальной исторической картины мира.

Как мы покажем ниже, именно это является характерным признаком рассмотренного метода.

Это вполне укладывается в рамки «теории грандиозного заговора», до сих пор во всех деталях неизученного, деловито констатирует Нимитц (1991). Он рассматривает еще один пример фальсификации: в 33 томе «Исторических памятников Германии» Байер приводит подборку писем, посвященных поездке Римского Папы из Франции в Ломбардию в 1132 году. Первое из писем датировано, и эта дата должна придать историческую определенность всей подборке. Однако... Только на трех первых письмах из 80 проставлена дата, следовательно, остальные 77 писем не представляют никакой исторической ценности: ведь что такое письмо без даты? Более того, проанализировав содержание писем, он замечает, что «до какого-то времени автором датируются уже происшедшие события, а после определенного момента – события, которые еще только планируются или которые суть проекции иных событий» (с. 52). Это позволяет предположить, что единый план фальсификации, охватывающей огромные временные рамки, был выработан значительно позже этой эпохи и должен был привести к закреплению в выдуманном прошлом названного путешествия Римского Папы и прочих псевдоисторических событий.

В заключение Нимитц пишет: «Начало XV века ознаменовалось предпринятой объединенной к этому времени церковью акцией по фальсификации и уничтожению исторических свидетельств. Таким образом, дошедшие до нас документы рассказывают фальшивую историю. Размах предприятия и децентрализация светской власти не позволили его

²⁰ Николай Кузанский (якобы 1401-1464 годы) жил в эпоху сомнительных датировок. Исходя из преемственности математических идей естественно было бы предположить, что он жил много ближе по времени к григорианской реформе календаря. Если сдвинуть время его жизни на сто или хотя бы на пятьдесят лет, то многие противоречия исчезнут.

творцам создать стройную непротиворечивую историческую картину западноевропейского мира.

Многочисленные подделки и неоднократные исправления в подлинных документах понадобились для того, чтобы хотя бы в некоторой мере поддерживать непротиворечивость псевдоистории. Все так называемые „проблемы подлинности исторических документов" были порождены неспособностью избавиться от несоответствий и разночтений в этой широкомасштабно фальсификационной операции. Большинство противоречий легко объясняется особой техникой фальсификации: неточность, неопределенность и сознательная противоречивость исторических данных должна сделать невозможным „проверку" истории, то есть поиск исторической истины».

И далее: «В общем, оказывается, что в ходе акции фальсифицирования хронологические рамки были утеряны».

В той же статье Нимитц приводит собственный «схематический набросок средневековой истории»: «К началу описываемого периода Римского Папы не существовало, римско-католической вселенской церкви не было, как не было еще и папского Рима. Христиане были организованы в региональные или национальные ²¹ церкви; многие оставались язычниками либо христианскими вольнодумцами. Одновременно (или, возможно, чуть быстрее) с крепнущей государственной или королевской властью стали возникать и соответствующие церкви. Вместе с выработкой доктрин в различных странах внутри церковью стала выстраиваться священническая иерархия». Еретические войны, Крестовые походы, борьба за инвеституру, – все предстает перед нами в другом свете: гениальный исторический эскиз, углубивший положения Каммайера, подвигнувший Иллига на книгу о Карле Великом (1996, с. 378) и предвосхитивший многие высказанные здесь соображения.

Тацит и его Германия

В мае 1996 года я прочитал в Гамбурге доклад «Кто же все-таки выдумал германцев?». Мое сообщение вызвало неожиданно сильный интерес, но, к сожалению, именно те, кому следовало прислушаться к содержащимся в докладе фактам, приложили свои усилия совершенно в ином направлении. Еженедельник «Шпигель» (№ 44, от 28 октября 1996 г.) сделал эту тему темой номера и на двенадцати страницах разместил статью с новейшими исследованиями о «германцах – наших диких пращурах». Автор статьи, нимало не озабочась вопросом о подлинности, времени возникновения и целевой направленности латинских текстов, цитировал их в подтверждение сделанной в духе Тацита реконструкции археологических находок. Ни словом не упоминались ни Гардуэн, ни Балдауф, ни Каммайер, ни дискуссия о подлинности источников.

Негодующие возгласы, донесшиеся из узкого круга критиков историографии, позволили предположить, что мною были задеты самые святые чувства. Однако доклад, разоблачавший сочинение Тацита, задумывался вовсе не как провокация, но как повод к дальнейшим изысканиям. Особую оппозицию вызвало заглавие доклада, понятое многими как причисление огулом всех германцев к вымыслу, хотя я имел в виду всего лишь современную, полную предубеждений и заблуждений историческую картину о германцах.

В докладе (напечатанном в июне 1996 года) я, опираясь на работы Балдауфа и Каммайера, попытался доказать, что «малые произведения» Тацита (от лат. – молчаливый) были фальсифицированы по заданию Римского Папы Пия II между 1430 и 1470 годами. До 1420 года об этих текстах нигде нет ни малейших упоминаний. Николай Кузанский участвовал в переговорах по передаче рукописей из Гессена в Рим (Пралде, с. 70 и далее). Отсутствие у него особого интереса к текстам свидетельствует об их невысокой ценности, более того, заставляет предположить, что Николай Кузанский знал об истинном происхождении «малых

²¹ О нациях в это время говорить еще рано. Я бы сказал: локальные или региональные церкви. Не ясно также, были ли эти церкви христианскими. Скорее всего, в это время существовала ранняя форма монотеизма с большим локальным разнообразием религиозных форм.

произведений» Тацита.

«Германия», работа римлянина Тацита, это «не теряющий в глазах поколений своей притягательной силы подарок доброй феи нашего народа, положенный в колыбель новорожденной отечественной истории. Не каждой нации дано гордиться подобным сокровищем», – писал выдающийся филолог Эдуард Норден (*Древняя история Германии*, 1920, с. 5). Ту же мысль почти дословно повторяют и в наши дни (Фишер-Фабиан, 1975, с. 204).

Никогда, однако, не смолкали голоса ученых, считавших «Германию» Тацита не подарком доброй феи, но пропагандистской фальшивкой, созданной католическим монахом XV века по заданию курии. Она служила оружием Римского Папы в борьбе против немецкого императора.

По сей день не устают доказывать (Фишер-Фабиан), что уже тогда (с 98 года н. э.) «Германия» Тацита, долженствующая укрепить падающую мораль римлян примером добродетельных и благонравных германцев, стала одним из наиболее читаемых произведений. Однако детальными исследованиями установлено, что «Тацита в древности ценили невысоко и читали мало». И еще: «люди, воспитанные на Цицероне и Тите Ливие, находили странным его язык, в отличие от образцов классической прозы, громоздкий и избыточный трудными и темными местами» (Мауерсбергер, 1980, с. 17).

Цитата: «Корнелий Тацит – первый прозаик Троянского времени; блистательный апогей и одновременно завершение римской историографии». Итак, зачин, кульминация и финал в одном лице, да еще с собственным неповторимым стилем.

До начала акции «новообретения Тацита» (так называется работа Пралле), исполнителем которой был Поджо, мы находим лишь одно упоминание о тексте «Германии», и принадлежит оно монаху именно того монастыря, где и были позже фальсифицированы «малые произведения» Тацита: Рудольфу Фульдскому (*Летописи*, 2 часть, к году 852). Кроме того, в описании передачи в Вильдесхаузен праха святого Александра (закончена Меринхартом см. Пралле, с. 46) он приводит из «Германии» некоторые сведения о саксах. Использовал ли ученик славного Рабануса собственный источник, позже переработанный в «Тацита», либо и легенда о Рудольфе придумана в XV веке (как предполагает Каммайер), на мой взгляд, не имеет значения. Заседали фальсификаторы в монастыре Фульды или Герсфельда, – это пусть выясняют местные патриоты. Гессенцы все же выглядят у Тацита много лучше прочих германских варваров: особо подчеркивается их независимость.

Подарок другой доброй феи, на этот раз истории английского народа, «Агрикола» Тацита, вызывает столько вопросов, что начинаешь сомневаться и в прославленном тесте (Агриколе), и в его зяте Таците как в исторических лицах. «Анналы» Тацита имеют примерно ту же историю «обретения», что и «малые произведения», так как Монте Кассино, где Боккаччо в 1370 году нашел единственную рукопись, был одним из центров фальсификаторской деятельности гуманистов и состоял в тесных сношениях с Фульдой (Брунхельцль, с. 111 и далее), с которой практиковал свободный обмен продукцией. По небрежности поддельщики не сговаривались о единообразии имен фальсифицируемых авторов; рядом с Гаем появился Публий Корнелий, а кто-то из гуманистов XV века приписал: Тацит. В печатном издании 1515 года «Анналы» были объединены с «Историей» (Брунхельцль, с. 140).

Тщательно взвешенные тезисы уже упоминавшегося базельского приват-доцента Роберта Балдауфа (1902) основываются на необъятном материале и блестящем знании языков. Вот, вкратце, его реконструкция событий: энциклопедически образованный секретарь Папы Римского Поджо Браччолини (1380-1459) неустанно ездил по Европе в поисках старинных рукописей, пылящихся в монастырских подвалах ²². Набег на библиотеки Сент Галлена,

²² Ясно, что в таковых могли сохраниться лишь сравнительно недавно принесенные туда рукописи. Скорее всего, это были рукописи, не имевшие никакой ценности, ибо сырость и крысы приводили к быстрому исчезновению самого материала рукописей. Если Поджо и охотился за такими рукописями, то не из-за их содержания, а с целью использовать старый пергамент для своих подделок. На самом деле, как рассказывает Балдауф, Поджо сотоварищи воровали рукописи из хранилищ монастырских библиотек, а для оправдания потом утверждали, что нашли их в сырых подвалах заброшенных башен. Впрочем, и эти рукописи были нужны Поджо в основном для имитации старого языка и стиля в своих подделках, причем древность сворованных рукописей им сильно переоценивалась.

Вайнгартена, Айнзидельна и Райхенау (во время Констанцкого Вселенского собора) принес ему особенно богатые трофеи. Следующие четыре года он провел в Англии, и тоже небезрезультатно (поэтому «Агрикола» появляется рядом с «Германией»). Некому монаху гессенского монастыря Герсфельд он вручил список искомых книг – можно назвать это заказом, – где среди прочих стояла «Германия» Тацита. Спустя три года пергамент с тремя книгами Тацита («малыми произведениями», в отличие от «Анналов» и «Истории») был готов, и Николай Кузанский продал его в Рим. На долгие годы «Произведения» исчезают из поля зрения и появляются в Риме лишь 1455 году. В то время существовало множество охотников за редкими книгами, ревниво следившими друг за другом. Ремесло поддельщика требовало осторожности и выдержки. Затянувшаяся на десятилетия переписка, а также документы, освещающие длительные переговоры между Ватиканом и немецким монастырем, опубликованы Пралле.

Бесценный свиток снова исчезает в 1460 году. К счастью, сделаны три копии, но и они разделяют судьбу «оригинала». Существуют списки и с этих копий, уже совершенно не совпадающие друг с другом; трудно даже выявить их взаимосвязь (излюбленная головоломка исследователей рукописей). Итак, работа сделана: за счет многочисленных (якобы) переписываний с разночтениями и ошибками след стирается, а древняя старина вкупе с длительной традицией получает статус истины. Изданный в Венеции в 1470-м текст «Германии» до 1902-го остается для ученых (как и для Балдауфа) основой для всех дискуссий на данную тему истории.

Но на этом история внедрения текста не заканчивается. В 1473 году «Германию» напечатали в Нюрнберге; но это второе издание никто не заметил. Утверждается, что комментарий к изданию подготовил Энеа Сильвио де Пикколомини, будучи уже только что севшим на римский престол Папой Пием II (1458). Долгожданный успех пришел к «Германии» лишь после издания книги в Лейпциге в 1496 году, спустя 32 года после смерти папы. Эльзасец Вимпфелинг, проповедуя у себя на родине национальную самобытность немцев, использовал это издание начиная с 1501 года (или с 1505). С той же целью некий баденец и еще один эльзасец снова напечатали текст в 1518 и 1519 годах. Первый немецкий комментарий (Ульрих фон Хуттен, 1502) сделан, на манер древних греков, в форме патетического разговора мертвых, где легендарный герой Арминиус, выступая против Рима, произносит новый лозунг: «Свобода» (Freiheit).

Казалось бы, удар Рима не достиг цели.

Но это только на первый взгляд. Удар сделал свое дело, причем именно так, как это было задумано в Риме. Со временем «германцы» поддались очарованию Тацита, все больше и больше отождествляя себя с этим вымыслом (как это демонстрирует приведенная выше цитата о подарке доброй феи).

О цели фальсификации можно высказать несколько соображений.

Земля тунгров, якобы ставшая зародышевой клеткой германцев, лежит к западу от Рейна. Таким образом, цель церковных фальсификаторов становится очевидной: прежде тунгры принадлежали к германцам (Тацит, гл. 2); ныне они (кельтские) тунгры (так как живут по эту сторону Рейна). Никто не говорит, что к западу от Рейна не было германских племен, но Пий II придает особое значение тому, что Рейн должен служить германцам западной границей.

В связи с этим становится бессмысленным спор о выборе между Маасом и Рейном. Речь идет об историографическом создании «германского» пространства и народа в границах от Рейна до Дона. В противном случае – этого и опасались клерикалы, – германцы могли бы претендовать на пространство от Атлантики до Праги, куда входит и французская земля, колыбель и надежнейший бастион католической церкви.

Сопrotивление Великой Германии против Рима, лейтмотив сочинения Тацита, имело и экологические основания. Римские укрепления (т. н. лимес) на северо-востоке проходили по границе земель, где традиционно занимались виноградарством; дальше начинались непроходимые леса. Делать из этого вывод, что люди за «латинским занавесом» могли бы образовать этническое единство, значит, принимать желаемое за действительное. Подчеркивание своеобразия некоторых германских народов, послуживших образцом для «Германии», отсылает нас в позднее средневековье и указывает на политическую пропаганду

курии. Время от времени по древнеримскому лimesу проходила граница между Реформацией и римской церковью. Можно было думать о территориальных договорах с отдельными народами на основе описаний в «Германии» Тацита.

Уже упоминавшийся ученый Мауэрсбергер, к сожалению, даже не подозревал о том, насколько близко он подошел к истине, считая ключом к сочинению Тацита следующий пассаж: «Да пребудет, молю я богов, и еще больше окрепнет среди народов Германии если не расположение к нам, то, по крайней мере, ненависть к своим соотечественникам, ибо, когда империи угрожают неотвратимые бедствия, самое большее, чем может порадовать нас судьба, – это распри между врагами».

Короче говоря, Италии выгодны распри между германцами.

У противников «теории фальсификации» существуют многочисленные контраргументы. Например, прическа свебов (подобранные наверх и стянутые узлом волосы), нашедшая подтверждение в археологических находках. Но римлянин XV века вполне мог видеть высеченные в камне изображения свебов с их характерной прической.

Сторонники подлинности Тацита напоминают о вале ангривариев, вновь открытом в начале XX века. Однако трудно спрятать земляную насыпь, обнесенную частоколом, высотой в несколько метров и шириной в 10 метров. То же относится и к форме лодок, и к повозке Нерты, и к железным копьям, подробному описанию которых Тацитом дивятся современные археологи: гессенский монах XV века вполне мог видеть все это собственными глазами.

Фишер-Фабиан совершенно верно отмечает (с. 217), что книга «переполнена этнографическими мотивами разных народов, которые последние заимствовали у соседей», и «составлена из мусора, содержащегося в античных исторических описаниях», но он не понял, что эти наблюдения только подтверждают процесс позднего выдумывания «античной истории» и раскрывают механизм создания апокрифов на основе переписывания других уже введенных в оборот апокрифов.

И еще: Тацит излишне обстоятельно описывает некий напиток, оказывающийся на проверку обыкновенным пивом. Неужели гессенский монах думал, что в античном Риме не знали пива? Он очень ошибался.

Учитывая многочисленные противоречия в тексте (дикие варвары, живущие в городах и имеющие письменность) и сведения, не подтвержденные археологическими изысканиями (огромные стальные мечи гирканцев), содержание «Германии» можно считать чистой воды фальсификацией.

В том же году, когда Балдауф выдвинул свои обвинения и ровным счетом к 400-летию первого немецкого комментария, в замке Аскона, где скончался Папа Пий II, было найдено восемь пергаментных листов IX века, содержащих якобы копию работ Тацита. Но они так же мало доказывают, как и обнаруженная одновременно глиняная табличка со словами «CIS RHENUM» (по эту сторону Рейна), долженствующая вроде бы подтвердить одно спорное выражение из «Германии», но тут же разоблаченная как подделка (Кёстерманн, 1970).

«Германия» не перестает удивлять филологов: помимо множества выражений, чуждых классической латыни, текст пестрит словоформами, мягко говоря, напоминающими итальянский язык. В течение четырехсот лет не утихают ученые споры вокруг некоторых слов, например, «Decumates agri», которые еще в 1536 году Андреас Альтхаммер счел абсолютно невозможными, и разбору которых Эдуард Норден (1934) посвятил более пятидесяти страниц, так и не догадавшись, что это вовсе не латынь, а галло-римское слово.

Каммайер уделил проблеме небольшую статью, озаглавленную «Фальсификация „Германии“ Тацита» (1935, IV, 3); очевидно, он не был знаком с исследованиями Балдауфа и считал, что фальсифицирована лишь часть работы Тацита. Каммайер заметил, что работам древнеримских историков о германцах (например, Плиния и Тита Ливия), недостает текстов, которые в искаженном виде вдруг всплывают у Тацита. За противоречивыми сведениями лжеТацита скрывается попытка фальсификатора избежать разоблачения (эта техника использовалась и при составлении Святого Писания). Так, имя германского бога Туистона – единственное, представляющее интерес, – записано в копиях пятью различными способами. Что касается стиля, – пишет Каммайер, – то он удивительно, вплоть до выбора слов, напоминает Саллюстия.

Глава 4. В МАСТЕРСКОЙ

В этой главе я расскажу о сообществе фальсификаторов, сгруппировавшемся вокруг известного аббата Тритхайма (Тритемиус) и Конрада Цельтиса. Начав свою деятельность в 1491 году, они создали множество «исторических» работ, большинство которых (например, «Гунибальд» и «Бероз») было разоблачено еще современниками; кроме того, Легенду о Святом Александре, долженствовавшую подтвердить подлинность лже-Тацита, и стихи императора Фридриха I. Однако единственное «подтверждение» подлинности «Германии», содержащее немногие страницы с 2-3 цитатами из Тацита, оказалось малоубедительным.

Тритемиус, в миру – Иоганн Гейденберг (1462-1516), – аббат монастыря в Вюрцбурге, всячески поощрял научные изыскания, однако его исторические работы «суть сказки и фальсификация, не выдерживающая никакой критики» (энциклопедия Майера). Это еще вежливо сказано. Его же, кстати, посетило ставшее знаменитым видение о конце света.

Цельтис – уже знакомый нам гуманист и поэт-латинист Конрад Пикель (1459-1508), пользовавшийся благорасположением императора ²³ и имевший огромное влияние на современников, в основном через созданное им интеллектуальное «Братство». С юных лет Цельтис неустанно путешествовал по Европе, от Вюрцбурга до Рима, и от Кракова и Данцига до Майнца. Его латынь считалась образцовой для эпохи Возрождения, однако существовал ли в действительности настолько чистый язык, это большой вопрос. Скорее всего, Цельтисом были написаны многие «классические» стихи и оды, хотя строго доказать это нелегко в каждом отдельном случае. В частности потому, что многие такие стихотворения он из тщеславия издавал под своим именем.

Его многочисленные издания классических текстов подверглись впоследствии серьезной переработке и «улучшению», ибо, несмотря на всю ученость и гениальность, он в ту эпоху был пионером, указавшим путь, но еще не достигшим цели. Карта дорог Римской империи, переданная им историку Конраду Пейтингеру ²⁴, показалась настолько необычной, что лишь спустя два столетия (в 1714 году) она была признана и напечатана как копия карты III века, созданная якобы в 1265 году монахом из эльзасского города Кольмара. Сейчас она выставляется под названием «Таблица Пейтингера», например, в рамках большой выставки 1977 года, посвященной франкам (*рис. 11*).

Вот что пишет Хунгер (1961, с. 452): «В 1497 году, находясь в Вене, Конрад Цельтис предпринял создание фальшивой германофильской историографии, – стряпни, состоящей из достоверных сведений вперемежку с плодами буйной фантазии и заблуждений. Его ученик Авентинус основывался на этой работе в своих „Баварских хрониках“». Кстати, именно эта последняя определила нашу сегодняшнюю картину славянского мира.

Сведения, слишком явно отдававшие грубой подделкой, впоследствии вымарывались; в целом же, такого рода «документы» часто служили основой для цитирования и для наших исторических представлений. «Плач Мертвых» Ульриха фон Хуттена, основанный на сфабрикованном Таците, сам сделался историей, от которой так трудно освободить наше сознание.

Конрад Пейтингер заслуживает отдельного разговора. Этот добропорядочный бытописатель из Аугсбурга стал одним из первых собирателей римских древностей: скульптур, монет, рукописей. Интересными описаниями находок он делился с современниками. Примечания Пейтингера к медицинскому трактату о целебной силе растений (якобы Апулея) свидетельствуют о его обширных познаниях.

²³ Речь идет о Максимилиане I Габсбурге (1459-1519), императоре Священной Римской империи немецкой нации с 1493 г., которому Цельтис в частности поднес произведения лже-Розвиты.

²⁴ Конрад Пейтингер (1465– 1547) был главой видного аугсбургского кружка гуманистов и одним из основателей немецкой историографии.

В его коллекции находилась «Хроника» Отто фон Фрайзингена (с многочисленными пометками самого Пейтингера), «Деяния» императора Фридриха I, «найденные» Цельтесом в 1507 году в монастыре Эбрах и опубликованные под именем Гюнтера Лигурийского, а также «Хроника» Эберхарда Регенсбургского. Все эти вымышленные тексты ни коим образом не могут считаться истинными, однако они настолько укоренились в наших исторических представлениях, что они просто обязаны быть подлинными. Но продолжим беглое перечисление копий раритетов из его коллекции: «Истории готов» Прокопия и Йорданда, «История лангобардов» Варнефрида и Павла Диакона, «Хроники» Григория Турского и Регино фон Прюма, а также множество текстов о саксах и норманнах. Такого количества подозрительных документов вполне хватит, чтобы опорочить доброе имя их владельца и публикатора. Один из потомков Пейтингера завещал все его сокровища, включая знаменитое многотысячное собрание монет, иезуитам, однако большинства рукописей к тому времени в коллекции уже не было. Цельтис якобы перевез их в Вену.

Интересна также карта Германии Николая Кузанского, изданная Пейтингером, и греческая рукопись «Иероглифика Горapolлона» (даже само название звучит заманчиво), которую он передал в 1515 году некоему итальянцу для публикации оной.

Одного из близких друзей Пейтингера (и предположительно автора большого числа «древних» рукописей) звали Иоганн Колерус. С другим фальсификатором из аугсбургского кружка, уже упоминавшимся выше Тритемиусом, Пейтингер рассорился из-за того, что его «плагиаты» были слишком очевидны и с легкостью разоблачались как фальшивки. Однако это были «плагиаты наоборот»: гуманисты не крали у античных писателей, приписывали тем собственные произведения²⁵. Результатом раздражавших Пейтингера разоблачений было то обстоятельство, что «находка» Цельтеса и его собственные не принимались всерьез.

Заглянув в мастерскую поддельщиков, я познакомился со многими трюками и хитростями этого ремесла. О некоторых приемах мне хотелось бы упомянуть.

Считается, что часто цитируемая «Свида» (правильнее – «Суда»), – греческий лексикон, содержащий множество литературно-исторических статей, – был составлен около 970 года. Официальная наука утверждает, что многие сведения по истории литературы сохранились только в этом источнике, но не отрицает, что «в обилие сведений», подобранных «поспешно, без должного анализа и критики», вкрались «многочисленные ошибки и заблуждения». «Лексикон Суды» послужил первым инструментом придумывания и введения в обиход поддельных античных и средневековых текстов. Вопрос, когда же были созданы тексты самой «Суды», остается открытым. Так как в более позднее время «Лексикон Суды» считался «подлинной» энциклопедией классической греческой литературы; то историческим документом классической древности он остается и по сей день. При этом вовсе не обязательно, что «Лексикон» был составлен в X веке при Константине²⁶: он мог быть продан беженцами из Византии после 1453 года.

Данте знал очень многих античных латинских писателей; из поэтов ему были известны лишь Вергилий, Овидий, Лукиан и Гораций. Имя Гомера он знал, но с творчеством знаком не был. Некий грек Пилат из Салоников (умер в 1366 году в Калабрии) впервые ввел оное в оборот, когда продал в Италии латинский перевод Илиады и части Одиссеи. Боккаччо пользовался ими, хотя с сегодняшней точки зрения переводы эти выглядят убогой халтурой.

Во всяком случае, до начала XV века собственно греческих текстов в Европе не знали; с содержанием некоторых из них знакомились в переложении с арабского на древнееврейский и латынь. При этом тексты подвергались существенной переработке, сокращались, редактировались, обогащались вставками. Например, фундаментальный труд по фармакологии греческого врача Диоскорида, пройдя целых три ступени перевода, изменился до

²⁵ Т. е. все те же столь распространенные в эпоху Ренессансы апокрифы.

²⁶ Имеется в виду Константин Багрянородный, якобы 905-959, бывший византийским императором с 913 года. Считается, что он был инициатором и организатором издания компилятивных сборников-лексиконов, покровителем энциклопедистов той поры.

неузнаваемости. С творчеством Платона дело обстояло не лучше.

За поколение до «утраты» Византии в результате османского завоевания (1453) в Европе возник интерес к подлинным греческим книгам. Многие сотни оригинальных рукописей (и копий) были привезены в Италию. Косимо де Медичи вложил немалую часть огромного фамильного состояния в создание библиотеки классических произведений, которые он, в основном, покупал у беженцев. В 1440 году во Флоренции он открыл школу неоплатонической философии, где учителями были знаменитые Марсилио Фичино и Виссарион. Так началось освоение Платона и платоников Западом. Виссарион, архиепископ Никейский, перешедший в католичество и достигший в Италии высших церковных чинов, владел самым большим собранием греческих рукописей, многие из которых он самолично перевел на латынь. Поэтому в его коллекции трудно отличить «новоделы» от оригинала из Византии или, быть может, из античности. Понятия авторства и авторских прав в ту эпоху еще не существовало, тем более когда речь шла об идее, философии и теологии. Собственные мысли, вложенные в уста античных героев и подкрепленные авторитетом древности, приобретали, по мнению гуманистов, больший вес²⁷.

Фичино, например, переводивший, в числе прочих, Платона, Плотина и Ямвлиха, ревностно пытался соединить эллинский дух с христианством. Творчество Лукиана из Сармосаты²⁸, впервые изданного в 1496 году во Флоренции, изрядно «христианизировано». Издали его по одной из 80 сохранившихся копий, «не все из которых достоверны». Кстати, в такой ситуации практически невозможно ознакомиться с источником.

Как развалины античных городов служили потомкам эрзац-каменоломней, так и сохранившиеся тексты и фрагменты, находившиеся в обращении, представлялись в ту эпоху неисчерпаемым кладом философских идей и теологических аргументов. Вопрос, насколько тот или иной текст достоверен, кто его нашел или сфабриковал, мало кого занимал. По представлениям людей позднего средневековья – и это проявилось в ходе творческого создания истории Каролингов – время и пространство в историографии не имели большого значения. Рабанус в «Хронологии» выдвинул собственную концепцию (Лозовски, 1996). Однако накопление знаний и освоение изрядной части возникшего античного наследия привело к тому, что угол обзора увеличился, стал достовернее, «подлиннее» и... неузнаваемым.

После возникновения папства в Авиньоне и его переселения в конце XIV века в Рим в Италии началось возрождение интереса к античности. Основателем гуманизма считается Петрарка, хотя понятие это возникло столетие спустя, и в наш обиход введено было задним числом Винкельманом в 1765 году (Хунгер, с. 525). Кроме Цицерона, Сенеки и других классиков Петрарка знаком вроде бы и с трудами одного из ранних «отцов церкви» Августина. К сожалению, почти все рукописи, которыми он пользовался, включая собственные копии, безвозвратно утеряны, поэтому доказать или опровергнуть его знакомство с Августином не представляется возможным²⁹.

Вообще, история с вечно теряющимися книгами, «считавшимися у гуманистов за большую ценность, чем реликвии» (Хунгер, с. 547), не находит логического объяснения. Сохранилось большое количество писем ранних гуманистов (почему же не книг?!). Петрарка, например, якобы четырнадцатью веками отделенный от своих любимых поэтов, пишет о них, как о современниках, вместе с ними переживает их трудности, страдает и радуется. Даже Макиавелли в 1513 году высказывается в том же духе: «Без всякого чувства робости

²⁷ К тому же только сохранение в тайне своего авторства служило более или менее надежной защитой от преследований со стороны инквизиции. Не было ли это одним из побудительных мотивов расцвета именно исторического эпохотворчества: чем дальше в прошлом, тем менее вероятно, что текст привлечет интерес искоренителей инакомыслия.

²⁸ «Античного» автора (греческого сатирика), якобы жившего во II веке н. э.

²⁹ На фоне этого факта знание нами текстов «античных» авторов, якобы живших за тысячу, а то и за полторы тысячи лет до Петрарки, представляется еще более невозможным чудом.

разговариваю я с ними; осведомляюсь у них об основаниях тех или иных поступков, и они отвечают мне, ибо они люди» (Хунгер, с. 539). И Петрарка и Макиавелли решительно сходятся в одном весьма характеристическом аспекте: в эмоциональной близости античному прошлому. Вплоть до формы выражения и правописания существует сильнейшее сходство. И не удивительно. Ведь речь идет о возрождении.

Такое «активное приятие» древности возможно лишь в том случае, если твое мироощущение полностью сливается с таковым античности, что при (утверждаемом теорией) отстоянии эпох в полторы тысячи лет кажется мне невыносимым. А от любовного подражания до новодела – тонкого воссоздания «древнего античного» текста – всего один шаг.

«Возрождение» (Ренессанс) по-разному проявлялось в разных областях культуры. Наряду с сознательной фальсификацией шло кропотливое восстановление из фрагментов и спасение памятников прошлого, фиксация и сохранение в письменном виде сведений, передававшихся в устной традиции. Именно по языческому содержанию часто можно судить об относительной подлинности произведения. В ту эпоху язычество было основательно забыто, и сохранением языческих памятников трудно было бы снискать себе славу. Средневековые тексты зачастую подвергались переработке. В ранних изданиях собрания басен Ромулуса, составленном якобы в 350-500 годы (на самом деле, предположительно в XI веке), еще были боги, храмы и жертвы.

Высший расцвет

Плодотворная мастерская поддельщиков в монастыре Монте Кассино «явила» миру многие важные тексты. «В 1407 году Бруни и Поджо устремили взоры на архивы монастыря в Монте Кассино, где еще Боккаччо собрал в свое время богатый урожай. Истинный успех их предприятия оценить невозможно; результаты его – скорее всего намеренно – скрывались... При этом Поджо подвизался и как копиист. Переписывая рукописи, он одновременно оттачивал собственный стиль» (Хунгер, с. 544).

Немалое число классических произведений было создано и в Германии. Не случайно «Реформистский» собор состоялся именно в немецком городе Констанц (1414-1418), вокруг которого находились монастыри с богатейшими архивами³⁰. «В свите Папы Иоанна XIII на север в качестве секретарей и писцов курии прибыли многие гуманисты, среди них Бруни и Поджо» (Хунгер, с. 540). За длительную поездку через Германию, Францию до Англии, где он задержался до 1423 года, Поджо собрал огромное количество рукописей, частично заказанных им заранее. Приобретения он тут же копировал, никому не позволяя взглянуть на оригиналы.

Базельский собор (1432-1440) оказался не менее плодоносным. Здесь отличился Джованни Ариспа, «спасший» многие греческие рукописи из Византии. Николай Кузанский «открыл» 16 комедий Плавта, 12 из которых были совершенно неизвестны. Шла работа и в Венгрии: король Матиас Корвин собрал целую библиотеку рукописей. Франческо Сассетти вернулся из Франции с багажом из 67 томов произведений древнеримских писателей, в основном, «подтверждающих» уже известные или, по меньшей мере, предсказанные и ожидаемые тексты.

Вот лишь несколько примеров акции, охватившей почти всю Европу. К 1437 году Сикко Полентон подготовил первую Историю латинской литературы в 18 томах. «Латинская литература от Античности до Петрарки видится ему единым целым» (Хунгер, с. 545). В Боббио, также славившемся производством фальшивок, обнаружили тексты неизвестных латинских грамматистов и стихотворцев и, между прочими, Теренция, которого и напечатали в 1497 году в Майланде; «рукопись, разумеется, безвозвратно утеряна: доказательство того, что гуманисты обращались со своими приобретениями вовсе не так бережно, как можно было бы судить по восторгу, с каким они описывали находки друзьям» (Хунгер, с. 546). Не говоря уже о том, что «реликвии» стоили баснословных денег, которые почти всегда готовы были выложить князья-меценаты либо курия.

³⁰ Реформаторство Констанцкого Собора свелось к устранению раскола – состояния, когда одновременно функционировали три папы, а также к сожжению реформаторов Яна Гуса и Иеронима Пражского.

Фальсификатор на папском престоле

В этой главе мы мысленно окинем взглядом деятельность многократно упоминавшегося Пикколомини (с 1458 года – Папы Пия II), типичного представителя эпохи Ренессанса, «фальсифицировал даже свою собственную жизнь, пытаясь добиться, чтобы она могла служить примером для потомков» (как заявил Пауль Ц. Мартин³¹ 23.5.1998 в своем выступлении на конференции в Леонберге). Возможно, чтобы добиться своего избрания Римским Папой, Пикколомини пришлось подделать даже персональные данные. Эти документы до сих пор хранятся в «Codex Reginensis» в Ватикане. День его рождения (24.8.1405) считался исключительно неблагоприятным: Сатурн был в оппозиции к Солнцу, Луне и Венере; Марс – в оппозиции к Меркурию – зловещее сочетание. Мало того, 24 августа простых смертных классического Рима охватывал страх и ужас: именно в этот день, – так писал Цицерон-духи имели обыкновение подниматься из преисподней.

Итак, Пикколомини изменил день своего рождения, выбрав, в соответствии с гороскопом, исключительно благоприятный день, 18 октября 1405 г.: при восходе солнца в 6.49 наблюдались два классических счастливых сочетания: в парах Венера-Юпитер и Солнце-Сатурн небесные тела находились под углом в 60° друг к другу, к тому же Меркурий в астрономическом соединении с Венерой. Лучше не бывает.

А вот с местом рождения, которым ему хотелось сделать Вечный город, обмануть было труднее: он родился в местечке Корсиньяно в Тоскане. Удалось только выкопать легенду о том, что был в войске Суллы некий офицер Корсиний, в честь которого якобы и названа деревня. Что еще оставалось Пию, кроме как застроить деревню роскошными домами, объявить городом и учредить в нем епископскую кафедру? Город стал называться Пьенса (от pius – набожный, благочестивый). В наши дни в Пьенсу съезжаются многочисленные туристы полюбоваться на соборы, епископские дворцы и, прежде всего, на Палаццо Пикколомини, увековечивший фамилию его семьи и выстроенный по его собственному проекту.

В миру он звался Энеа Сильвио, и свое будущее папское имя нашел у Вергилия (Энеида, I, 378): Sum pius Aeneas (Я Эней, благочестивый). Разумеется, он придумал себе герб и разместил на нем соответствующий этому выражению девиз, который должен был предвещать трон Папы Римского его близкому родственнику (его племянник, Пий III, управлял Вселенской церковью 26 дней). Предшественника же своего, Пия I (142-157, святого и мученика), он выдумал; его письма признаны даже католическими богословами фальсификацией. Пикколомини считал себя девятым по счету Папой Римским; вообще, цифру девять он называл святой и придавал ей большое значение. Она часто повторяется в его удивительной автобиографии, оконченной как раз к новому, 1464 году. Стилем и размахом она напоминает «Галльскую войну» Цезаря. Начинается его жизнеописание с истории благородного семейства Пикколомини, исконных римских жителей, переехавших, по несчастью, в Тоскану. Буркхардт на это замечает: «Будем надеяться, что у него не возникало при этом неблагоприятное желание быть одним из Юлиев».

Однако полная треволнений жизнь Пия II и не нуждалась в приукрашивании. В 26 лет он участвовал в Базельском соборе; затем был личным секретарем императора Фридриха III, из рук которого принял корону Первого поэта. При его посредстве император встал на сторону Папы Римского Николая V в борьбе с Базельским собором; за эту услугу Пикколомини был пожалован епископской кафедрой в Триесте. В числе его достижений и решение Венского конкордата объявить постановления Базельского собора недействительными и отобрать у немецкой церкви с трудом достигнутые свободы. Десять лет спустя он сам стал Папой Римским.

Энеа Сильвио Пикколомини был крещен в сохранившейся до наших дней купели небольшой деревенской церквочки, так называемой пьеве, стоявшей поодаль от селения, за сегодняшними городскими стенами Пьенцы. Над входом там изображено змееногое чудовище, сопровождаемое с обеих сторон ужасными пресмыкающимися. В нише одного из окон стоит

³¹ Пауль Мартин, историк, экономист и известный немецкий журналист, является одним из ведущих критиков историографии в современной Германии.

языческого вида «Богоматерь»; стены и колонны расписаны змеями и древними языческими символами. Единственное, что напоминает о христианстве, – это написанная на боковой двери сцена поклонения волхвов.

На самом деле, вокруг Тосканы стоят сотни простых, изукрашенных на языческий лад пьев, совсем непохожих на церкви. Они действительно своей простой строительной конструкцией и своими украшениями больше напоминают языческие храмы или, по крайней мере, заставляют вспомнить гностиков или ариан. Удивительно, что столь могущественный церковный деятель, едва не затеявший (при поддержке албанского героя Скандербег) последний крестовый поход против турков, появился на свет в столь явно нехристианском окружении. Зато становится ясно, насколько важна для него была акция фальсификации: деревенский мальчик, крестившийся в крошечной языческой церкви, достигает высшего чина в церковной иерархии и перекраивает всю мировую историю. Творческое переименование всемирной истории помогло ему забыть крошечную пьеву его детства.

Совершенно не по-христиански выглядят и большие храмы Тосканы, например, в Сан-Кирико, где о католицизме напоминают лишь отдельные современные вкрапления. Изображенные там сказочные чудовища принадлежат совсем другому миру, ставшему нам, благодаря многовековой идеологической обработке, непонятным и чуждым. Смешными кажутся любые новомодные попытки истолкования сюжетов: они только подчеркивают наше непонимание древнего призрачного духовного мира. Иногда создается впечатление, что в лучшем случае об отдельных этих существах может идти речь в «Откровении Иоанна», но и эта мысль притянута за уши.

Зато античные произведения искусства, например римские геммы, настолько соответствуют этому языческому духу и стилю, а художественные формы этих двух эпох настолько близки друг к другу, что кажется, будто римскую античность и католическое христианство XV века разделяют всего несколько поколений³².

Марк Аврелий, христианский император

«Государевы зеркала» писались правителями в назидание потомству, главным образом, сыновьям-наследникам. Известнейший образчик эпохи Ренессанса был создан Петраркой. При дворах Византии и Персии они были известны уже в X-XI веках и имели целью не только педагогическое, воспитательное воздействие на наследников трона, но и создание своеобразного нравственного мерил для благородных и образованных людей. Идеализирующие и в то же время несущие отпечаток эпохи, «государевы зеркала», указывая на пример героических и благонравных предков, должны были воодушевлять потомство сильнее, нежели указующий перст отца, пусть даже папа и восседает на княжеском престоле. Ничто человеческое не чуждо живым; лишь мертвым дано носить сияющий венец непорочности.

Самое знаменитое «зеркало» в мировой литературе как раз и является обращением к прошлому: это «Reloj de principes» (Часы государевы) преподобного Антонио де Гевара, созданное им между 1518 и 1524 годами для могущественнейшего из людей, императора Карла V, в чьей империи никогда не заходило солнце. Это «величайший литературно-исторический вымысел», своего рода роман-аллегория с множеством подробностей из жизни самого императора. Он был тотчас же переведен на все европейские языки, и тираж его многократно превысил тиражи всех выпущенных к тому времени книг. «Часы государевы» называют «бестселлером Ренессанса».

Антонио де Гевара (1480-1545) двенадцатилетним мальчиком был принят ко двору

³² Эту мысль Уве Топпер разрабатывал в последние годы в серии докладов и статей. Например, он установил, что в творчестве великого голландского художника Хиеронима Босха даже в начале XVI века еще полностью отсутствовали христианские мотивы (они были дорисованы после его смерти, как Топпер установил на основе наблюдений за стилем художника; позже этот вывод был подтвержден при исследовании картин физическими методами). Осенью 2002 г. вышла в свет его новая книга «Фальсификация времени», в которой большое внимание уделяется позднему возникновению христианства.

католических королей (Изабеллы и Фердинанда Кастильского). В тот же год пал последний мусульманский бастион в Испании, и корабли Колумба пристали к берегам Америки. Еще через двенадцать лет Антонио де Гевара стал францисканским монахом. В 1521 году Карл V призвал его ко двору в качестве проповедника; с 1527 года он занимает должность официального летописца. Карл, до щепетильности честный и набожный, ценит его как одухотворенного человека глубокого ума и остроумного собеседника. Антонио де Гевара сопровождает императора во всех поездках по Европе и даже принимает участие в экспедиции в Тунис (1535). В течение восемнадцати лет он летописец, советник, дипломат; инквизитор и миротворец; проповедник, собственноручно крестивший в Андалусии 27 000 магометан; основатель типографии; благотворитель, строящий больницы и школы. Но, прежде всего, он – талантливый писатель, придавший роману его современную форму. В 1538 году, спустя десятилетие после выхода в свет «Часов государевых», он оставляет придворную службу.

Гевара, один из самых знаменитых людей своего времени, помимо прочего возглавлявший одно за другим два епископства, служил образцом для гуманистов. Император Карл был первым читателем романа; с его высочайшего благословения Гевара и отдал рукопись в печать. То есть Карл V счел, что роман послужит общественности достойным примером.

Однако книга эта – чистый вымысел. Вымышлены многочисленные греческие и латинские «цитаты»; никогда не было ни большинства цитируемых писателей, ни книг, которые он приписывает известным классическим авторам. Тонкой иронии полны описания фантастических традиций и обычаев древности (никогда не существовавших в действительности). Зато книга получилась яркая, сочная, увлекательная, остроумная и фривольно-эротическая. Ей зачитывалась вся грамотная публика – от государей до монастырских послушников.

Гевара назвал свой роман «Золотая книга об императоре Марке Аврелии Севере». Отрывочные сведения об этом соправителе Антонина вместе с его собственным жизнеописанием и письмами имелись в путаном византийском лексиконе «Суда». Гевара, вполне в духе современников-гуманистов, со свойственным его перу изяществом и остроумием додумал и написал все остальное. Он также написал и издал «Семейные письма» Марка Аврелия (в двух томах, 1539 и 1542), которые также имели огромный успех во всей Европе. Стиль «Писем» выдержан в Цицероновском духе; они адресованы давно умершим известным историческим лицам. «Письма» полны совершенно невероятных поступков при совершенно невозможной датировке событий. Для правдоподобия «Письмам» предпослана заметка о том, что в поисках рукописи Марка Аврелия публикатор долгие годы странствовал по Европе, пока не обнаружил ее во Флоренции в библиотеке Косимо Медичи. В ученых кругах поднялся шум, и Гевара был объявлен лжецом и фальсификатором, на что писатель, впрочем, не обратил ни малейшего внимания. Тем более что ему уже приходилось цитировать не только вымышленные исторические документы, но даже надгробные надписи.

Равным образом и его книги «Искусство навигации» и «Декада Цезарей», считавшиеся в свое время чуть ли не научными трактатами, критики начали признавать псевдоисторическими и лживыми. Гуманист Педро де Руа категорически потребовал в трех письмах, что от исторических сочинений требуется, в первую очередь, абсолютная достоверность. В своей излюбленной презрительно-ироничной манере Гевара ответил: он никогда не думал, что можно всерьез относиться к его сочинениям; что сам он верит только в Библию, и что поэтому он может себе позволить значительно исправить и улучшить историю по сравнению с той, что представлена в книгах.

Читать фантастику блестящего острослова, умницы и эрудита – истинное наслаждение, и только абсолютные идиоты возмущались его произведениями; недаром его книги заняли почетное место в золотом фонде европейской и мировой словесности.

В 1539 году Гевара, подражая стилю Горация, пишет «Осуждение двора и похвалу простой сельской жизни», где предпринимает попытку отомстить за ограничения, испытанные в ходе 48 лет королевской службы. Обличительное содержание книги не должно было, впрочем, приниматься всерьез, читатель должен был получать удовольствие от чтения, отдавая должное блестящему стилю и острой наблюдательности автора.

Потомки удостоили Гевару высших почестей (вот цитата из испанской энциклопедии):

«Гениальный писатель, создавший тончайшую и глубокую по смыслу пародию на гуманизм, для чего он использовал народный язык, (все гуманисты писали на латыни), беспримерным образом обогатив его. С тех пор еще ни одна эпоха не подвергалась столь умной и язвительной критике. Занимая ответственные посты в империи Карла V, он мог себе это позволить, и сам Карл его в этом поддерживал».

В подражателях у Гевары недостатка не было. Наиболее знаменитая имитация из всех – «Золотая книга Марка Аврелия» – вышла в Англии в 1535 году (рис. 4). В 1557 году появился на превосходном английском языке новый, сокращенный перевод книги Гевары, озаглавленный «Солнечные часы королевских наследников» (см. иллюстрации). Поскольку сведения об императоре Анниеве (или Севере) Антонине, его семействе, потомках, наставниках и друзьях считались исторически достоверными, то они вошли в историю как факты, связанные с жизнью мудрейшего из римских императоров Марка Аврелия.

Вершиной этого процесса имитации стало неожиданное открытие Михаэля Шютца, искателя приключений и гуманиста, называвшего себя на греческий манер Токсита³³. В библиотеке курфюрста Отто-Генриха Пфальцского ему удалось получить якобы «подлинный» греческий манускрипт, представляющий копию дневниковых записей Марка Аврелия. На его несчастье, рукопись содержала также «Жизнь Прокла» из Марино, то есть сочинение эпохи гуманизма. Таким образом, дискуссия о подлинности рукописи потеряла всякий смысл.

В 1545 году известный цюрихский издатель Конрад Гезнер получил некую книгу Марка Аврелия, но, догадываясь, что она никак не может принадлежать перу самого императора, воздержался от публикации (Тайлер, 1984). Тем не менее его не оставляла мысль повторить или даже превзойти успех Гевары, но не на сатирическом поприще, а как гуманист, серьезно работающий на ниве улучшения общественных нравов: он мечтал о создании образцового «Государева зеркала» на все времена. Получив манускрипт от Михаэля Шютца, он некоторое время колебался, а затем передал своему брату Андреасу Гезнеру, который в 1459 году издал рукопись в латинском переводе Вильгельма Хольцманна (Ксиландера) из Аугсбурга. В издание вошла и «Жизнь Прокла» из Марино в анонимном переводе. Книга постепенно завоевала популярность и затем в течение длительного времени имела успех. В 1568 году она была переиздана в Базеле. Оригинал рукописи к тому времени уже исчез. Впрочем, в Ватикане должны храниться выдержки из параллельных текстов (XIV века).

Эти знаменитые «Дневниковые размышления» (как и «Письма», и другие его произведения) императора Марка Аврелия не были известны ни античности, ни раннему средневековью (Гляйхен-Руссвурм, 1913, введение). Их упоминает только приобщенный к лику святых Августин, однако на самом деле это делает автор приписанных Блаженному Августину апокрифов³⁴ (ведь уж он-то знал все вымыслы гуманистов) и в X веке некий епископ Аретас из Патр.

Когда эпоха Возрождения открыла для себя Сенеку и стоиков, возникла серьезная потребность в текстах античных философов сходного мироощущения, однако только со Спинозой и Лейбницем началось глубокое содержательное освоение классического философского наследия. Шаг за шагом возрастали и требования к качеству текстов. В лучшем немецком переводе Марка Аврелия, сделанном Ф. К. Шнайдером, отсутствует более ста его изречений. Некоторые из них не включаются в издания и по сей день: настолько невероятным выглядит в устах античного монарха, например, осуждение любви к мальчикам (I, 16), в чем Марк Аврелий решительно обвиняет своего отца. Другой пример: пассаж, в котором император подозревает христиан в сомнительной склонности к мученичеству (так в тексте: *Christianoi*, XI, 3. К. Р. Хайнс (Лондон, 1924) сомневается в подлинности этого предложения). И уж совсем нелепо звучат императорские проклятия в адрес колдовства и суеверий. Эта тема не могла быть

³³ Родом из Тироля, известный поэт своего времени, Токситес умер в 1581 году.

³⁴ В случае этого неизвестного нам по имени гуманиста (им мог быть даже сам Меланхтон, правая рука Лютера) речь идет не о Блаженном Августине, одном из отцов церкви, а о придумавшем его создателе – современнике Лютера.

поводом для серьезных размышлений в античном Риме, зато живо обсуждалась гуманистами.

Капелле («Размышления Марка Аврелия», LI) удивляется невиданной откровенности, «какой не знает дошедшая до нас античная литература». Равно неизвестны нам предшественники и последователи, творившие в столь редком жанре интимного дневника. Дневник написан на странном, изобилующем простонародными выражениями и ошибками в греческом, что простительно автору, родным языком которого была латынь (Капелле, «Размышления», LIII). Построение фразы и стиль, по-видимому, заимствованы у учителя Цицерона Посейдония; у него многое заимствовал и Сенека. Но: «сохранилось чрезвычайно мало достоверных фрагментов Посейдония» (Тайлер, 1984).

При жизни император, разумеется, не мог предать гласности свои саморазоблачения, зато после его смерти это должны были сделать личные секретари. Они собрали все высказывания в 12 книг, при этом туда могли вкрасться и чужие сентенции.

Вот некоторые любопытные сведения об этом человеке: римский император Марк Аврелий Антонин (26.04.121-17.03.180) происходил из знатного испанского рода. В 175 году, почти уже проигрывая битву, он получил знамение небесное, счел это заслугой своего христианского легиона (sic!) и препятствовал с тех пор преследованию христиан, что, впрочем, не вполне ему удалось: еще до Гевары церковь постановила считать годы его правления «эпохой четвертых гонений», и эту вину уже нельзя было заставить исчезнуть. Тертуллиан оправдывает его, называя преследования христиан в Лионе 175 года «слишком далекими от Рима». Письмо Юстина (сохранилось в копии у Евсевия), принявшего в 165 году в Риме мученическую смерть, не может служить обвинительным документом, так как признано богословами подделкой. Дальнейшие письма христиан императору, которые охотно цитируются, как, например, пророчество Атенатора об апокалиптическом конце времен, являются анахронизмами в высшей мере; Тайлер (с. 14) при этом замечает: «Едва ли Марк Аврелий читал эти пространные послания».

Так Марк Аврелий завоевал почет и уважение как почти христианский император.

Последующие поколения привлекало в текстах Сенеки и, прежде всего, самого Марка Аврелия, то, что слово «Бог» всегда употреблялось в единственном числе, как если бы речь шла о Боге христиан. Изложенная Марком Аврелием христианизированная языческая философия знает только один мир, одного Бога, одну природу всего сущего, одну материю, один закон и один разум.

В «Размышлениях» Марк Аврелий предстает перед нами неким совершенным, не могущим реально существовать созданием, новой гуманистической версией Христа, олицетворившей, вне времени и пространства, общеевропейскую волю к идеальному. И этот общеевропейский идеал носит черты миропонимания XVI века.

Добавим этому идеалу жизненности еще и сопутствующее этой фигуре обрамление: свирепствовавшую в то время чуму, от которой он умер, египетскую королевскую картушу с его именем и множество его «античных» изображений, созданных великими мастерами Возрождения (например, бронзовая конная статуя в Ватикане). И, наконец, латинские письма 25-летнего философа к учителю Фронто, настолько ребячливые и вместе с тем высокопарные, что их можно отнести не иначе как к курьезу в творчестве гильдии поддельщиков. Во многих изданиях «Письма» предпосланы собственно «Размышлениям», хотя по их стилю ясно, что произведения принадлежат разным авторам.

Уже в конце XV века стали раздаваться голоса гуманистов, протестующих против засилья литературно-исторических фальсификаций и опасаящихся потери всяческого масштаба. Самым известным из них был Валла, разоблачивший многие подделки и подвергавшийся за это гонениям. Он попытался тем не менее сверить текст вольгаты Нового Завета с греческим «оригиналом», благодаря чему нашел мощных заступников.

Понимая, насколько важно использование источника «из первых рук», Поджо пытался даже выучить древнееврейский язык. Но этот шаг сделало уже следующее поколение.

Фундаменталист Эразм Роттердамский

Знаменитый гуманист родился в 1466 году (по другим данным – в 1469); его первые

работы были написаны на прекрасной латыни (начиная с 1495 года в Париже). Находясь с 1499 года в Англии, он пробует силы в греческом, которым вполне прилично овладевает к 1502 году. Его сочинение «Похвальное слово глупости» за 11 лет разошлось в количестве 20 000 экземпляров. Колоссальный для тех времен тираж свидетельствует о том, что Эразм Роттердамский был в полном смысле слова «властителем дум» образованной публики средневековой Европы (я следую Кампхаузену, «Возьми и прочти!», 1991).

Эразм боролся с иудаизмом (в церкви, разумеется) и способствовал развитию христологии, согласно которой Иисус правил судьбами мира еще до своего воплощения. Эти два важных пункта в характеристике уважаемого отца Церкви сыграли роковую роль в виртуальной истории раннего христианства: придумывая отцов церкви, гуманисты во многом опирались на идейные установки Эразма³⁵. В 1516 году, назначенный императором Карлом V членом муниципалитета, он выпустил девятитомное издание Библии Иеронима, а также сочинения девяти раннехристианских авторов. Судя по всему, Эразм испытывал романтические чувства к идеализированному образу ранней Церкви.

Взяв за основу уже упомянутые тексты Лаврентия Баллы (1505), он выпустил греческий Новый Завет с латинским переводом, причем работа, шедшая в крайней спешке из-за конкуренции с испанским изданием, была выполнена в полгода. В предисловии Эразм Роттердамский утверждает, что использовал множество древних рукописей, но это очевидная ложь: на руках у него было всего лишь несколько поздних копий, полных лакун и ошибок. Целые строфы в окончании «Откровения Иоанна», например, ему пришлось переводить с латинской вульгаты «обратно» на греческий.

И все-таки не совсем понятно, какую именно работу выполнял в спешке Эразм с помощниками в течение целого полугодия: если греческая и латинская Библии использовались, цитировались и комментировались богословами уже 1300 лет, тогда достаточно было для подготовки первой печатной версии всего лишь внести в тексты возможные поправки. Вероятно, он придал текстам совершенно новый вид, введя к тому же дотоле неизвестное деление на главы и стихи.

Эта работа легла в основу стандартного текста современной Библии. Три года спустя появилось новое, содержащее 400 поправок и исправлений издание, по которому Лютер и сделал немецкий перевод. Уже тогда говорили (разумеется, на латыни), что без Эразма не было бы ни Лютера, ни Реформации.

Заслуживает упоминания Теодор Беза (ум. в 1604 году), друг и последователь Кальвина, введший в оборот сразу две предположительно древних греко-латинских рукописи (якобы V века) с делением на стихи. Они должны были служить основой реформаторского движения в Швейцарии, но впоследствии от этих текстов отказались.

Таким образом, несмотря на яростные протесты многих богословов, прочно утвердился новый фундаментализм, подвергавший сомнению авторитет «отцов церкви» и признававший непререкаемой истиной «только лишь текст», где черным по белому записано, что на самом деле сказал Бог. Церковь это вполне устраивало.

Король Артур как исторический персонаж

Фазы слепого доверия к источникам сменялись периодически более критическими фазами. С течением времени в философии истории утвердился более строгий подход к вопросу достоверности исторических источников. Давид Штраус (около 1850 года), Веллхаузен с коллегами и Делицш (1910) уже прекрасно понимали, что история Израиля – так, как она представлена в Библии, – всего лишь пестрая смесь из недостоверных воспоминаний, древних сказок, слухов, сплетней, анекдотов и пропагандистских лозунгов; к тому же составленная через 2000 лет после описываемых событий и позже многократно видоизмененная. Это вовсе не

³⁵ И тем самым определяли тенденции будущего развития католической догматики и церковной политике. Гуманистические авторы апокрифов так упорно вкладывали в уста выдуманных ими церковных деятелей определенные тезисы, что оные стали на столетия неотъемлемой частью религиозного учения.

должно умалывать литературных достоинств отдельных глав, а также вневременной ценности содержащихся в Библии философских и религиозных откровений. Нас же интересует ее историческая ценность библии: последняя равна нулю.

По моему мнению, даже апокрифические книги Маккавеев не содержат никаких сведений о I и II веках до н. э., как это принято утверждать, а представляют собой в высшей степени идеализированную картину бурных событий в Палестине конца X века, поданных в эпической форме и перенесенных на тысячу с лишним лет назад.

Поэтому не вполне понятно, как современные историки пользуются этими текстами в качестве источников, как им удается находить в них связи между разными главами, долженствующие осуществлять взаимную вырубку в плане подвергаемой сомнению достоверности и приводить к выводу об истинности исторической информации в этих текстах – вспомним девиз Келлера: «И все-таки Библия права!».

Нашему сознанию трудно поверить в ложность считавшихся много веков незыблемыми авторитетов. Все зависит от точки зрения и угла рассмотрения: в столь фундаменталистском – в плане истории – обществе, как наше, такие сомнительные самоподтверждения действительно могут восприниматься как доказательства. Тому, кто хочет найти Троя, достаточно начать раскапывать какой-либо подходящий древний курган. Или, быть может, в Гизарлыке сохранились древние крепостные ворота, на которых большими буквами было написано: Троя, государственная граница, гомеровские времена. А тот, кого не пленяет «Илиада», там же найдет и Атлантиду: это больше соответствует духу нашего времени³⁶.

Я поясню свою мысль на примере английского феномена, короля Артура (Аргуса).

Джеффри Эш (1986), известный английский историк, считает Артура историческим персонажем V века, хотя на страницах романов наш герой появляется с 1130 года. Романисты помещают его между готами, гуннами и вандалами: конец античности, эпоха Великого переселения народов. Это одно из мистических понятий, отлитых когда-то в чеканную формулировку и исправно выполняющих с тех пор свою историческую функцию. Как и 40-летнее странствование израильтян по Синайской пустыне, переселение германцев, франков, саксов и т. д. было неременным условием начала формирования их национального самосознания.

Изобретение Артура стало английским аналогом измышления Карла Великого. Разумеется, он должен был разбить «галлов» и стать королем Англии и Бретани вплоть до Бургундии, причем легитимность его как германского предводителя была подтверждена римским императором. Правда, в VI веке, куда традиционно относили Артура, это было невозможно: считается, что в то время масть получали уже в Византии, а так как она находилась слишком далеко, Джеффри Эш, вооруженный многочисленными цитатами из «старых» хроник, «отодвигает» его в V век. «Опровергая» данные хроник, Эш «сдвигает» нашего героя еще на пять или десять лет и добивается настолько точного совпадения дат, что читатель благосклонно принимает его выводы за окончательное доказательство. Эш пишет весьма своеобразную историю, выдумывая, манипулируя и подменяя источники, которые при ближайшем рассмотрении оказываются романами XII и XIII веков. Последующие поколения примут его научный самообман за чистую монету, и Артур станет историческим персонажем: не сказочным благородным героем рыцарских времен, но правящим королем Англии конца античности.

Давайте присмотримся к деталям. У нас есть текст Готфрида Монмутского «История королей Британии», окончанный в 1136 году, но в позднем, переработанном (по предположению Эша – самим автором) варианте. История Артура составляет одну часть

³⁶ Основная проблема современной археологии в ее подчиненном положении по отношению к историческому официозу. Археологи вынуждены искать объяснения для своих находок в рамках традиционных исторических мифов, ибо в противном случае им грозит лишение финансирования, остракизм историков и потеря научной репутации. Археология и история – это сиамские близнецы, которые друг друга отравляют и которых ни один хирург не способен сегодня разъединить. А ведь только после такого разъединения, после достижения их абсолютной независимости друг от друга может начаться внутренне обновление и истории, и археологии: они должны быть в состоянии взаимно проверять друг друга.

объемного труда, однако создается впечатление, что все предыдущие и последующие короли призваны лишь для того, чтобы «сколотить» ему правдоподобную историческую рамку.

История Готфрида начинается с падения Трои. В XII веке это была точка отсчета, как позже Великий потоп или разрушение Иерусалимского храма. «Датировка» этого события осуществляется, если и неубедительно, то по крайней мере остроумно. От падения Трои до рождения Иисуса должно было пройти около 1150 лет – столько же, сколько от рождения Иисуса до времени создания «Истории», следовательно, Иисус является центром временной оси.

Предполагаю, что Эш в самом начале своей книги – по крайней мере я не нашел у него отрицания этой моей гипотезы – пытается навязать читателю древние легенды и сказания и продолжить их. Эш пытается убедить читателя, что падение Трои действительно состоялось около 2300 лет до Готфрида. Эней «эмигрировал» после этого в Италию. Правнук Энея Брут отправился еще дальше, в Англию, освободил острова от великанов, назвал их в свою честь и заложил на Темзе «Новую Трою», Лондон. Читатели, надо полагать, были в восторге. Далее следует список имен и деяний 75 королей, «почти все из которых были порождены его фантазией» (немецкий перевод книги Эша, с. 17). Среди них есть и свой собственный летающий Виланд или Дедал (в данном случае Бладуд), приделавший себе пару крыльев, использовавший один из храмов Новой Трои для начала своего полета и упавший на землю. Его сын король Лир правил в VIII веке до н. э.

Узнаваемость сказочных фигур, их местная самобытность, оригинальные, но этимологически схожие, часто «семантически значащие» имена как в случае неудачного летчика – это обычный прием в подобных сочинениях, где таким образом мифы взаимно подтверждают «историчность» сказаний. По-человечески вполне понятно, что англичанин хочет подарить своему народу замечательного прародителя – летающего короля, чье существование и деяния подогнаны к другим мифам, зафиксированы и в других легендах и таким образом вроде бы подтверждаются. Однако исследователь должен быть крайне осмотрителен, прежде чем, исходя из созвучия имен и схожести событий, делать вывод о «едином индоевропейском наследстве». Лишь немногие понимают, что законы перестановки согласных часто выводят из различных стилей и способов написания. Само произношение обычно жестче, чем письменный текст, в котором оно фиксируется.

Творец виртуальной истории не должен обращаться к уже существующим именам, чтобы не быть сразу разоблаченным. Поэтому собаку Артура зовут Кабал, а не Цербер, что было бы крайне подозрительным. Из Цербера он стал Кабалом, потеряв, в соответствии с самобытной («кельтской») традицией, внутреннее «P» и сменив конечное «P» на «L». При этом законы перестановки согласных не нарушаются, ибо сами они выводятся из примеров, в том числе и из данного.

Но вернемся к рассуждениям Эша. «Почти все» из 75 королей суть порождения чистой фантазии, говорит историк. Критик вправе задать вопрос: почему почти? Ведь в романе о Томе Сойере и Геке Финне мелькают подлинные исторические имена, например, имя тогдашнего президента Соединенных Штатов. Почему нет? Цезарь, Клавдий и Траян, появляясь на страницах «Истории королей Британии», вроде бы добавляют убедительности всему историческому трактату, «превращают в реальность» все написанное до и после упоминания их имен. Но и здесь Готфрид противоречит общепризнанным с сегодняшней точки зрения фактам: из патриотических соображений он заявляет, что никакого завоевания Англии римлянами не было, а правящие короли Англии платили императору дань по доброй воле.

Итак – через двенадцать веков после события – этот позор «оказывается», наконец-то, смыт. Хотя, казалось бы, по прошествии стольких лет можно только гордиться тем, что твой народ был приобщен к цивилизации римлянами. В этом вопросе Эш не согласен с Готфридом Монмутским: он придает распространению римской цивилизации на Британии большое значение и тем самым признает римское завоевание ее территории.

Католическая оценка событий, которой Эш следует, такова: все язычники – пикты, скотты и саксы – варвары, а все кельты – христиане. И это несмотря на то что, как Эш прекрасно знает, христианизация Англии V века не подтверждается данными археологических раскопок. Приходится ему опираться на письменные источники. В IV веке некий лондонский

архиепископ просит в Бретани и получает подкрепления против язычников. Ведь родство бретонцев и бриттов – известный надуманный мотив, используемый и в наши дни. Константин, брат короля Бретани, отправляется в Англию; его сын побеждает варваров и становится королем. Это происходит ни много ни мало именно в 407 году, когда – Готфрид почерпнул небось эти сведения у Исидора – вестготы с Рейна вторгаются в Испанию и отвоевывают соответствующие провинции у римлян. Историографы мстят варварам, обходясь при этом без кровопролития (такая вот сладкая месть!). Сын победителя варваров и есть король Артур.

С этого момента вместо сплошного вымысла якобы начинается действительная история.

В качестве источника Эш приводит (с. 53) некоего «галло-романского джентльмена», ставшего в 470 году епископом Клермонта, прославившегося в качестве писателя и святого, современника Артура и свидетеля его славных дел: Сидония Аполлония. Зять римского императора – да-да, celibat в то время не был всеобщим правилом, – он состоял в переписке с французским аббатом Фаустом из Южной Франции, также писателем, а также многими другими деятелями эпохи. «До нас дошли некоторые из его книг» (с. 66). «Некоторые из его книг» – это три стихотворения и девять томов писем в напыщенном и безвкусном стиле, да и те, вероятно, сочинены в эпоху Возрождения. Они полны жуткого хвастовства. Среди прочих, в письмах есть и такой сюжет: посреди хаоса, якобы учиненного готами в Галлии, Сидоний на резвых конях охотится за книжным воров, настигает его, дважды прочитывает книгу и диктует ее своим писцам (опять во множественном числе!), причем особо отмечает скорость и усердие переписчиков. Эш дословно приводит этот курьезный текст в подтверждение «историчности» Сидония.

Эш цитирует и другие хроники, якобы содержащие солидные доказательства его тезисов, в том числе «Историю бриттов» Ненния (800-820, с пуганой датировкой), перед этим некоего Гильдаса и после этого «Анналы» из Камбрии, относимые ко времени на столетие более позднее. На самом же деле жуткие события, в них изложенные, абсолютно сказочны, и Артур представляется совсем иным персонажем. Он, например, назван там «солдатом», и как король ни разу не упоминается. Еще его называют «*ameraudeur*», созвучно с французским словом «*maraudeur*» (мародер, грабитель). Эш видит в этом шутливо искаженное «император» (с. 94).

К тому же Эш предлагает, когда ситуация становится слишком уж запутанной, считать, что «подмена образа врага в зависимости от исторических обстоятельств – явление нередкое в героических сказаниях. Во французском эпосе о гибели Роланда, паладина Карла Великого, враги из басков превращаются в сарацинов» (с. 121)³⁷. Но разве убийцы Роланда были басками? Ведь речь идет об эпосе, не имеющем ничего общего с историей: о борьбе христианского рыцарства с арабами (с мусульманами). И никакой битвы Роланда с басками не было; и весь поход Карла и Роланда в Пиринеях выдуман романистами XII века с целью укрепить боевой дух рыцарства в борьбе против врагов-сарацинов. Это единственный факт, который может вычитать исследователь из «Песни о Роланде»³⁸.

Впрочем, и Эш тоже нашел кое-что интересное в этом романе. Он продолжает: «Речь идет не об истории, но о литературе, о литературном вымысле. Однако многие сюжеты и подробности галльских приключений Артура настолько напоминают Риотамуса, что источник вдохновения не подлежит сомнению, даже если Готфрид утрирует, искажает и переставляет факты, в общем, весьма свободно манипулирует ими» (с. 120).

Итак, кое-какие «факты», искаженные и утрированные, сдвинутые по временной оси и в географическом пространстве, но якобы подтвержденные не менее искаженными и утрированными хрониками, послужили основой для создания через семьсот лет совсем другой

³⁷ Сарацины (царские воины?) – объединительное наименование мусульманских войск. Считается, что произошло от названия жителей Северной Аравии и со временем было перенесено сначала на всех арабов, а затем (якобы крестоносцами) на всех мусульман. Скорее всего, наименование возникло при столкновении интересов Османов и южноевропейских сил на территории Ближнего Востока и в Северной Африке в XVI веке.

³⁸ Датировку XII веком следует сегодня – в свете критических исследований того же Топпера о возникновении христианства в более позднее время – поставить под вопрос.

истории. Эш, который многое из сомнительного принимает на веру, убежден, что ему удалось в этой ситуации восстановить действительный ход исторических событий.

Он использует работу некоего Шэрона Тернера («новаторскую по охвату материала, кладезь учености», с. 123), который в 1799 году описывает экспедицию короля Риотамуса с двенадцатью тысячами солдат в Галлию, в помощь императору Западной Римской империи. Тернер отождествляет Риотамуса с королем Артуром, что Эш считает подтверждением своего тезиса, хотя высокоученый Тернер помещает короля Артура в значительно более позднюю эпоху. Доказательства существования Риотамуса, «блистательного короля», содержатся в том письме Сидония, которое, по моему мнению, есть просто детская выдумка, скорее забавная, нежели достойная серьезного исследования.

Здесь я закончу мою краткую критику книги Эша. Думаю, читателю стало ясно, как действуют исследователи, пытающиеся на основе эпоса воссоздать историю ³⁹.

Глава 5. ОТВОЕВАНИЕ ИСПАНИИ

Создается впечатление, что фальсификации собственной истории и истории противника была распространенной интеллектуальной игрой эпохи Возрождения. В игру эту охотно играли и в Испании. Я могу назвать имена трех людей, ответственных за определенную неклерикальную испанскую часть «Широкомасштабной Операции»: Педро де Медина, Хуан Витербо и Херонимо дела Консепсьон. Их исторические и географические труды были настолько хорошо продуманы и убедительны, что и я сам в свое время поддался их обману (1977, гл. 22). Использованные источники были безупречны, так что многие их сведения подтверждаются сегодня при археологической проверке на местности. Но даже это обстоятельство еще не делает «Хроники» подлинными. Несмотря на наличие соответствующих списков, доисторических иберийских царей никогда не существовало, как и царей древней Греции, Рима или Халдеи. Обладая прекрасными знаниями античности, поддельщики всех этих списков успешно имитировали историчность и порой «попадали прямо в очко», но очередность, датировка и имена собственные этих «правителей» суть чистый вымысел.

Существует королевский список, начинающийся с Тубала, первого царя Испании после Всемирного потопа в 2102 году до н. э. Тубал и начал заселять и осваивать страну, распространять в ней культуру. ⁴⁰ Далее следуют в пестрой последовательности звучные имена основателей городов и религиозных деятелей, предводителей кавалерии и меценатов наук, герои и мыслители, династические войны и завоевательные походы, даже изгнания. Всплывают такие известные имена, как Геркулес, Геспер и даже мятежник Како, которому посвящен период с 1303 до 1267 года до н. э. О Како рассказаны забавные эпизоды, так что он, за исключением датировки, выглядит почти как лицо историческое. «Если это и неправда, то хорошо придумано», – говорят в этом случае итальянцы.

И по сей день многие ученые, раскапывая никому сегодня более не известные древние города, сведения о которых содержатся в подобных хрониках, поражаются достоверности описаний и принимают все за чистую монету. Однако руины древних городов и крепостей в эпоху Чинквеченто (XVI век) были известны гораздо лучше, чем сегодня, их было в то время трудно скрыть от любопытного взгляда современника. Руины эти описывали многочисленные

³⁹ Соотношение мифа и истории крайне сложно. Признавая всю спорность замены достоверной исторической информации таковой, взятой из мифов и легенд (история и так состоит в основном из сказок, легенд, мифов и исторических романов), отметим, что некоторые критически мыслящие исследователи уделяют мифу важную роль в исследовании предысторического периода прошлого, в особенности при рассмотрении катастроф в эпоху, сравнительно недалеко отстоящую от исторического времени.

⁴⁰ Библейский Тубал ассоциируется обычно со Средней Азией (Тобол). Его появление на страницах испанских исторических или даже мифологических текстов может говорить в пользу не сохранившихся в традиционной историографии событий вроде великого «монгольского» завоевания всей Западной Европы.

любители старины, исследовавшие развалины в поисках сокровищ и произведений искусства.

В свое время меня должно было насторожить само имя основоположника, внука Ноя Тубалачо. В католической Испании только библейское имя давало шанс для привязки к мировой истории, куда нужно было поместить и древних иберийских царей. Или упоминание Геркулеса, который, в соответствии с легендой, путешествовал по западным странам. Такие «перекрестные подтверждения» слишком уж явно бросаются в глаза.

В 1977 году я писал (с. 412): «Источники по древней истории Иберийского полуострова столь же надежны, как и истории других очагов цивилизации: Манефона из Египта, Бероза из Халдеи, Евсевия и т. д.». Сегодня я вынужден повторить эту фразу, вкладывая в нее прямо противоположный смысл: столь же «надежны», то есть никчемны (не обладают ни малейшей исторической ценностью).

И в этом случае тоже стал различим и ясен повод для фальсификации. Помимо повального увлечения поисками древних предков и величественного прошлого, из работы Педро де Медины, профессора в Алкале, вычитывается актуальный для того времени (1540) политический заказ испанских правителей: историческое обоснование и оправдание испанских притязаний на Южную Италию.

Что же останется от этого пестрого ковра (кстати, Stromata, «Ковры», назвал свой исторический трактат Клементий Александрийский), если его историческую подкладку мы выбросим за ненадобностью? Фантастическую картину эпохи Возрождения, невероятный творческий потенциал, создавший многоплановое самосознание, во всех смыслах способствовавший развитию нашего сегодняшнего культурного уровня. Другими словами: даже после первого разочарования я не могу проклинать «Широкомасштабную Операцию» и презирать ее творцов. Однако необходимо исследовать процесс ее осуществления и след, оставленный ею в наших исторических представлениях ⁴¹.

Антонио и его «Критика вымышленной истории»

Расцвет эпохи Гуманизма в Испании, наступивший после окончательного завоевания Андалусии в 1492 году, связан с фигурой многоуважаемого и высокообразованного иезуита Иеронима Романа де ла Игуэра Толедского (1538-1611), позднего и с легкостью разоблачаемого фальсификатора. На данном примере мне хочется продемонстрировать некоторую специфику, которая позволит взглянуть на «Широкомасштабную Операцию» в ином свете.

Этого блестящего знатока древней истории иезуиты вербовали в свои ряды еще в 1563 году, но безуспешно. Игуэра долго противился и вступил в Орден только в 1590 году. В 1611-м, в последний год его жизни (по другим данным – в 1619 году), в Сарагосе вышел из печати объемный исторический трактат Игуэры, некоторое время до того ходивший в рукописи. Это были «Хроники», восторженно встреченные в Испании и в других католических странах. Переиздания выходили в Кадисе и Лионе (1627), в Мадриде (1640) и позже. Всеобщее внимание работа привлекла благодаря обилию содержащихся в ней новых сведений, которые подверглись в тексте столь сложной обработке, что выявить их происхождение было практически невозможно. Тем не менее подлог открылся уже в 1652 году, однако печатное опровержение

⁴¹ И сформировавшей нашу неверную коллективную модель прошлого. Многие, впервые сталкиваясь с критикой традиционной историографии, даже признавая ее в каких-то пунктах справедливой, тем не менее задают вопрос: А зачем вам это нужно? Кому мешает наша – пусть даже неверная – модель прошлого? Раньше считалось очевидным, что тот, кто владеет прошлым, владеет и будущим. Именно поэтому и по сей день каждая новая власть заново переписывает историю (сейчас этот процесс набирает силу, например, в Индии, где история должна быть – по замыслу правящей националистической партии – освобождена от насилия и приведена в соответствие с духом непротivления злу насилием великого Ганди). Мы же считаем, что неверная картина прошлого и особенно неверные хронологические представления представляют серьезную опасность для человечества в его борьбе с насущными опасностями мирового экологического и демографического кризиса. Вместо того чтобы вооружиться верными представлениями о невероятной скорости становления и развития цивилизации, мы завязываем стоящему на краю экологической пропасти человечеству глаза и успокаиваем его сказками о тысячах лет, якобы даримых нам всегда историей для преодоления судьбоносных кризисов.

появилось в Валенсии лишь в 1742-м.

О чем же шла речь в пресловутых «Хрониках»?

Игуэра утверждал, что в монастыре Фульда (да, мастерские поддельщиков были не столь уж и многочисленны) он обнаружил рукопись, содержащую тексты многих испанских церковных писателей эпохи вестготов: Флавия Луция Декстра, сына святого Пациана, причислявшегося святым Иеронимом к отцам церкви; Марка Максима, епископа Сарагосы, которого Сан Исидор Севильский называл «одним из знаменитейших»; известного в свое время Луитпранда из Павии; святого Браулио, епископа Сарагосы и ближайшего друга Исидора Севильского; современника последнего Тахона; а также Вальдередо, Хелеки и других сарагосских епископов. Представленная в писаниях святых отцов история испанской церкви до «Реконкисты»⁴² как нельзя более соответствовала насущной потребности в подтверждении длительной и непрерывной христианской традиции Иберийского полуострова. В этих текстах появлялись вымышленные святые, всем возможным местностям присовокуплены были ореол мученичества и конкретные мученики с соответствующими реликвиями; были сведения о якобы имевшихся там в прошлом епископах и о якобы состоявшихся синодах.

«Фрагменты» из рукописи Игуэра послал образованнейшему человеку своего времени, епископу Сегорбы Хуану Баутисте Пересу, который тотчас же распознал фальшивку. Но прошло три года, епископ умер, Игуэра подчистил наиболее вопиющие ошибки и превратил «Фрагменты» в «Хроники», в которых вместо связного текста был списком дан перечень событий с указанием дат. В такой лаконической форме было много проще вводить в заблуждение⁴³. Факты так искусно перемежались с ложью и распространенными в ту эпоху заблуждениями, что «Хроникам» безоговорочно поверили.

Печатное издание появилось, разумеется, на латыни, хотя оригинал из Фульды был якобы написан на готском. Немногие проницательные современники посмеялись столь вопиющему подлогу, большинством же книга была воспринята как документ неопределимой важности, как «реликвия» (одни из оппортунизма, другие по недомыслию, как выразился Майянс).

Этот Грегорио Майянс и Сискар подготовил к печати и издал в Валенсии в 1742 году неоконченный труд известного и отмеченного высшими наградами гуманиста Николаса Антонио (р. 1617, Севилья – ум. 1684, Мадрид). Антонио, человек энциклопедических познаний, был основателем и по сей день существующей «Испанской библиотеки». Его личное собрание насчитывало 30 000 томов. В 1652 году он приступил к анализу «Хроник», поначалу считая, правда, что Игуэра действительно располагал некоей рукописью из Фульды и внес в нее изменения. Он известил об этом своих коллег. Постепенно он пришел к выводу о том, что изложенная Игуэрой история абсолютно баснословна. Некоторые, не менее знаменитые люди, пытались оппонировать этому выводу. Из аргументов: сведения Игуэры догматически корректны и прекрасно вписываются в историческую картину. На защиту Игуэры поднялся такой известный ученый, как, например, Томас де Варгас. Его аргументы были просты: Игуэра, историк и богослов безупречной репутации, пользовавшийся услугами помощников со столь же безупречной репутацией, имел полное право слегка откорректировать данные в соответствии с изменившимися догматами.

В «Критике вымышленной истории» Антонио с полной убедительностью доказывает, что

⁴² Автор заключает слово «Реконкиста» (Отвоевание) в кавычки, так как он ниже показывает, что ни о каком отвоевании Испании не может быть речи. Отвоевывать можно лишь то, что прежде было завоевано, и к христианскому историческому мифотворчеству в Испании относится и по сей день сказка об арабском завоевании (Конкисте) якобы христианского Иберийского полуострова. На самом же деле берберы и арабы составляли здесь автохтонное население и мусульманство (как и местный иудаизм) были занесены сюда не на кончике меча или сабли, а возникли здесь в результате мирной идейной (религиозной) эволюции. Единственной реальной Конкистой было именно христианское завоевание Испании и Португалии (другой вопрос, можно ли его считать частью великого «монгольского» завоевания).

⁴³ Не исключено, что при выборе формы своих «Хроник» Игуэра воспользовался успешным опытом Йозефа Юстуса Скалигера, дедушки современной лживой хронологии, которую он тоже представил (впервые в 1583 году, а затем в 1608 году) в виде набора хронологических таблиц.

исторический трактат Игуэры – всего лишь собрание сказок. Некоторые ученые (например, граф де Мондехар в «Церковных трактатах») поддержали эту точку зрения, тем более что оригинала рукописи из Фулды никто никогда не видел.

Однако «Критика» (*censura*) Антонио, увидев свет лишь через 90 лет после этого, в 1742 году, не принесла сокрушительной победы истине, ибо названные выше сказки за этот почти вековой срок прочно укоренились в историческом сознании. В обосновании инквизицией печатного издания «Критика» Антонио говорилось, что в том «изобильном на открытия и вымыслы веке люди готовы были поверить и утвердить в истории всякого рода небылицы, так что неотложнейшей задачей стало определение достоверности источников, отделение в них правды от вымысла».

«Неотложную задачу», однако, отложили за неосуществимостью. Более того, по-прежнему отъявленную ложь и старые лживые сказки (например, труды Исидора и Браулио) с помощью перекрестных ссылок и контраргументов превращали в «неопровержимые» факты.

Майянс приводит обстоятельное жизнеописание Антонио и некоторые сведения об Игуэре, который вовсе не был дилетантом в исторической науке: его «Исследование о мосарабах» до сих пор высоко ценится специалистами.

Не обошлось и без усилий по приданию фальшивке (якобы) из Фулды большей весомости. В 1595 году в Гранаде обнаружались свинцовые таблицы и книги, якобы подтверждающие подлинность текстов из Фулды. Публично они нигде не выставлялись, и в счастливую находку просто поверили, ибо в ней якобы встречались многие имена и утверждения из «Хроник» Игуэры. Однако слухи о фальсификации, ходившие в определенных кругах, заставили короля Филиппа II назначить специальную комиссию, которая и подтвердила подлинность находки в 1596 году и еще раз – в 1597 году. Сомневающиеся голоса, вероятно, не стихали, и развеять подозрения были призваны две новые комиссии, созданные королем Филиппом III в 1604 и 1609 году. При Филиппе IV игра продолжилась. Впоследствии, однако, история приняла неожиданный оборот: изменилось учение, и с 1652 года содержание таблиц стало считаться еретическим. В 1682 году тексты таблиц из Гранады – тем временем выяснилось, что некоторые из них были изготовлены из меди – были строго осуждены Папой Иннокентием XI. Майянс мог не бояться преследования со стороны церкви, причисляя их к несомненным фальшивкам.

Халтурной подделкой называет он также «Хронику» Ауберто (или Хаусбертуса) Гиспаленсе (из Севильи). Она была сфабрикована пользовавшегося доброй репутацией священника и писателя Лупианом Сапато и издана в 1667 году Грегором Аргаисом из Логроньо. После смерти фальсификатора, встретившего закат жизни на Ибике, в том же 1667 году, обнаружилось, что он является автором множества подделок, и все же некоторые изданные им якобы античные тексты до сих пор считаются подлинными.

Майянс приводит в качестве доказательств 35 писем Антонио и его коллег, при чтении которых волосы встают дыбом. В лучшем случае содержащиеся в них разоблачения фальсифицированных отцов церкви читаются местами как детективный роман. В «древних» рукописях цитируются авторы, жившие на 300 лет позже времени их написания. Это доказательство того, что общая хронология в то время еще не была скоординирована.

Как уже было отмечено выше, непременным условием христианской историографии было преследование христиан и мученичество, к которому оно якобы приводило. В 1637 году некий чеканщик монет, желая подкрепить традиционные обвинения Диоклетиана в жестокостях против христиан, выпустил прекрасно сделанные римские монеты с надписью CHRISTIANORUM SUPER-STITIONE DELETA (Христианское суеверие было разрушено). Даже известные ученые не сразу распознали подделку: ведь она подтверждала привычные, навязанные католической церковью представления о преследованиях христиан в эпоху Диоклетиана (абсолютная точка отсчета христианского историописания).

Одна из самых популярных фигур в Валенсии и в католическом мире – святой Лоренцо. Даже Неаполь и Рим оспаривают друг у друга честь считаться городом, в чьих стенах он появился на свет в 226 году от Рождества Христова. Его родители были, вероятно, выходцами из Уэски (Испания); при императоре Диоклетиане они бежали от преследования христиан (которое должно было начаться лишь через 58 лет в малоазийском провинциальном городе

Тарсусе) в Валенсию, – как писал святой Донатус, изобретенный известным Лоренцо Маттеу на основе информации своего друга Хуана Баутисты Баллестера в 1672 году. Легенда встретила восторженный прием, и болландистам⁴⁴, ответственным за приведение в порядок Жития святых, оставалось подобрать святому город (по принципу: кто заплатит за эту честь наибольшую цену). Иоганн Пиний, которому было поручено решить этот вопрос, остановился на Сарагосе. Правда, перед этим, после исключения Уэски и Валенсии из числа кандидатов из-за их финансовых трудностей, как относящиеся к узкому кругу городов-кандидатов рассматривались также Кордоба и Капуа. Началось печатание монет и медалей, подделка надписей и рукописей, многие из которых, возможно, и по сей день украшают европейские музеи. Многие из этих подделок неоднократно разоблачались, но вскрыть весь размах операции по фальсификации никому не удалось. На возраст монет, кстати, косвенно указывают писания якобы позднеантичного автора Донатуса, в которых можно уловить отголоски споров на эту тему: следовательно, они были окончены не ранее 1673 года.

Существовавший только в воображении вожделенный кубок победителя, о котором шла речь в случае дорогостоящего конкурса на право называться местом рождения святого Лоренцо, был связан с другой, на сей раз физически представленной реликвией: с золотым бокалом, которым Иисус якобы черпал вино на Тайной Вечере.

В лучшем обществе

Еще один поддельщик, на которого указывает Агустин Салес в письме к Майянсу от 19 июля 1741 года, – Губерт Гольциус. Согласно этому письму он – «Как и Гардуэн» – изготовил многочисленные монеты и медали для испанских городов. Этот первый профессиональный археолог Нового времени и почетный гражданин Рима (1566) происходил из известной голландской семьи художников (р. 1526, Вюртцбург – ум. 1583, Брюссель). Славу ему принесли исторические труды (прежде всего, трактаты «От Цезаря до Карла V» и «Памятники греко-римской старины», Антверпен, 1645), а также каталоги монет.

Салес подчеркивает, что солидные должности, безупречный образ жизни, известность и авторитет (каковыми обладал, например, и Дон Лоренцо, выдумавший в 1672-1673 годах святого Донатуса) таких личностей, как Игуэра и Гольциус, не помешали им фальсифицировать историю (Майянс, с. 703)⁴⁵. Я готов высказаться решительнее: подлог стал возможен именно благодаря их престижу и высокому положению. Вряд ли подобное удалось осуществить кому-нибудь другому. Разумеется, сами по себе должности и авторитет не являются основанием для обвинений; эти обстоятельства можно рассматривать как косвенное основание для подозрения.

Николас Антонио упоминает также известного Луку Гольстениуса, родившегося в 1596 году в Гамбурге. 22 лет от роду он едет учиться в Италию и на Сицилию. Вернувшись и впад в нужду, Гольстениус решает посетить Лондон и Оксфорд (1622), а в 1624 году переезжает в Париж, где и переходит в католическую веру. В 1627 году кардинал Барберини берет его с собой в Рим, и некоторое время спустя его избирают кардиналом и назначают на должность заведующего библиотекой Ватикана. Эта работа стала его основной жизненной задачей. На этом посту он остается до самой смерти (1661). В церковных кругах он пользуется непререкаемым авторитетом как ученый (обладавший коллекцией книг и рукописей огромной

⁴⁴ См. последнюю главу книги.

⁴⁵ Иного пути, кроме как придумывать виртуальное прошлое, у большинства историков того времени просто не существовало: слишком мало было реальных исторических документов, слишком недавно начался интерес к истории и процесс фиксации событий. Если общество (или его определенные слои) формулировали общественный заказ на описание прошлого, о котором не было никаких сведений, и, более того, задавало основные параметры этого прошлого, заранее превращая его в виртуальное, то поставленную задачу могли решить только авторы исторических романов и сказок, каким бы жанром (летопись, хроника, хронологические таблицы, древние «документы», исторические обзоры и т. п.) они ни пользовались.

ценности) и ревностный католик, обративший в католицизм нескольких князей. По заданию Монте Кассино он написал историю мучениц Перпетуа и Фелиситы, «Страдания Бонифатия» и многое другое. Большой известностью пользовалось его жизнеописание Пифагора (1630, Рим), а также изданные им тексты классических и церковных авторов. В печатное собрание его сочинений вошли также 114 писем.

В письме к Хуану Лукасу Кортесу от 5 сентября 1663 года Николас Антонио упоминает Гольстениуса: «Однако собрание документов Всеафриканских соборов, которыми он (Гольстениус) нас пугал (sic!), имеет совершенно непригодный для печати вид, хотя кардинал Барберини прилагает все мыслимые усилия, чтобы извлечь из его писаний любую возможную пользу» (Майянс, с. 646). Иронический тон Антонио, занимавшегося разоблачением подделок, позволяет предположить, каково его собственное отношение к этим «Всеафриканским соборам». Бросается в глаза то шитое толстыми нитками обстоятельство, что многие отцы церкви и Вселенские соборы были их изобретателями «переселены» в Северную Африку. Риск разоблачения в этом случае сводился к минимуму: после «нашествия „сарацинов"» можно было спокойно утверждать, что все письменные свидетельства существования ранней церкви были, разумеется, уничтожены. Проверить на практике, как обстоят дела в находящейся под османским суверенитетом Северной Африке не представлялось возможным.

Получатель этого письма Хуан Лукас Кортес передал Антонио очень показательное письмо знатока арабского Хуана Дурана де Торрес (датировано 26 мая 1660 года; Майянс, с. 671). Арабист этот сразу после вежливого приветствия пишет Антонио: «Удивляет меня то обстоятельство, что вы ни словом не упомянули в нашей переписке монсиньора Гольстениуса, каковой, по моему разумению, есть первый в этой научной школе». Антонио знал, чем занимался «первый в научной школе», и не хотел лгать. (Гельцер, как я покажу впоследствии, тоже был убежден, что никакой рукописи у Гольстениуса не было.)

Как фальшивки Майянс отмечает также следующие тексты: «Хронику» Педро Сезараугустано (также из Сарагосы), знаменитую раннюю церковную историю Испании «Самая ранняя Испания», многочисленные письма епископов и пап и даже арабский текст «историографа Разиса», которого, в отличие от известного врача Разиса, никогда не существовало в действительности. В «Разиса» поверил даже Антонио, который дважды цитирует его на страницах своей разоблачительной книги. Мы, однако, никак не можем принять за историческое лицо этого вымышленного араба, чье сочинение изобилует анахронизмами (иногда он «промахивается» на целое столетие). В наши дни церковь, которая за два столетия до Антонио выдумала этого арабского историка, сама перестала считать его достоверным и «вырезала из большого исторического пирога».

Чтобы доказать христианское присутствие в Испании, деятели клира высасывали из пальца множество исламских и даже иудейских авторов, благо на церковь работали первоклассные арабисты и гебраисты. Они и писали нужные заказчикам подделки, как об этом повествует Майянс. Правда, когда меняется догма, некоторые сочинения становятся опасными; в этом случае они разоблачаются как поддельные. Это и делает Майянс, освобождая церковь от авторов, которые стали опаснее, чем признание поддельности их произведений. Свою главную задачу – доказать присутствие католической церкви в доисламской Испании, они в любом случае выполнили: тезис этот прочно укрепился в нашем сознании, пусть даже отдельные авторы, его поддерживающие, впали в немилость.

Майянс, однако, защищает «позднеантичный» текст о побережье Испании, приписываемый Руфусу Фестусу Авиено (создание ученых гуманистов); он только корректирует его в тех местах, где приводятся сведения о Толедо. Хотя они издавна считаются достоверными, но из-за того, что Толедо трудно отнести к разряду прибрежных городов, Майянс выкидывает их из своей редакции.

В ходе этого критического рассмотрения старого наследия Майянс двигает туда и сюда святых и епископов и все другое, что поддается такой корректировке. Вообще же, Майянс не решается покушаться на основы: занимаясь частными случаями подделок, он признает тем не менее истинной догматическую установку церкви. Сантьяго для него – первый епископ Испании, а Исидор Севильский – отпрыск знатного готского семейства. Оба эти положения в наши дни уже не считаются верными.

Уже Антонио сомневался в том, что такой важный источник, как сочинения Бероза, был собран и дополнен в 698 году в Толедо неким Юлианом Лукасом; шеститомную Книгу мучеников своего противника Хуана Тамайо он считает полностью вымышленной. «Нужно вычеркнуть все упоминания о святой мученице Марте, чествуемой 20 сентября, ибо она не была ни святой, ни мученицей, но грешницей и иудейкой», – пишет Антонио в своем развернутом именном индексе⁴⁶. Даже великий Болланд изобретал фальшивых святых! Антонио не мог этого не знать: они состояли в переписке.

Работы святого Дионисия Ареопагита, приписанные ему якобы на «Константинопольской конференции 532 года», были подделаны Аполлинарием. Так считает Антонио, не подчеркивая, что этой фальшивкой лишней раз пытались обосновать историчность самой конференции. После этого разоблачения, по мнению Антонио, становится необходимым изъять некоторые места в текстах отцов церкви, например, Оригена и Дамаскина. Больше всего изумляет уже даже не сам факт подлога, но беззастенчивость, с которой этими подлогами занимались.

И все-таки странно, что прошло так много времени, прежде чем вскрылась вопиющая ложь Игуэры и его фальшивка стала кандидатом на исключение из списка источников. А что было бы, если бы эрудит Антонио – считавший поначалу, что речь идет только лишь об изменениях в оригинале, – не засел за свой фундаментальный труд (трактат на 750 страницах в два столбца форматом ин-октаво), вышедший из печати почти через сто лет после времени написания. Кстати, не обошлось здесь и без «вражеского финансирования». Посвящение королю Португалии Жоао V позволяет предположить, кем была заказана и оплачена работа, без которой мы бы и понятия не имели о многих подделках.

В те времена (как, впрочем, и сейчас) Португалия опережала Испанию в стремлении к поиску истины. Через 17 лет после выхода разоблачительной книги Майянса в Коимбре была издана «История церкви» Томаса де Энкарнасао (1759), содержащая полный список всех известных к тому времени фальшивок (т. I, с. 73). Но ученые следующих поколений редко вспоминали об этом списке.

Чтобы показать, что и мы в наш просвещенный век не намного опередили забывчивых ученых, я скажу несколько слов об уже не раз упоминавшемся Берозе. Бероз (или Беросс) был жрецом храма божества Бэла в Вавилоне. Сирийскому царю Антиоху, «Освободителю» (280-261 гг. до н. э.), он посвятил исторический трактат, написанный на древнегреческом языке, в котором, опираясь на жреческие хроники из собственного храма, описал историю страны с незапамятных времен до эпохи Дария Великого. Как всегда, настораживает проблема сохранности и передачи оригинала: три книги считаются утраченными, и представление о тексте нам дают лишь скудные цитаты у Иосифа Флавия, Евсевия, Витрувия и, возможно, у Сенеки и Плиния. С такой формой сохранения оригинала мы с вами достаточно сталкивались на предыдущих страницах.

Современники Конрада Цельтиса уже протестовали против этой лжи, нагроможденной вокруг Бероза; испанец Антонио, хотя и очень осторожно, высказывался в том же смысле. Зато сегодня мы считаем Бероза историческим лицом и доверчиво цитируем его как «исторический источник». Для меня Бероз – типичное синкретическое творение, призванное связать Вавилон с Элладой. Десять языческих царей соответствуют десяти иудейским патриархам, Ксисутрос соответствует Ною. Таким образом, создается унифицированная сага, претендующая на историческое признание. К десяти «допотопным» царям Бероз приписывает еще целых 432 000 лет. Гельцер без стеснения называет все это «баснями и вздором» (II, с. 26). Юлиан Африканский считает сочинения Бероза (как, впрочем, и Манефона, оперировавшего чуть меньшими числами) не имеющими никакой исторической ценности. Он тоже не видел оригинала. Синкеллос произвольно изменял фрагменты из Бероза (II, с. 203).

Метод всегда один и тот же: из невнятных отрывков неясного происхождения создается текст; впоследствии для доказательности выстраивается соответствующая параллельная конструкция.

⁴⁶ После завоевания всей Испании католикам осталось только перенять и видоизменить этот культ, подогнать к нему соответствующие легенды, что и было сделано.

«Первая церковь» в Испании

Хороший пример португальской учености – патер Мигел де Оливейра. Он написал книгу о случаях фальсификации и формировании культа святых в Португалии (1964). 2-й Ватиканский собор (1963) призвал всех католиков еще раз исследовать историческую подоплеку древних легенд и выявить имена святых, существование которых исторически недоказуемо. Например, святые, о которых не известно ничего, кроме их имени, являются с большой степенью вероятности вымышленными. Призыв к поиску истины всколыхнул целую волну критических исследований, из которых мы узнали много нового о церковных манипуляциях с историографией.

Вот сравнительно длинный отрывок из работы патера Оливейры, содержащей осторожную, но недвусмысленную критику участия церкви в формировании распространенных устоявшихся заблуждений (книга, между прочим, вышла с высочайшего церковного разрешения): «Зарождение христианства на Пиренейском полуострове, начавшееся по официальной точке зрения уже в I–II веках, не находит подтверждения в трудах древних церковных писателей. Хотя, казалось бы, именно они должны были обладать наибольшим количеством документов этой эпохи. О христианизации полуострова и появлении первых христианских общин не упоминают ни римские историографы (Павел Орозий, Гидаций), ни историки вестготского периода (Иоанн Бикларский, святой Исидор Севильский).

Их молчание разительным образом контрастирует с изобилием подробных сведений, распространенных позднее и опирающихся не на какие-то найденные, дотоле неизвестные древние документы, но по традиции восходящих якобы еще к апостольским временам. Церкви, выигрывавшие в наибольшей мере от этого позднего расцвета, ответственны и за распространение всех этих сказок.

Таким образом, нам было навязано не имеющее реальной основы представление об общеиспанской ранней церкви, связанной со славными деяниями других ранних церквей, и укорененное в универсальной церковной истории. Долгое время никто не отваживался подвергнуть сомнению истинность традиции, существующей столетия и освященной текстами богослужений. Не решаясь классифицировать историю ранней испанской церкви как легендарную, многие ученые, пытаясь придать ей правдоподобие, прибегали к несостоятельным аргументам вроде того, что тяжелые времена и людская небрежность повинны в утрате бесценных доказательных документов.

Исторической критике до сих пор не удалось изгнать этот дух. Несмотря на то что эта тенденция не изжита, наука все же намного продвинулась вперед, и теперь уже можно с определенностью судить о том, какая эпоха „ответственна“ за формирование подобных ложных представлений», когда все это началось.

В качестве вопиющего примера Оливейра приводит путешествие апостола Павла в Испанию. В «Послании к римлянам» в феврале 58 года он говорит о намерении посетить Испанию (XV, 24 и 28). Святой Клементий (официально считающийся одним из первых пап) в письме от 96 года говорит об этом путешествии, как о состоявшемся факте; так же написано в «Канон Muratorius» («около 200 года»; оба документа – поздняя фальсификация, как я показываю в другом месте). К Павлу не восходит ни одна испанская церковь. В противоречивом самом по себе упоминании о двух якобы обращенных им сестрах отсутствует указание места действия. Возможно, оно происходит из X века (см. Флорес, «Священная Испания», III, 1). В эпоху вестготов с ее якобы разветвленной церковной структурой, когда должны были писаться бесчисленные хроники и созываться Соборы, о путешествии Павла в Испанию никто ничего не знал.

Только в исламские времена всплывают первые имена миссионеров, несших благую весть из Рима в языческую Испанию, так называемых «апостольских мужей». В их числе столь важный «гот» VII столетия, как Индалеций. Согласно лионской Книге мучеников, апостолы Петр и Павел благословили семерых епископов («апостольских мужей») и отправили их обращать Испанию в христианство. Наивные описания свершенных ими чудес способны растрогать и камень, и все же в церковных кругах они считаются «старейшими и вернейшими

источниками» об «апостольских мужах». Даже в уважаемой всеми современными учеными «Истории Испании» Менендеса Пидаля (II, 450) эта информация названа «надежно проверенной» и «исходящей из эпохи описываемых событий, хотя и подтвержденной только в позднейших документах», датированных V веком. Следующее упоминание относится уже к X веку, который Оливейра и считает самым древним возможным временем создания легенды. «Семь мучеников» чествуются 1 мая, что противоречит церковным обычаям, потому что семь епископов возглавляли в Испании семь далеко отстоявших друг от друга общин, и каждому из них был положен собственный праздничный день. (Могу добавить, что культ «семи мужей» до XVI века присутствовал в синкретической религии берберов и, возможно, после 1000 года вместе с исламизацией проник на территорию Испании⁴⁷.)

Следовательно, и легенда об апостоле Сантьяго не могла появиться раньше указанного времени. Ведь в противном случае отпала бы необходимость конструировать легенду о христианизации Испании апостольскими посланниками и учениками.

Правда, святой Беатус, аббат монастыря Лиебана в Астурии, в предисловии к комментариям к «Откровению Иоанна Богослова» (785) и «отправляет» апостола Иакова в путешествие по Испании. Этот Беатус («счастливый») писал, однако, на 200 лет позже, о чем я расскажу в главке «Искусство» (гл. 8, последний раздел). И все более ранние упоминания об Иакове в Испании (у Исидора или Юлиана Толедского) суть позднейшие фальсификации, – заключает Оливейра.

Итак, патер Мигел де Оливейра добавляет к длинному перечню фальсифицированных хроник (с. 118), известному уже к середине XVIII века, целую кипу новых подделок, вызывая у читателя чувство, что никаких – в буквальном смысле слова – событий первого тысячелетия христианской эры на самом деле не происходило.

Фальшивые надгробия?

Во время моих многочисленных поездок на Пиренейский полуостров я обстоятельно исследовал средневековые камни, являющиеся, наряду с многочисленными копиями утраченных рукописей, единственными свидетелями христианской Испании до Реконквисты. Текст, вырубленный на камне, устойчив к разрушительному действию времени и вполне доказателен, тем более если камень стоит на могиле: кому придет в голову подделывать надгробную надпись скромной христианки, служительницы Божьей, усопшей в VII или VIII веке?

Но вот надгробие знаменитого полководца Белизара, например, иначе, чем подделкой, мы считать не можем: четкая надпись, красивые буквы, а даты не проставлены. Разве не подозрительно? К сожалению, лакуны на месте дат (для последующего заполнения) встречаются на пиренейских надгробиях очень часто, как, впрочем, и другие несуразицы: кресты и буквы чужеродного стиля; имена святых и мучеников, прославление которых началось в более позднем времени; даты панихид, приходящихся на субботы. Иногда вызывает подозрение место находки надгробия. В общем, огромное количество надгробий и надписей с посвящениями, встречающихся в церквях, специалисты бывают вынуждены отнести к фальсификатам. И если бы Эмиль Хюбнер (1871) и его последователи отнесли к вопросу со всей объективностью, вряд ли они посчитали бы подлинными хоть какие-нибудь из найденных ими «ранних» камней (рис. 5-9; 12-14).

У меня, во всяком случае – после тщательного взвешивания всей информации, сложилось впечатление, что в Испании с ее несметным количеством поддельных рукописей, особенно с

⁴⁷ Который в большой мере читается как черный список исторических фальсификаторов. Интересно, что большинство историков не хочет ничего знать о подобных черных списках, внушив себе спасительную идею о том, что фальсификация в истории – явление частное, интересное только для специалистов в этой узкой области. У нас, мол, как и в полиции, есть небольшой криминологический отдел, но большинство историков (как и полицейских) занято рутинной работой и о работе коллег-криминологов узнают только изредка из передач по телевидению.

горами выдуманных постановлений Соборов, особое значение придавалось фальсификации «каменной» истории, ее созданию. И это было абсолютно необходимой операцией: ведь нужно было как-то оправдать отвоевание у сарацин большей части полуострова.

На самом деле от постепенной христианизации Северной Испании XI и XII веков остались в лучшем случае лишь редкие следы «арианской ереси»⁴⁸. И по сей день в алтарях и на колоннах ранних астурийских церквей можно разглядеть языческие символы. Тронные залы готских королей, призванные доказать древний возраст католического христианства и законные основания для возвращения бывших византийских и римских провинций, пристраивались к церквям позже. И сама Реконкиста началась одновременно с Крестовыми походами на Восток (конец XI века), а не в 720 году, как в том пытается уверить нас церковь со своим героическим Пелайо⁴⁹.

О чем свидетельствуют многие сотни поддельных каменных надписей? О том, что фальсификация была вызвана крайней необходимостью.

Единственная христианская церковь в Андалусии незадолго до смерти (927) была якобы выстроена в Бобастро арабом Омаром Бен Хафсуном. Ее ровесницей считается вестготская церковь «Санта Мария де Мелке» у Толедо, при этом допускается, что она была построена еще раньше в рамках т. н. мистической астурийской миссии⁵⁰. Все прочие якобы христианские церкви Бетики и Лузитании, т. е. всего Запада Иберийского полуострова, либо вымышлены, либо, с точки зрения католичества, христианскими не являлись.

Священные надписи – как, например, ретушированная надпись в Медине Сидонии – тоже оказываются фальшивками.

Готские монеты

Христианское господство подтверждали не только камнями и пергаментом, но и золотом. Множество монет с именами готских и свебских королей, внедренных в историю «Хроникой» Исидора, без труда распознаются как элегантно выполненные подделки. Первые монеты появляются в позднем Возрождении (1593) и объявляются фальсификатом лишь в 1835. Находок становится все больше; их исследуют лучшие историки и, часто принимая фальшивку за подлинник, выдвигают гипотезы, которые со временем настолько приживаются, что опровергнуть их, не разрушив выстроенной на них системы представлений, оказывается не так уж и просто. Не утомляя читателя подробностями, достаточно привести всего один вопиющий пример качества подделок: на монетах короля Хиндасвинта это имя отчеканено в 21 варианте (Хайсс, 1872) (*рис. 10*).

Ученые считают, что подделки создавались с намерением заверить подлинность текстов Исидора и прочих хронистов (Бельтран, 1972). Фальшивые готские монеты украшают лучшие мировые собрания; более того, за явные фальсификаты на аукционах дают цену, соизмеримую с

⁴⁸ Боюсь, что и для оной еще рановато. В это время в Северной Испании и в Южной Франции еще только начинался процесс накопления богатств в монастырских братствах, предшествовавший начаткам феодальных отношений. Ни о какой единой для всей Северной Испании церкви, еретической или канонической, еще не могло быть и речи. В лучшем случае это время первоначального распространения монотеистической идеи но всем многообразии ее локальных вариантах. Скорее же всего – это эпоха дохристианского расцвета язычества.

⁴⁹ Начало «Реконкисты» мне видится скорее в XIV или XV веке, а военные операции на Ближнем Востоке, послужившие сюжетной завязкой для сказок про т. н. крестовые походы, и того позже: в конце XV и в XVI веке. К последнему выводу приходит и швейцарский историк и филолог Христоф Пфистер в своей книге «Матрица древней истории», изданной во Оренбурге (Швейцария) в 2002 году.

⁵⁰ Обе эти церкви следует отнести к хронологическим христианским мифам. Сама астурийская миссия (якобы сохранившийся в Астурии после арабского завоевания Иберийского полуострова островок раннего христианства) представляется мифом, выдуманным в XV веке при испанском завоевании мусульманских княжеств на Юге Иберии. Если бы мусульмане завоевывали христианскую Испанию, то при их известном толерантном отношении к христианству церкви сохранились бы по всей Испании и никакие локальные миссии не были бы нужны,

ценой подлинных экземпляров. А существуют ли подлинные вестготские монеты? Это представляется в плане приводимых ниже сведений маловероятным.

Археология крайне редко поставляет информацию о находках готских монет. Обстоятельства находок часто весьма загадочны. Так, например, в случае с кладом в Ла Капилье (Севиля, 1891), где вроде бы были найдены 904 золотых монеты. Подтверждены были лишь 250; к 1952 году стали известны лишь 68. (Барраль приводит изображения всего 43 монет, причем к выводу о принадлежности некоторых из них к этому кладу он пришел совсем недавно при помощи определенных косвенных улик. «Тогда же 95 золотых монет рабочие якобы бросили в реку или уничтожили», – пишет он.) Лафорье считает, что проблема готских монет ни в коем случае не может считаться решенной, хотя по найденным в Севилье (1972) подделкам византийских золотых монет можно судить о том, что, по меньшей мере, отдельные монеты готской эпохи могут рассматриваться как подлинные (так же считает Кабре, исследовавший находку в Зорите, 1946).

Ученые задают вопрос, какую функцию могли выполнять столь ценные монеты в повседневной жизни готов (Барраль, с. 74 и 164). Одной золотой монеты было бы достаточно, чтобы купить надел земли или виллу, но именно эти вещи в ленном государстве готов не подлежали купле-продаже. Серебряные монеты не чеканились; медные были практически неизвестны. Очень странно.

Широкое распространение (в Центральной Европе вплоть до Польши) готский тип монеты получает только с монетным суверенитетом астурийских королей (Альфонсо V, XI век). С этого момента и можно говорить о действительной истории⁵¹.

В целом же создается впечатление, что нигде Широкомасштабная Операция не была так тонко спланирована, не проводилась с такой тщательностью и не принесла столь удивительных плодов, как в Испании. Однако, кроме Олагуэ, никто из современных историков не заметил этого обстоятельства⁵².

Глава 6. ОТЦЫ НАШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Юлиан Африканский

«Юлиан Африканский – одно из славнейших имен ранней Церкви», – так Генрих Гельцер начинает свой объемный труд об этом человеке (1880-1898, с. 1; «благодаря своему историческому трактату он заслужил право называться „отцом" христианского летописания». Первый христианский историк – время написания хроники относят к 212-221 гг., – «главный представитель нового научного направления в Церкви, разительно отличающегося от наивного простодушия послеапостольских Отцов».

Скалигер, исследовав вопрос об авторстве *Kestoi* («Узоров») и «Летописания», пришел к выводу, что они принадлежат разным людям: соответственно Сексту Африканскому и Юлию Африканскому. Гельцер убежден в обратном. Он считает, что речь идет о Сексте Юлии Африканском из латиноязычной Африки, прекрасно владеющим греческим (на котором он и писал свои труды), еврейским и, возможно, сирийским. У Евсевия есть отрывок, отсутствующий у Иеронима и Руфина, где Юлий Африканский назван автором «Узоров». Анри Валуа, единомышленник Скалигера в этом вопросе, считает это место фальсифицированным. Причина вполне понятна.

Гельцер не видит противоречия в объединении язычника Секста и христианина Юлия (оба

⁵¹ Точнее, о предыстории, ибо находки монет в Польше сами по себе еще недостаточны для восстановления картины прошлого того времени, да еще и в отдаленной немало Испании.

⁵² Или не пожелал заметить. О личности Олагуэ см. начало главы 11. Его основной исторический труд, к сожалению, не переведен на основные европейские языки. На вебстранице www.jesus1053.com выставлен испанский текст его книги.

прозываются Африканцами) в одну персону: их тексты он считает подлинными. По моему мнению, здесь наглядно проявилась несогласованность действий фальсификаторов, введших в историю имена, за которыми не стояли реальные лица.

Совпадение прозваний (Африканец) стало впоследствии причиной появления некоего сконструированного автора, тексты которого содержанием и стилем разительно отличаются друг от друга. Подобным же образом были «слеплены» двое Иаковов и даже трое Иоаннов: Евангелист, автор Посланий и автор «Откровения». Их «разделение» – весьма медлительный и трудоемкий процесс, нередко встречающий сопротивление ученых.

Гельцер, разумеется, не так прост, чтобы безоговорочно верить всем текстам, приписываемым Африканцу. Опус о первых мучениках, уже в заглавии названный «истинным и превосходным», кажется ему подозрительным. «То же относится и к халтуре, сострепанной Игнацием из Хардта из двух мюнхенских рукописей и изданной в 1804 году. Самым забавным в этом фарсовом сочинении является полное смешение христианского с языческим: Всевышний превращается в Солнце-Зевса, Великого Бога и Царя Иисуса, а Мария – в Геру и царицу небесную Уранию. Насмешка язычников над новой Кибелой, на что сетовал Исидор из Пелузиума, становится на этом фоне особенно хорошо понятной. Со всей грубостью осуществляемое продвижение культа Богоматери уже само по себе есть признак более поздней эпохи» (с. 19).

Верно, господин Гельцер. Исходя из содержания текстов, вы тут же распознали подделку. А как обстоит дело с рукописями? Разве по этим пергаментам нельзя было определить время их создания?

В «Летописании» Юлиана Африканского шесть вселенских эпох (дней) делятся по 1000 лет каждый: конструкция, тенденциозно отражающая ожидание конца света, каковое – как и возникновение культа Богоматери – возникает в гораздо более позднее время, начиная с середины XIII века. К середине шестого тысячелетия отнесен праотец Фалек (с. 24), «во дни которого Земля была разделена» (Бытие). «Спасение» придет через 5500 лет после Адама, и после еще пятисот лет ожидания начнется Страшный суд. Такое положение должно удостоверить Юлиана Африканского как автора, жившего и творившего не позднее 500 года.

Мир тем не менее устоял, и после того как сто лет спустя Евстафий Антиохийский добавил еще одно Тысячелетнее царство в качестве субботы, завершив таким образом неделю хронологических эпох, – богословы якобы заключили, что эсхатологические ожидания могут отодвинуться на неопределенное время. На самом деле, это соответствует духовным настроениям, возникшим лишь после 1260 года, когда не состоялся предсказанный Иоахимом Флорским конец света.

«Прокопий, впрочем, (еще) ничего не знает о 500 годах ожидания и Тысячелетнем царстве», – говорит Гельцер. Он и не может знать: старейшие рукописи Прокопия относятся к XIV веку, когда подобное представление о времени потеряло актуальность.

Итак, временные рамки написания работ нашего Африканца очерчены: наверняка после 1000 года и предположительно после Евсевия, жившего по общепринятой версии через 100 лет после Юлиана Африканского. Далее я докажу, что тексты Евсевия не могли быть написаны ранее эпохи Хоенштауфенов⁵³.

Сохранившиеся рукописи со списками названий населенных пунктов, как мы увидим, не могли быть написаны ранее 1450 года. Но я далек от мысли разлагать «сконструированных» и не без умысла объединенных отцов церкви на персональные составляющие и снабжать отдельных лиц ярлыками с указанием даты и авторства, иначе мне пришлось бы продолжить эту игру в отодвинутую на тысячу лет эпоху.

Существуют ли письменные свидетельства, удостоверяющие раннего Африканца?

Задавшись этим вопросом, гениальный филолог Гельцер в приложении к своей работе (1898) предположил, что сирийский список с текста Юлиана Африканского мог послужить

⁵³ Они же Гогенштауфены или просто Штауфены – германские правители якобы XII–XIII веков, поставившие императоров для ранней Священной Римской империи. С точки зрения критики историографии сведения о них крайне малодостоверны.

образцом для «Хроники» Михаила Мара (патриарх Антиохии с 1166 по 1199 годы), а это означало бы, что моя датировка эпохой Штауфенов неверна. Однако сирийский текст видели всего один раз, для Гельцера рукопись была недоступна, и вопрос о существовании оригинала он оставляет открытым. По армянскому летоисчислению рукопись должна была датироваться 722 годом (1273 годом н. э., то есть все-таки позже критического 1260 года).

Гельцеру известно два армянских перевода, или, как он сам говорит, «обработки» (2 часть, с. 432). Вот отрывок из вступления к главе об армянских текстах (с. 466): «Хронология древнейших армянских историков (например, Стефана Асолика и Самуила Анийского) полностью основывается на переводах „Хроник“ Евсевия. Самостоятельные разработки армянских историографов не заслуживают особого внимания. Старые летописцы находятся в абсолютной зависимости от Евсевия. Появившийся перевод патриарха Михаила сирийской хроники на армянский составил целую эпоху. Он настолько отвечал потребностям того времени, что позднейшие историки (Вардан Великий и Мхитар Айриванеци) с энтузиазмом принялись его переписывать».

Вардан умер в 1271 году, а Мхитар писал после 1289 года (в обоих случаях – позже критического 1260).

Гельцер не занимается историей рукописи, он скрупулезно исследовал ее содержание. Вот, вкратце, результаты анализа основных черт этой необычной историографии:

Юлиан Африканский решительно отмечает древнюю хронологию египтян и ассирийцев, так как, по его мнению, до Моисея ничего заслуживающего упоминания в истории не происходило. Тем самым он сознательно определяет характер своего произведения. «Летописание египтян и их хронологическое хвостовство и попытки приписать к своей истории бесчисленные мириады лет и астрономические циклы он начисто отрицает вместе со „смехотворной халдейской болтовней“. Не менее остро он высмеивает всех тех, кто пытается интерпретировать жуткое количество лет как количество месяцев и таким образом приблизиться к разумной предыстории. Для древней Египетской истории у Юлиана Африканского не было иного пути, как полное ее отбрасывание» (1 часть, с. 165) ⁵⁴.

А кто вообще-то пустил в обращение эти мириады лет? Манефон, писавший по-гречески кастовый жрец фиванского храма III в. до н. э. Его список династий сохранился лишь в отрывках, которые 700 лет спустя привел Евсевий, а после него цитировал Синкеллос («VIII век»), сомнительный интерпретатор текстов Евсевия. Эти сведения можно найти в энциклопедиях. Итак, все очень просто: в позднейшей рукописи утверждается, что Евсевий (IV век) ссылался на некоего Манефо, о котором мы ничего не знаем. А Юлиан Африканский (III век) опровергает содержащийся там вздор, так как он перестает соответствовать новой установке церкви. Следовательно, Юлиан Африканский писал после Евсевия (соответственно, и Синкеллоса). К этому выводу я уже пришел выше, исходя из других аргументов.

Гельцер доказывает, что Синкеллос (помощник епископа) есть плод сотворчества двух людей. О главном из них, Георгии, писавшем труды Евсевия, («808») почти ничего не известно. Сохранившийся текст дошел до нас в передаче «друга и продолжателя его дела» Феофана, умершего в 817 году в изгнании. В них речь идет о преследовании христиан мусульманами и об иконоборчестве. Эти специальные проблемы я не хотел бы на этом месте рассматривать. Отмечу лишь, что теперь становится ясным, о чем идет речь: о противостоянии исламу. А оно началось лишь в эпоху крестовых походов ⁵⁵.

Итак, мы приближаемся к реальной дате, ведь оригиналы текстов Феофана не сохранились. Помимо несуразных рукописей «X века», сохранился полный текст XVI века,

⁵⁴ И в этом он, скорее всего, был прав. Придуманная в XIX веке древняя история Египта во многом опиралась на эту отвергнутую Юлианом Африканским неверную модель египетского прошлого с ее многочисленными тысячелетиями. В какой бы разной мере ее ни сокращали критики (Великовский на 550 лет, Хейнсон и Иллиг на тысячелетие с лишним или Носовский и Фоменко на многие тысячелетия), ясно одно: хронология египетской истории абсолютно фантастична.

⁵⁵ Об их датировке см. прим. 49.

который – как мне кажется – и следует рассматривать как первоисточник.

Гельцер снова и снова устанавливает, что в библейской истории (по Юлиану Африканскому, Евсевию и т. д.) не связанные друг с другом временные периоды (от всемирного потопа до Вавилонской башни, от исхода из Египта до строительства Храма и др.) в хронологическом смысле снабжены лишь суммарным числом лет. Эти суммарные числа, не имея ни малейшей привязки к реальности, исполнены символического смысла и часто равны между собой (например, 490 лет – 7 раз по семь десятилетий). Лишь написанные позднее тексты заполняют временное пространство подробностями, которые соотносятся датировкам, долженствующим иметь символический характер. В случае таких деталей принято давать в разных текстах хронологические данные, слегка отличающиеся друг от друга. Таким путем имитируется – хотя бы приблизительная – достоверность информации.

Традиции и способы снятия этих малых расхождений, улучшения датировок и сведения на нет более существенных хронологических расхождений одинаковы и у византийских летописцев, и у современников Гельцера. Временные лакуны заполняются именами вымышленных – часто анонимных – царей («мирное время»), либо именуется эпохой «анархии» (безвластия), либо, если даты накладываются друг на друга, объявляют это «сорегентством», когда цари правят совместно, как в случае с Давидом и Соломоном. Такого рода попытки упорядочения хронологии приводят иногда к неожиданным результатам: так, в 12 лет Соломон становится царем Иерусалима, на 13-м году жизни начинает и в 20 – заканчивает строительство Храма. Или появляются вдруг точные даты жизни персидских царей, призванные заполнить уже заранее фиксированные 70 лет вавилонского пленения иудеев.

Не менее свободно обращение с датами, почерпнутыми в армянских источниках: все они насчитывают от Адама до Христа 5198 лет, однако датировки промежуточных событий (всемирного потопа, времени Авраама, Исхода) сильно разнятся между собой. Это подтверждает то, что мы и так уже знаем, и отнимает последнюю надежду удостовериться подлинность «отцов церкви» путем анализа иноязычных текстов (сирийских, коптских или армянских).

При чтении работы Гельцера открываются вещи, представляющие в невыгодном свете механизм историографии XIX века. Вот, например, заходит речь о древней рукописи, которую якобы видел знаменитый Гольстениус (см. пред. гл. об Испании). Гельцер доказывает невозможность существования подобной рукописи, с помощью которой Гольстениус удостоверяет подлинность на несколько поколений ранних «Пасхальных хроник». Однако, вместо того чтобы громогласно заявить о подлоге, Гельцер заключает: «Я не решусь подвергнуть сомнению правдивость Гольстениуса до такой степени, чтобы полностью отрицать существование рукописи аббата Фарина». Все дело, оказывается, в «заблуждении ученого мужа» (2 часть, с. 141).

Более чем странный, и вместе с тем характерный и интерпретируемый вывод: «хроники» и другие исторические рукописи создавались и придумывались еще и в XVI веке. Несметное количество выводов из этих выдуманных источников незаметно проникло в нашу историческую картину. Так и росли грандиозные исторические сооружения: «Византия» и «Римская церковь». В эпоху Ренессанса писатели очень мало знали о своей предыстории. Тогда «Широкомасштабная Операция» только еще начиналась, а продолжается она и по сей день. За это время она приобрела самостоятельность, собственный внутренний импульс и давно проходит без вмешательства духовенства; ее поддерживают даже многие противники церкви. Возможно, впрочем, что так было уже во времена гуманистов, потому что именно отсутствие единого руководства сказалось на хаотичности данных, содержащихся в исторических трудах (что характерно для всей «Операции» в целом и, кстати, исключает возможность разоблачения: можно объявить фальсификатами отдельные тексты, но трудно изобличить целостность, ибо ее не существует) ⁵⁶.

⁵⁶ Фальшивые исторические догмы, в том числе и растянутая, порой в десять раз, хронология, играют роль генерирующей грамматики для традиционной историографии. Только те тексты – в том числе и вновь придуманные – признаются в этой системе истинными, которые этой грамматике соответствуют. Самоисправление

Образованные люди предыдущих столетий знали все указы и все деяния каждого византийского патриарха и каждого средневекового Римского Папы; характерные личные особенности каждого исторического персонажа. Так как мы вынуждены признать весь их исторический духовный багаж выдумкой, то они нам сегодня представляются бесплодными мечтателями. Я хочу уточнить свою мысль. Гуманисты были высокообразованными людьми, по охвату знаний с ними не сравнится ни один современный ученый⁵⁷. Смущает только вопрос об истинной ценности и релевантности этих знаний. Встречаются же сегодня литературоведы, знающие «Улисса» Джеймса Джойса наизусть, чуть ли не дословно, могущие в каждой строчке найти след духовного порыва автора. Или поклонники Толкиена, которые изучают не только имена и родословные обитателей его причудливого мира, но и наизусть знают каждую строчку, что именно в ней написано, где лежит каждый упомянутый камень, растет каждое описанное дерево.

Сравнивая с этими примерами, я приподнимаю «историческую науку» прошлых веков до одного уровня с литературоведением. Однако я отдаю себе полный отчет в том, что в ту эпоху ученый чаще всего верил, что он имеет дело с историческими фактами, а профессор-толкиенист знает, что попасть в вымышленную автором страну можно только, открыв книгу, но и он находится на ничейной территории между автором и его читателями⁵⁸.

Евсевий Кесарийский

Весьма эрудированный и проницательный критик Гертруда Бодманн, исследовав в своей диссертации «Летоисчисление и возраст мира» весьма строго средневековые представления о времени, очертила границы, которых следовало бы придерживаться в будущем. В дальнейшем я хочу подробно рассмотреть ее работу и, хотя в ней ни словом не упоминается о «Широкомасштабной Операции», использовать некоторые основные ее выводы.

На недвусмысленный вопрос, с каких пор существует наше летоисчисление (с. 38), Гертруда Бодманн отвечает: «Счет от Рождества Христова начался в XI–XII веках; счет до новой эры – в XVII–XVIII веках». В первой части я полностью с ней согласен; вторая дата, привязанная к годам жизни и деятельности Скалигера, Петавиуса и других, живших около 1600 года, достаточно условна, но для наших рассмотрений это не имеет большого значения.

Итак, в XI веке Адам из Бремена использовал (одним из первых) отсчет от Рождества Христова (то есть наше летоисчисление). Он использовал его для отсчета лет назад применительно к скончавшемуся соответственно этой системе летосчисления, в 755 году от воплощения Господня (с. 40). Неплохой финал для вымышленной персоны Бонифатия. Однако этой цитатой обозначилась проблема: те, кто начали вводить такой отсчет лет в XI–XII веках, наверняка предполагали создать нечто величественное, например, написать задним числом

виртуальной исторической картины изнутри традиционной историографии совершенно невозможно. Только отказавшись от этой неверной грамматики, можно создать реалистичную модель прошлого.

⁵⁷ Подчеркнем универсализм их виртуальных в своей исторической части познаний. Он приводил к тому, что практически каждый гуманист понимал другого с полуслова (даже если он и не был согласен с его выводами). Сегодняшняя наука сверхспециализирована и у выдающегося ученого часто нет порой и десятка собеседников во всем мире, могущих его понимать во всех деталях. Это создает атмосферу, способствующую разобщению ученых и догматизации знания.

⁵⁸ Несмотря на это, современная историография не является наукой о прошлом (и вообще наукой). Она – жанр литературы. Возвышающее историю ее сравнение с филологией было еще само собой разумеющимся в начале XX века, когда Теодор Момзен не только получил Нобелевскую премию по литературе, но и прямо заявлял о том, что история это часть филологии. После практического прекращения хронологических исследований в XX веке – отдельные исключения лишь подтверждают это правило – оно устарело. Различие между историками и любителями Толкиена на практике не велико: историки знают – или, по крайней мере, могли бы знать – о положении дел с источниками, но для них, как и для читателей Толкиена, фантастичность текстов не играет большой роли.

историю⁵⁹.

Сходным образом поступает каждый народ, придающий значение своей исторической позиции, желающий иметь историческую отправную точку (как можно более отдаленную, с длинной родословной и ярким оригинальным началом). Христианский Запад не был исключением из этого правила, когда в XII веке он стал создавать свою предысторию⁶⁰.

Скорее всего, Евсевий (якобы IV век) был первым христианином, оценившим временной промежуток от творения до дней собственной жизни. Этот период не был для него реальным временем, как представляем его мы, но символическим временным рядом, состоящим из временных пакетов-эпох, сумму длительностей которых следовало осознавать, прежде всего, в духовном смысле. Временная привязка деталей собственной биографии к известным событиям прошлого была позже взята церковью за основу для создания хронологических таблиц, считающихся сегодня универсальными.

В качестве хронологического новатора Евсевий не был абсолютно беспомощен, у него были предшественники, главным среди которых Гертруда Бодманн считает знаменитого Диодора Сицилийского, создавшего между 60 и 30 годами до н. э. нечто вроде обзора истории разных народов от древнейших времен («Историческая библиотека») или примитивной всеобщей истории. Но и этот великий историк, в свою очередь, опирался на Полибия (II век до н. э.) и Эратосфена, который якобы ввел счет лет по Олимпиадам. Но, чтобы не потеряться в ускользающей от нас туманной дали, давайте считать грека Диодора Сицилийского первым наднациональным историком. В своем 40-томном труде он первым установил связь между греческой и римской историей, от падения Трои до галльских походов Цезаря. Удивительно: он включил в свою «Библиотеку» даже варваров.

Бодманн приводит цитату (с. 65) из Эдуарда Шварца (1903, с. 664), всю жизнь занимавшегося Диодором Сицилийским: «Ни один образованный язычник не упоминает нигде Диодора; ...лишь неприятельные христиане обращаются к его трудам».

Как же так? Выходит, никто, кроме опиравшегося на него Евсевия, не знаком с Диодором? Здесь что-то нечисто. Неужели за четыреста лет столь грандиозное произведение ни разу не было востребовано?⁶¹

И еще: Диодор цитирует многочисленных авторов, оригиналы трудов которых безвозвратно утрачены и которые знакомы нам только по его цитатам. Но этот трюк нам уже знаком.

Значит, остается лишь верить Евсевию, увековечившему выдающегося Диодора. Или выдумавшего Диодора. Правда, если сам Евсевий – не выдумка, на что, кстати, косвенно указывает «говорящее» имя: благочестивый. Он был родом из Цесарии, но из какой – спорный вопрос: античность знала минимум четыре места с таким названием, два из которых находились в Палестине (одно, приоритетное в глазах современных ученых при «решении» вопроса о месте рождения Евсевия, – на побережье; другое – на одном из истоков Иордана). Третье – в Киликии (нынешнее Кайзери в Турции). Турецкое Кайзерейя называлось также Эузубейя, и, возможно, в результате слияния этих двух наименований в имени историка и «родился на свет» отец церкви Евсевий Кесарийский. Четвертая Цесария, находившаяся в Северной Африке, по этой причине исключается из рассмотрения.

Согласно Бодманн (с. 83), у Евсевия был серьезный повод для создания исторического

⁵⁹ Этот замысел, как и практическое использование христианского летоисчисления, следует отнести в XV век.

⁶⁰ Зато не исключено, что он был новатором в данном смысле: если идея истории возникла – как я полагаю, не раньше XIV века – в Северной Италии и распространилась оттуда на Юг Франции и Германии, а затем и на всю христианскую Европу, то последняя оказалась первопроходцем, которому легче простить безграничный творческий энтузиазм по выдумыванию истории, чем странам, с трудом освоившим эту европейскую идею и долго сопротивлявшимся этому культурному империализму европейцев (Индия, Китай и т. д.).

⁶¹ И как же состоялось чудо узнавания Евсебием самого факта существования «Библиотеки»? Я уже не говорю о чуде сохранения оной в течение веков!

труда: при якобы крестившемся Константине христианство стало государственной религией и нуждалось в единой и унифицирующей истории. Народы могущественной Римской империи должны были слиться в одну большую семью, получив взамен множество основанных на нехристианских религиях предыстории, всех объединяющую общую Святую историю. На смену племенному или культовому времени пришло Мировое время. Этот прекрасно разработанный госпожой Бодманн мотив в не меньшей мере мог послужить и побудительным мотивом для выдумывания Евсевия и всех его писаний⁶².

К сожалению, оригинал его «Хроники» – впервые представившей (наряду с религиозными канонами) синхронистические, т. е. согласованные (иудео-греко-латинские) даты, начиная от прародителя Адама, – тоже не сохранился. А ведь он якобы включал и первое в истории перечисление книг библии. С «Хроникой» познакомились в латинском переводе Иеронима, вернее, его последователя Руфина, который якобы должен был видеть манускрипты, восходящие к V – VI векам. (А может, их копию XI – XII веков?)

С 1911 года ученому миру известна еще и некая армянская версия, список с сирийского оригинала («около 600 года», что весьма сомнительно), дошедший, мол, до нас в рукописях XIII или XIV веков. По моему мнению, Евсевий и не должен быть многим старше. Доктор Бодманн, высокоученый специалист, охотно взглянула бы на эти рукописи, но даже ей это не удалось. Можно представить себе, каковы шансы у дилетантов.

Преимуществом для Евсевия (Бодманн, с. 89) является доказательство старшинства: например, того, что законодатель Моисей жил раньше великих законодателей других народов. Этой цели служит и противопоставление греков варварам (у него: халдеям). Кроме того, Евсевий доказывает «истинность пророчеств», то есть связь между Ветхим Заветом и Христом, без которой не имело бы смысла погружение в предысторию Моисея и Авраама. Но начинает он – и благоразумно – не с Сотворения мира, (чтобы не связываться с описанием первой недели деятельности Бога и не попасться в ловушку и не впасть в заблуждение, о котором церковь предупреждала в XIII веке), а с грехопадения Адама и Евы и, соответственно, с зачатия Каина. Чтобы не казаться пристрастным, Евсевий приводит временные данные из греческого перевода Ветхого Завета (Септуагинты) вместе с датами иудейской Библии и Торы самаритян. То, что даты трех книг сильно разнятся между собой (в двух случаях – на целых 650 лет), его не смущает. Он ставит задачу не создать совершенную хронологию, но, по крайней мере, обозначить позиции. Умное и тонкое решение. Самаритяне со своей ревностно хранимой Торой располагают к себе тем, что приводят наименьшие цифры (которые от этого не становятся верными). По Септуагинте, между зачатием Каина и 20-летием интронизации Константина (не случайно совпавшим с первым всехристианским Никейским собором) проходит более 5500 лет. Все иудео-христианские цифровые данные рассматриваются в символическом ключе, что делает бессмысленным их более точное исследование.

К сожалению, в так называемом Каноне Иеронима даты, «написанные принятыми сейчас цифрами, вынесены на поля», отчего рукопись теряет ценность документа (об оригинале, разумеется, нет и речи), так как подобное оформление было введено только Иоанном Сакробоско около 1240 года (Бодманн, с. 47). Иероним («святое имя»), кстати, звался полностью: Иероним Софроний Евсевий. Показательное совпадение: нехватка имен в распоряжении фальсификаторов или просто путаница? Древнейшие рукописи якобы относятся к VII–VIII векам.

Многочисленные арифметические ошибки (похоже, что суммировать длительности нескольких периодов было крайне трудно) Бодманн объясняет тем, что без чисел с разрядными значениями и без специальной счетной доски (абак) безукоризненный расчет невозможен (с. 103). Вопрос о том, каким же тогда образом осуществлялись астрономические исчисления древних, остается открытым.

Одним словом, при чтении я все больше и больше убеждаюсь, что здесь налицо средневековое историотворение, к тому же и темы слишком знакомы. Нин и Семирамида образуют прекрасную супружескую пару к моменту рождения Авраама; словно в пестром

⁶² Отметим, что это обоснование полностью покоится на неверной традиционной исторической модели.

хороводе мелькают персидские цари, Александр Македонский и Клеопатра; апостол мира император Август Себаст и рождение Мессии оказываются тесно связанными между собой.

При этом Бодманн устанавливает, что и у Юлиана Африканского, которому мы посвятили предыдущий раздел, жившего более чем за столетие до Евсевия, приведены примерно те же даты.

Удивительно при этом лишь то обстоятельство, что отдельные хронологические пакеты у него еще не были приведены в тот вид, который наблюдается у Евсевия.

Поэтому я хотел бы – вместе с Бодманн – уделить внимание еще некоторым древним историкам.

После крайне сомнительной «Истории» Диодора, согласно которой от падения Трои до начала Кельтских войн (имеются в виду Галльские войны Цезаря) прошло ровно 1180 лет, вопросом летоисчисления занялся римский иудей Иосиф. К сожалению, его известные и во всех смыслах важные труды не нашли отражения в талмудической литературе. Иосифа не любили и считали предателем. Я думаю, что в иудейских кругах его не воспринимали серьезно, потому что он был слишком сильно связан с христианством. Летоисчисление его частично основывается на Ветхом Завете, частично вымышлено. Вместо сопоставления одновременных происшествий у Диодора (синхронизм), он измышляет (и трижды упоминает) новое обстоятельство: через 240 лет после основания Тира встречаются финикиец Хирам и иудей Соломон. Понятно, о чем речь? Соединяются два родственного народа. Так как один из народов из истории уже исчез (финикийцы), то никакого вреда ему это изобретение нанести не может; только чести добавит, зато другой народ историю обретает. Даже для доброжелательных иудеев это было слишком.

Утверждение Иосифа о первом строительстве Храма задолго до начала Олимпиад превращало Израиль в одно из древнейших (древнее Эллады и Рима) государств античного мира, что так же сомнительно, как искусственно сдвоенные Олимпиады у Эратосфена или минимум на два столетия «состарившийся» Рим у Тита Ливия (см. Альбрехт, 1995). Но, что самое удивительное, Гертруда Бодманн (с. 75) и другие авторы (например, А. Шалит) всерьез полагают, что Иосиф предвидел будущее рассеяние своего народа. Легче говорить об этом задним числом, чем в 70 году новой эры. О том, что рассеяние стало фактом лишь после восстания Бар Кохбы в 135 году, все словно бы забыли. Бодманн пишет (с. 76) «...читая знаки времени, он (Иосиф) сквозь столетия провидел судьбу евреев как народа, проклятого на существование в диаспоре (рассеянии)». Но: «Впоследствии о нем (Иосифе) вспоминают не евреи, но христиане». Я хочу добавить: потому что христиане его выдумали, а его произведения создали. И довольно поздно, после 1000 года.

Остается еще греческий христианин Климент Александрийский, автор Строматы («Ковра из лоскутков» или «Узорчатых ковров»), написанной якобы около 200 года н. э. Древнейшая рукопись, послужившая образцом для всех последующих текстов, относится к 914 году. Хотя Климент Александрийский и цитирует Эратосфена, но начинает от Адама, и насчитывает до Коммодуса (своего современника) ровно 5784 года, 2 месяца и 12 дней. Все у него получается ладно; начиная со 145 главы, вместо числительных он использует буквенные обозначения цифр и, вроде бы, не должен был обсчитаться. В этой же главе он приводит «доказательство рождения Мессии»: «перепись населения» Августа состоялась на его 28-м году правления, тогда же и родился Иисус. На тридцатом году жизни Иисус был крещен Иоанном в Иордане, в 31 год – убит. До разрушения Иерусалима оставалось 42 года. Кто перепроверил, тот сам и виноват. Идем дальше: «от рождества Господня до конца правления Коммодуса насчитывается в целом 194 года, 1 месяц и тринадцать дней». Как же так?! Около 200 года – летоисчисление от Anno Domini (н. э., от рождества Христова)? Но разве не Дионисий Малый (Exiguus), скифский хромец, – в которого и так сегодня вряд ли кто-то верит, – якобы создал пасхальный календарь и ввел летоисчисление от рождества Спасителя? Но это должно было случиться на 350 лет позже.

Когда же действительно был написан Климент Александрийский?

Полагаю, что до Евсевия, который, при всех анахронизмах, продуман более тщательно. Возможно, «Широкомасштабная Операция» была скоординирована хуже, чем это казалось Каммайеру.

Евсевий, по крайней мере, сообщает о начале епископского служения и устанавливает тем самым первую церковную иерархию: Иаков, брат Иисуса, с благословения всех апостолов вступил в сан епископа Иерусалима в 19 год правления Тиберия, то есть в том же году, когда Иисус умер и воскрес. Вполне разумно. По Евсевию, от крещения до смерти Иисуса проходит три года, а не один, как легкомысленно пишет Климент.

Есть у Евсевия (в переводе Иеронима) очень странная глава, так называемый «Ономастикон», перечень названий населенных пунктов на Святой Земле, из которого должно стать ясно, какие изменения претерпели топонимы с течением времени, сохранились ли они и как они звучат в «наши» (т. е. в евсевиевы) дни. Да, важна и временная классификация топонимов, – утверждает Бодманн (стр. 129) и советует внимательно присмотреться к перечню. Я согласен, так как названия населенных пунктов могут хранить следы крестовых походов, так что этот список может оказаться шкатулкой, полной сокровищ.

Для создания жизнеописания Иисуса (Евангелие) или истории ранней церкви (Деяния апостолов и т. д.) такой указатель крайне необходим. Однако, судя по ужасающим ошибкам в Евангелии, он был составлен слишком поздно.

Специалист сразу определит, что дата составления указателя – поздняя; он не мог появиться ранее XV века: хотя иудейские названия расположены в алфавитном порядке, затем, внутри каждой отдельной буквы – они идут «в соответствии с последовательностью библейских книг» и отдельных стихов (при этом подтверждают Канон Иеронима). Разбиение текст библии на главы и стихи в столь раннее время можно отнести только к курьезу: деление библейского текста на стихи впервые было введено гуманистами, а именно – Эразмом Роттердамским.

Итак, указатель, задуманный, возможно, для коррекции текста Нового Завета, был составлен поздно. Соответственно, не может быть древнее и рукопись, содержащая главу с «Ономастиком».

Промежуточный баланс

Что же нового внес в историю Евсевий (или Иероним, или Руфин)?

Хронология Евсевия (от зачатия Каина до IV века н. э.), содержащая более 2000 синхронизмов древней истории, – это забавный вымысел, не имеющей фактической ценности. Более того, в обрамлении цифр в мировую историю вводятся вымышленные персонажи. Эти лица должны были быть введены в мировую историю и многие из них уютно в ней потом расположились. Первоначально были пронумерованы даже римские императоры, начиная с Цезаря, однако в армянском «Каноне» и в «Церковной истории» этих сведений нет: они недостаточно архаичны и в них слишком много ошибок. Поэтому от них потом отказались.

Поскольку армянский текст выглядит более логичным, нежели латинский, я рискну предположить, что он написан позже. К «Церковной истории» придраться еще сложнее: в ней нет цифр, которые можно опровергнуть: даты соотносятся лишь друг с другом. Опровергаемая абсолютная хронология заменена более стабильной относительной. Свою знаменитую *Historia ecclesiae* Евсевий написал уже на склоне лет, но когда именно это было – неизвестно. На этот счет у меня есть гипотеза: как я уже упоминал, к диктаторам и самодержцам (это прослеживается в их исторических фальшивках и прочих апокрифах) гуманисты питали искреннее отвращение. Однако Евсевий и его круг (Иероним и Руфин), а также Климент восхищались великими властителями (Бодманн, с. 127). Перикла же, наоборот, не упоминали; о республике предпочитали не говорить. Скорее всего, их тексты были созданы в позднюю эпоху Штауфенов⁶³.

Бодманн (со с. 142) детально прорабатывает этот вопрос. Как 43-й год правления Царя

⁶³ Или наблюдение об отрицательном отношении гуманистов к деспотам не верно в этой своей универсальности («Государя» Макиавелли вряд ли можно отнести к антидеспотическим произведениям: прообразом государя был «грозный к врагам и милостивый к своим подданным» пожизненный диктатор г. Лукки Каструччо), и тогда этот аргумент против еще более позднего написания приписанных Евсевию апокрифов отпадает.

вселенной Нина выбран годом рождения Авраама, так и 42-й год правления Октавиана Августа, императора-миротворца, выбран годом рождения Иисуса. И (почти всемогущий) ассириец Нин, и правитель Римской империи Август – отражения Бога на земле. И, наконец, Константин, к чьей эпохе отнесен Евсевий, – являет собой пример божьего помазанника: он собрат распавшуюся Римскую империю и ввел христианство в ранг государственной религии. Все эти правители – лишь статисты в божественной пьесе. Более того: с появлением Иисуса сходит на нет институт первосвященничества (при Ироде), «согласно пророчеству Даниила». В этом вопросе сходство иудея Иосифа и христианина Евсевия очевидно, что позволяет предположить не только одновременность, но и аналогичность религиозных оснований для создания текстов; их сочинения вполне могли выйти из одного круга гуманистов.

Однако некоторые поздние «отцы церкви» восставали против подобных, отдающих язычеством взглядов. Григорий Назианский и в особенности Блаженный Августин отвергали всяческое уподобление Сына Божьего земным правителям, что недвусмысленно указывает на время их (отцов церкви) «происхождения»:

Ренессанс. Из сочинения Блаженного Августина «О граде Божием» видно, что конкордат давно заключен; церковь не борется с императором за власть, она стала вечной. «Рукописная война», как и следовало ожидать, принесла свои плоды.

По каким еще приметам можно проверить мою гипотезу о том, что Евсевий и его круг были вымышлены в XIII веке? Прежде всего, по языковым. Ведь даже церковная латынь – пусть незначительно – но изменялась. Она улучшалась, как и положено искусственно созданному языку. Следовательно, поздние тексты (например, Августина) должны в языковом отношении отличаться в лучшую сторону от ранних (например, Иеронима). Так и есть, хотя это и не абсолютное правило: «Широкомасштабная Операция», как мы уже отмечали, совершала довольно хаотические пируэты.

Давайте присмотримся к нравственным вопросам: ведь строгость нравов в первую очередь должна быть обусловлена эпохой. Исследованиям этой темы можно посвятить тома научной литературы; я не хочу здесь этим заниматься, однако мне кажется очевидным следующее: Евсевий и люди его круга были страстными моралистами, которые не устали клеймить убийства, прегрешения плоти и колдовство, и это вполне подходит к моральным установкам второй половины XIII века, или, скорее даже, эпохе начала эпидемии чумы (с 1347 года). Напротив, Блаженный Августин, нечасто употребляющий такие слова, походит на деятелей раннего Ренессанса: улучшение условий жизни в это время и освобождение от фарисейских моральных норм делали яростные отповеди уже не столь актуальными.

Еще один верный признак: эсхатологичность сознания. Евсевий и Иероним отрицают апокалиптику и, словно бы отмежевываясь от него в щекотливом для того времени вопросе, почти нигде не упоминают Юлиана Африканского. Еще бы: согласно Иоахиму Флорскому, опаснейшему еретику, 1260 год был годом конца света.

Орозий и Григорий

Давайте вместе с компетентным специалистом Гертрудой Бодманн проследим за дальнейшим развитием системы летописания.

Некто Орозий из Браги (Португалия) был послан Августином в Вифлеем к Иерониму, чтобы продолжить его греческую «Хронику», с которой он ознакомился, однако, в латинском переводе Руфина (395). В его труде появляется остроумная и свойственная совершенно определенному образу мыслей игра слов. Так, *ab orbe condito* (от основания мира) противопоставляется идее *ad Urbe conditam* (до основания Рима); *Urbis orbis* стоят рядом, как при Римских Папах XVI века. Ему известно даже о времени *ante urbem conditam*, до основания города (Рима): очень абстрактные и поздние представления, которые (как утверждает Бодманн в самом начале), стали общеупотребительными около 1600 года. Орозий подчеркивает «вечность» Рима, но не языческого, ведущего летоисчисление «от основания города», а папского. Выполняющий политический заказ Орозий, выделив факт рождения Христа, даже забывает упомянуть о таком значительном христианском событии, как крещение Иисуса в Иордане. Это стало возможным только в поздние времена. Добавим сюда и его антисемитизм,

появившийся в столь резкой форме только в XVI веке.

Бодманн с полным основанием предполагает, что числовых хронологических конструкций – указателей дат и соотнесенных событий – как подспорье для хроник в средневековье еще не существовало. Поэтому хроники должны были быть связаны между собой цитатами и «продолжениями». Так, Григорий Турский (ум. в 594) конспектирует «Хроники» Евсевия (332) – которую дописывали Иероним (378) и Руфин (395), – продолжает хронологическое повествование до смерти святого Мартина («412 год от воскресения Господня»), а потом и дальше – до своего времени (591).

Можно долго говорить о невозможном содержании его «Хроники», но я хотел бы коснуться самой техники подобных «продолжений».

Хронисту, опирающемуся на некий данный текст, нужно принять его датировку и продолжать летопись до своей собственной точки отсчета. Таковой для Григория явилась смерть святого Мартина (Воинственного), чей головной убор (подобно шляпе святого Иакова) стал боевым знаменем франкских королей. Выходец из Паннонии (современной Венгрии), в 375 году он стал епископом города Тура; дата его смерти неизвестна (предположительно, около 400 года), что само по себе довольно странно: обычно указывается не только год, но и день смерти святого. Еще более странно, что Григорий, уделивший этому святому много внимания, пишет, что тот скончался «в 412 году от Воскресения Господня», то есть примерно в 444 году (на 44 года позже предположительной даты)⁶⁴. От своего ложного начала исторических координат отсчитывает он даты жизнедеятельности франкских королей: например, смерть Хлодвига случилась «через 112 лет после смерти Мартина» и т. д. Он доходит до Теодоберта и Зигиберта (своих современников), и тут даты снова совпадают с принятыми сегодняшней исторической хронологией (расходясь всего на привычные сбои в 1-2 года). Это происходит оттого, что независимых от Григория Турского свидетельств не существует, и вся наша историография основывается на вымышленных данных.

Только так можно все это объяснить. Так что лучше уж не пересчитывать.

Уместен вопрос: почему же в XVI веке, когда манускрипты стали печатать, ошибки – хотя бы арифметические – не исправили? Я думаю, это было невозможно. В 1520 году еще не существовало надежной, способной послужить критерием хронологической системы. К 1629 году, когда, наконец, окончательно сформировалась система Скалигера, большинство текстов было уже напечатано и введено в историографию. С какого места следовало начать корректуру?

В принципе, историки и сегодня занимаются корректировкой: выискивают разночтения, описки, ошибки, словом, прилагают всяческие усилия, чтобы придать текстам достоверный вид. Однако «лоскутный ковер», прирастая новыми заплатками, становится толще, но не лучше.

Но хуже фальшивых дат – умственные махинации. Чтобы упорядочить время начала ночных монашеских псалмопении, Григорий Турский самолично наблюдал за звездами (Бодманн, с. 179) и, по мнению современных специалистов, без каких бы то ни было теоретических выкладок приводил точные астрономические данные. Это опять же отсылает нас к эпохе Возрождения, когда даже великие астрономы, отказавшись шаг за шагом от переписывания арабских звездных таблиц, занимались собственными наблюдениями.

Итак, «История» Григория Турского была создана в промежутке от начала книгопечатания до конца XVI века.

Бэда Достопочтенный

Труд Григория в своей *Chronica maiora* (Большой хронике, «725») продолжает один из наиболее влиятельных английских историков – Бэда Достопочтенный. Мы пропустим жившего веком ранее Исидора Севильского, чью «Хронику» (в «Этимологиях», конец 5 книги, «от 626 года») я уже упоминал, – и вместе с Гертрудой Бодманн разберем творчество англичанина Бэды.

⁶⁴ Снова анахронизм? Идея такого счета слишком близка к летоисчислению *Anno Domini*, чтобы быть использованной в столь раннее время.

Скрупулезно подсчитанные (в общем и целом), даты его «Хроники» от сотворения вселенной доводят до его собственного начала отсчета. Опирается он на «Истинную иудейскую Библию», то есть не на Септуагинту, что само по себе подозрительно: с текстом иудейской Библии Запад познакомили евреи в XI веке. Можно, впрочем, предположить, что сей ревностный посетитель Рима смог где-то раздобыть перевод иудейской Библии. Проблемы в его случае возникают и при таком предположении.

Именно, за исключением двух сомнительных дат в «Хронике» (532 и 716), он использует в «Проповеданной истории народа англвов» летоисчисление от Рождества Христова, или, как он выражается, «от воплощения Господня». При этом он, разумеется, устанавливает прямую связь с византийскими императорами: например, 603 год = первый год правления императора Фоки (более корректным считается сегодня 602 год, но не будем придирааться к мелочам). В этом году английский король Этельфрит вел войну с британскими соседями. Византия была далеко. По мнению Бодманн, «в ту переломную эпоху, во время перехода» к летоисчислению от Рождества Христова, привязка датировки к годам правления императора Фоки была необходима читателю Бэды для большей наглядности. А, собственно, почему? Какой смысл связывать Этельфрита с «солдатским императором», правившим Византией восемь лет и столетие спустя наверняка забытым в Англии?

Однако смысл в этом был, правда, он появился много позже: в Византии X века стали писать новую историю, составляя императорские хроники. Контакты с этим новоделом побуждали и на Западе вводить летоисчисление от Рождества Христова. Значит, нужно было, хотя бы в отдельных их точках, попытаться синхронизировать обе истории. Как же это удалось Бэде? Речь шла о подсчете возраста вселенной, восходившего к Византии. На Западе эти даты практически никогда по-настоящему не использовались. Для этого Бэда и написал «Хронику».

Последняя дата в ней (при условии, что от сотворения мира прошло 4680 лет, а Рождество Христово пришлось на 3952 год) – 728 год н. э.; Бэда называет его девятым годом правления императора Льва (Исавра; дата, принятая в академической науке, – 727 год). 716 год, когда Экберектус ратовал за исправление пасхалий, упомянут в начале «Проповеданной истории народа англвов»; таким образом связываются оба текста, а англичане – поскольку действие придуманной истории направлено в прошлое – получают свою собственную церковь, обращенного в католичество короля и собственных мучеников.

В принципе, то же самое Григорий сделал для Франции и Исидор для вестготов и свевов. Вопрос лишь в том, был ли Рим вымышлен этими писателями как образец и отправная точка для сотворения «доподлинной» истории своих народов, или они пытались придумать германские государства и объявить их законными компонентами известной Римской империи. Разумеется, взаимное подтверждение являлось одним из желанных эффектов, и все же подлинная цель состояла в «построении» Великой Римской империи. Писатели эти были христиане-католики, а не германские вожди (яркий тому пример – Исидор Севильский). Их «Истории» с героями и крещеными королями должны были послужить маскировкой и обрамлением для явления грядущего Рима, центра всеобъемлющей церкви.

К сожалению, ссылками на римские «города, маяки, мосты и улицы» Бэде Достопочтенному пришлось доказывать почти пятисотлетнее господство римлян в Англии. Но разве это подвергалось сомнению? С тех пор, как я прочитал «Агриколу» Тацита, необходимость в аргументированном доказательстве для меня очевидна. Едва ли существует еще одна рукопись, подделанная столь же небрежно, как Тацит (около 1428 года; см. гл. «Гуманисты»).

А римские постройки? Ну и что? Разве американцы правят в Бомбее или Шанхае, поскольку и там есть небоскребы?

Сама попытка доказательства римского присутствия ставит под вопрос подлинность текстов Бэды Достопочтенного. Если римляне до завоевания их столицы Аларихом (410 год) управляли Англией как провинцией империи, то зачем с такой обстоятельностью доказывать это 300 лет спустя? Ведь это и так все знают. Может быть, к XI веку забыли? Скорее всего. А может, римское владычество в Англии (как и во многих других странах) – это позднейшее измышление? (См. Гайзе, 1995.)

Вот, например, сообщение Бэды о короле Этельберте Кентском, правившем в течение 56

лет вплоть до 616 года н. э., когда он «вознесся в лучший мир царствия небесного». Прямо так сразу? Минуя преддверие ада или чистилище? Он погребен в церкви «святых апостолов Петра и Павла». Человек, имеющий хоть малейшее представление о возникновении церковных догм, сразу поймет, что для VIII века это выражение совершенно невозможно. Так же, как и то, что Папу Римского Бэда именуется «Святой отец».

Обоснование роли Рима как центра и средоточия церковной жизни («ибо в нем жили, учили, скончались и погребены святые апостолы Петр и Павел») типично для XII и XIII веков. Вспомним епископов Сантьяго в Галисии, более столетия претендовавших на главенствующую в церкви роль на том основании, что в их городе покоятся мощи брата Господнего Иакова, знаменитейшего из апостолов. Бэда основывает свою аргументацию на «решениях синода в Витби, 664 год н. э.» и подчеркивает величие вселенской церкви, которая «как у себя дома в Африке, Азии и Египте» (с. 209). Однако, как считается, в то время в большей части этих регионов царил ислам. И католическими они никогда не были.

К сожалению, книга Бэды оканчивается на 731 год; тем не менее ему известны битвы при Туре и Пуатье (732 год), в которых сарацины потерпели сокрушительное поражение (с. 213). Совершенно без всяких оснований Бэда приводит перечень святых мест в Палестине.

Спор о дне празднования Пасхи, имеющий для Бэды большое значение, выглядит анахронизмом, так как он означает разрыв с иудаизмом (Бодманн, с. 214). А это случилось либо уже в IV веке, – конечно, если церковь в то время существовала, – либо необходимость в этом возникла только в XI веке (при историческом рассмотрении). Мы еще не раз вернемся к спору об определении дня Пасхи как важному ориентиру для определения времени создания текстов.

Основной вопрос: когда наступает день весеннего равноденствия. По «так называемым постановлениям Кесарийских соборов (V–VI века)» этот день приходился на 25 марта, в то время как александрийская община придерживалась даты 22 марта – последней, рассчитанной самими иудеями перед изгнанием; впоследствии корректировка стала невозможной. Перенесением срока на (языческие) 25 марта подтверждалось господство Рима и размежевание с праздником иудейской пасхи (пейсах).

Бэда, однако, за точку отсчета берет 21 марта, дату, абсурдную для VIII века: за счет ошибки юлианского календаря начало весны он должен был наблюдать 14 марта. 21 марта – это возвращение к солнечному календарю Августа, принятому в те годы, когда жил Христос. Обращение к этому календарю приводит к тому, что юлианский календарь в XV веке неверен (это неоднократно было установлено Николаем Кузанским и Региомонтаном). Когда Римский Папа Григорий (1582) предпринял, наконец, астрономически выверенное исправление календаря (причем разница составила 10 дней), он взял за точку отсчета другое «великое событие» вместо точки отсчета, привязанной к жизни Христа: двадцатилетие правления «первого христианского» императора Константина (325), озаменованное к тому же «первым Вселенским Собором» (Никейским).

Так что с переносом даты равноденствия Бэда поспешил ни много, ни мало – лет на семьсот.

Еще одна типичная ошибка: в хронологической таблице Бэды Достопочтенного и во 2 главе первой книги «Проповеданной истории» появляется некая дата «до воплощения Спасителя», важная отправная точка: завоевание Англии Цезарем (693 г. от основания Рима = 60 году до н. э.). Бодманн предполагает (с. 200), что «вблизи начала координат (имеется в виду 1 год н. э.) это вычитание следует воспринимать как само собой разумеющееся». Тем самым она разрушает всю свою красиво выстроенную систему мыслей о том, что даты «до рождения Христова» вошли в обиход лишь в эпоху Возрождения. Ту же ошибку (с другой датой) допускает и Исидор.

Другая общая для Исидора и Бэды ошибка: картографические анахронизмы. До появления карты Эбсторфера (XIII век) существовали лишь портоланы, карты побережья для мореплавателей. Карты мира наподобие каталонской (1375) в раннем средневековье еще немыслимы. Как они попали в рукописи Бэды и Исидора – загадка. Промах становится очевиднее, когда мы узнаем, что атласу мира предшествуют хронологическая таблица и расчет даты празднования Пасхи, как сообщает Бодманн (с. 219). Подобный контекст отсылает нас именно в XIV век, когда рука об руку развивались география, астрономия и церковная

догматика.

На рубеже

Обратимся (вместе с Бодманн) к Регино фон Прюм (ум. в 915), которого я (и Регина Зоннтаг) рассматривал как первого серьезного летописца. Разумеется, он – как и его «предшественник» Бэда Достопочтенный – не был признан современниками (излюбленное выражение сегодняшних ученых, выдающее наше непонимание феномена). «Время его еще не пришло», – пишет Бодманн (с. 223). Сильные сомнения охватывают меня, когда я думаю обо всех этих «великих непонятых», намного опередивших свое время.

Отправная точка Регино Прюмского – смерть доблестного Карла Мартелла (741), спасителя Запада и истребителя сарацинов; тем самым осуществляется продолжение «Истории» Бэды Достопочтенного. Однако летопись Регино начинается в 1 году от Рождества Христова (н.э.); доисторического времени больше нет. Или еще нет? Так приоткрывается роль прюмского монаха, выполняющего вспомогательную функцию шарнира. Первым в полной мере используя летоисчисление от Рождества Христова (работы, следовательно, написаны после 1000 года), он выглядит этаким амфибией, промежуточным звеном между фальсификаторами эпохи гуманизма и позднего средневековья.

Список византийских императоров он переводит в новое летоисчисление; это важная и необходимая привязка к всемирной хронике. Бодманн (с. 222) именует это предприятие «двойственным», особенно когда годы правления Карла Мартелла соседствуют с годами правления императора Льва. Только при помощи (еще одного) этого синхронизма в историю впервые и вводятся франкские короли, заполняющие периоды времени в христианском летоисчислении. Это никакой не второй или параллельный исторический путь, но создание истории из ничего. «Летоисчисление от Рождества Христова у Регино, пусть даже еще и не слишком подробное, есть нововведение, которое, однако, еще не достигает у него привычной нам независимости и самобытности» (с. 223). Очень важно тем не менее, что христианское летоисчисление становится самостоятельным и самобытным явлением. В позднейших хрониках это летоисчисление (например, Германа Райхенау, 1013-1054) становится реальностью.

Хотя во «Всеобщей истории свевов» у Райхенау начало координат (1 год н. э.) определено на старый манер (то есть как 42-й год правления Августа), все годы после 1000-го «строго» соотнесены с немецкими императорами. Это происходит, по крайней мере на столетие, слишком рано! Следовательно, он также датирован задним числом и сдвинут в прошлое.

Смысл постоянного «состаривания» первых подлинных летописей ясен: в момент завершения хроники – то есть (предположительно) еще при жизни летописца – современникам нельзя было предъявлять эту халтуру, ведь очевидцы событий тут же разоблачили бы подлог. Зато «столетие спустя» эти «мемуары» вполне принимались за чистую монету: они были написаны с учетом современных представлений, и фальшивку было трудно распознать. Несколько столетий спустя большинство подобных хроник все-таки распознавалось как подделки и заменялось на новую версию, переделывалось «под новое мировоззрение». Совершать очередные исторические открытия, создавать абсолютно новые исторические «факты» слишком поздно: фальшивка (несмотря на разоблачения отдельных рукописей) уже прочно обосновалась в историографии. Она стала действительностью.

Яркий пример фальшивки (выполняющей, подобно хронике Регино фон Прюм, вспомогательные «шарнирные» функции – и эта ее функция была распознана еще Регино) – творчество знаменитого Зигеберта Камбрейсия (родился в 1030 году в Брабанте, умер 5 октября 1112 года), который с 1050-го по 1070-й преподавал в Метце). Его многочисленные сочинения пользовались в средневековье большой популярностью, особенно «Хроникой» (от 381 до 1111 года), служивший (невзирая на явную вторичность: он не содержит почти никаких новых исторических сведений) основой для многочисленных исторических работ. В «Хрониконе» Зигеберт прямо ссылается на Евсевия (и, соответственно, на Иеронима) и снова включает в историю поздней античности языческие народы. «Возможно ли использовать один и тот же метод спустя целых семьсот лет?» – задает вопрос Бодманн и продолжает: «Историк нашего времени не может позволить себе с такой непосредственной наивностью взять за образец для

своего труда работу семисотлетней давности. Он должен попытаться преодолеть эту дистанцию путем недвусмысленной и категорической вербализации еще до начала работы» (с. 225).

Его «Декадная книга» от 1092 года производит еще более странное впечатление: в ней (для уточнения даты рождения Иисуса) мировая история от Адама разделена на пасхальные циклы продолжительностью в 532 года. Значение, которое он придает этой ошибке (кстати, им не исправленной), выдает в нем гуманиста, так как вопрос об определении точной даты Рождества Христова стал остро актуальным лишь с середины XV века. Возможно, «Декадная книга» – это один из ранних фальсификатов, который по понятным причинам не стали «внедрять» в позднюю античность, а перенесли на 700 лет вперед. Вот поэтому его исторические сочинения и «трудно понять» (Бодманн, с. 225): они находятся вне времени и хронологически кажутся подвешенными в воздухе.

Еще одна попытка, предпринятая с наилучшими намерениями: трактат Виталия Ордерики (1075 – после 1141) «Церковная история». Якобы созданный в норманнском монастыре и по стилю «предвосхищающий» поздние монастырские хроники, трактат пестрит сведениями из Евсевия, Исидора и Бэды; однако (после 754 года) якобы «появляются и первые подлинные даты: 993, 999, 1002 и т.д.» (с. 227). Летописание в старом стиле соединено в «Церковной истории» с новыми данностями. Ему же навязан и папский список, хотя первые папские списки с датировкой от Рождества Христова (согласно Иделеру, 1825) восходят к Евгению IV (1431) 65.

У Гинзеля (1914) я нашел сведения о том, что, помимо датировки от Рождества Христова, в XII веке в Ватикане использовался также отсчет от другой эры, предложенный, по-видимому, Марианом Скотом (1028-1082). В булле Папы Урбана II сообщается, что идет 1121 год этой эры, следовательно, она начиналась в 22-23 годы до н. э., так как булла датирована 1098 годом н. э. Несмотря на свойственную той эпохе путаницу, этот факт подчеркивает еще раз, что самая ранняя датировка от Рождества Христова появляется не раньше, чем в XII веке, и использование ее в рукописях XI века есть анахронизм. Это еще раз подтверждает мою позицию о том, что «хроники XI века» на самом деле написаны по меньшей мере на столетие позже.

В заключение Бодманн рассматривает серьезную проблему: уже многократно упомянутую загадку цифр. Впервые индийские цифры с разрядами и нулем встречаются в арифметике Леонгарда Фибоначчи (1202); там же, для торговых нужд, используется четкая математика для решения квадратных уравнений. Однако Бодманн и Меннингер считают, что индийские цифры стали применяться в Германии только в конце XV века. Может быть, это опечатка? Ведь считается, что с 1240 года индийские (арабские) цифры со скоростью лесного пожара распространились по всей Европе 66.

Бодманн упоминает еще одно исключение из правила: некий анонимный монах якобы использовал в своей книге «Цветы времени» уже в 1292 году обратный счет времени от рождения Христа. Она считает это «маловероятным» и предполагает, что на самом деле здесь имело место вычитание хронологических пакетов, как это не раз делалось поздними античными писателями.

Первые подлинные даты до Рождества Христова появляются у Вернера Ролевинка в 1474 году; в течение последующего десятилетия их становится все больше. Однако только протестант Скалигер и иезуит Петавиус приняли за центр симметрии времени 1 год от Рождества Христова, и от него можно было без ограничений отсчитывать назад и вперед 67.

65 Двухтомный труд Иделера содержит первое серьезное – однако недостаточно критическое – исследование по хронологии в новейшее время, ставшее вместе с трехтомником Гинзеля основой догматизации современной традиционной хронологической схемы мировой истории.

66 Датировка ранних математических произведений страдает теми же болезненными признаками, что и датировка исторических рукописей, и должна быть пересмотрена. В результате и все рукописи, использующие арабские цифры, окажутся датированными слишком ранними датами.

67 Введение обратного счета от Рождения Христова считается заслугой Петавиуса. Скалигер пользовался счетом

Повсеместному распространению такой системы отсчета способствовала книга орлеанского теолога Петавиуса *De doctrina temporum* (Учение о времени, Париж, 1627). По адаптированному изданию его трактата с понятием о времени знакомились многие поколения учеников во всех европейских школах, и такое представление стало общепринятым. Широко известны его хронологические таблицы королей, династий, описания городов и деяний исторических личностей (Париж, 1628), ставшие каноническими.

Основой для хронологии Петавиуса стала работа Скалигера, сына авторитетного знатока древности, выпустившего учебное пособие *De causis linguae latinae* (Об основах латинского языка, Лион, 1540). Сам Жозеф Жюст Скалигер (1540-1609) занимался переводом с латинского на греческий и обратно, а также издал собрание античных эпитафий, не потерявшее ценности до наших дней. Самым важным трудом Скалигера стал трактат *De emendatione temporum* (Исправление хронологии, 1583; работа появилась сразу после реформы календаря, но всеобщее внимание привлекло лишь женевское издание 1629 года).

Он ввел понятие о «юлианском периоде» (сам термин появился позже) продолжительностью в 7980 лет⁶⁸, умножив 532 года пасхального цикла на 15 (15-летний цикл якобы для сбора налогов). За начало периода он принял 4713 год до Рождества Христова. И все бы хорошо, но только 15-летний цикл – это позднейшее изобретение: все (якобы ранние) документы, его упоминающие, нужно рассматривать как поддельные.

В этом вопросе принято ссылаться на обстоятельное исследование Гинцеля (1914). Деление времени на пятнадцатилетние циклы, для которого нет ни календарных, ни биологических оснований, – я считаю чистым вымыслом (или, если угодно, сознательной дезинформацией). Эта система возникла якобы в Египте в начале IV столетия, а к концу века стала использоваться в Европе. Дионисий, скифский хромец («525»), утверждал, что этот период времени начался в 3 году до н. э. Глупее и выдумать ничего нельзя.⁶⁹

С V века по 1087 год для датировок документов папства использовался якобы исключительно пятнадцатилетний цикл. (Легко утверждать, учитывая, что никаких пап тогда не было.) С 1218 года, при Фридрихе II фон Гогенштауфене, эта система якобы является единственной законной для датирования документов. Однако трудно было прийти к общему мнению, какой год, в соответствии с делением на циклы, считать началом последнего (в этом вопросе так и не удалось договориться), и в одной и той же канцелярии зачастую использовался отсчет времени по разным 15-летним циклам. Разумеется, этими сведениями поделились с нами не церковники, но дотошные ученые, исследователи старинных грамот. Это ли не основание считать большинство исследуемых грамот подложными?

Крайне редко (Гинцель называет три случая) пятнадцатилетние циклы пытались использовать для счета текущего времени (на некоей пасхальной свече и в известной мастерской поддельщиков – французском монастыре Корби)⁷⁰.

дней (а не лет) и притом от столь древней даты, что никаких отрицательных дат у него не появлялось.

⁶⁸ Отца Йозефа Юстуса звали Юлий Цезарь, что породило подозрение у ряда историков в том, что это название было связано с именем отца автора. Более радикальная позиция такова: сам знаменитый юлианский календарь восходит не к Каю Юлию Цезарю, как принято считать, а к Юлию Цезарю Скалигеру. Ю. Ц. Скалигер был одним из ведущих умов своего времени, знаменитым филологом и лингвистом, учителем как своего не менее знаменитого сына, так и автора знаменитых пророчеств Нострадамуса. Длительность юлианского цикла измеряется в днях, а не в годах: она равна числу дней в следующих друг за другом $28 \times 19 \times 15 = 7980$ годах.

⁶⁹ Селешников в «Истории календаря и хронологии», 1977, утверждает, что этот цикл, который он, повторяя принятое в западных языках наименование, называет индиктионом (провозглашение, объявление, специальное обложение), использовался в Римской империи: каждые 15 лет там, мол, взималась чрезвычайная (какая?) подать. Если учесть, что под Римской империей скорее всего фигурирует ранняя Священная Римская империя, то тезис о позднем введении этого понятия подтверждается.

⁷⁰ Единственным разумным обоснованием индиктиона следует считать то обстоятельство, что средняя продолжительность правления в длительных династиях близка к 15 годам. Индиктион мог представляться более удобным (для счета, например), чем 19-летний лунный цикл Метона (каждые 19 лет фазы Луны приходятся на одинаковые числа месяцев) для ведения хронологических записей.

К чести гуманистов следует заметить, что некоторые из них, не прикрываясь почтенным прошлым, издавали свои творения под собственными именами: так, например, Хартманн Шедель издал «Всемирную хронику» (1493) не на искусственно состаренной латыни, но на хорошем литературном немецком⁷¹, с картой Германии Г. Мюнцера. Вот здесь и начинается научная (в нашем понимании) мысль.

Я хотел бы подчеркнуть, что Гертруда Бодманн своим исследованием сослужила нам добрую службу; я использовал ее изыскания и основные выводы, рассмотрев их, однако, с новой точки зрения.

Сама исследователь часто апеллирует к Ле Гоффу, открывшему своими работами новое окно в средневековье. Обратимся и мы к работам этого выдающегося историка XX века.

Глава 7. РОЖДЕНИЕ ЧИСТИЛИЦА

В 1981 году знаменитый историк Жак Ле Гофф⁷² представил общественности результат своего напряженного труда (частично основанного на книге Бар, 1946): он выпустил в свет основополагающий труд «Рождение чистилища» (*Purgatorium*), в котором рассмотрел становление и развитие этого понятия с церковной точки зрения. К сожалению, ему не хватало широты взгляда, и, поскольку он свою основную мысль заранее четко сформулировал, ему все время приходится менять другие свои представления. Верующий католик, о многих вещах он судил исключительно предвзято, оставался глух к идеям, не отвечающим догме. Тем не менее я обращаюсь к его работе, так как, во-первых, в ней дан обзор научных представлений по этой теме, которым уже пользуются современные историки (например, Бодманн); во-вторых, анализ его ошибок и заблуждений будет полезен для решения той истинной проблемы, которую он старается скрыть от читателя.

Прежде всего, Ле Гофф устанавливает (с. 12), что существительного «чистилище» (*Purgatorium*) до XII века не было, а было лишь прилагательное «очистительный» (*purgatorius*, – a, – m). Подразумевался при этом – огонь. Эта тонкость (впрочем, известная и ранее и в такой строгости не соответствующая истинному положению вещей) приводит его к открытию, что понятие о чистилище, явившись теологическим новшеством, распространилось на Западе, начиная с 1170 года. Если же слово «чистилище» встречается в более древнем тексте, то в этом, по мнению Ле Гоффа, нужно искать либо вину переписчика, либо попытку «улучшения» рукописи, либо неверную датировку.

Однако в то время слово *Purgatorium* (не в смысле чистилище) было довольно употребительным словом в повседневном обиходе, не имевшим теологической привязки. Оно означало юридически законный публичный божий приговор (в основном кару, связанную с огнем, от греч. *Pyg* – огонь); но в то же время и некое медицинское действие – изгнание и очищение (*purgare*); того же корня и слово *Purgamentum* (мусор, сор, дрянь, но и – оправдание,

⁷¹ Естественно, на немецком своей эпохи. В недавнем переиздании книги ее пришлось снабдить длительным введением и обширным комментарием, так как язык «Всемирной хроники» нелегко для понимания. Кстати, в датировке 1493 годом можно усомниться. Она была внесена от руки на один из сохранившихся экземпляров книги в XVII веке и основана на анализе сопровождавших появление книги документов. Однако традиционную датировку этих документов никто критически не проверил.

⁷² Жак Ле Гофф (родился в 1924 году в Тулоне) – один из ведущих представителей третьего поколения французской «Школы Анналов», совершившей в XX веке малую революцию в исторической «науке». Вместо «исторических событий», отдельных личностей и внешней политической канвы Школа поставила в центр своих исследований понимание исторических процессов, подробное исследование быта и хозяйства в разные эпохи, образа мыслей и т. н. ментальности. На большую революцию, охватывающую еще и новый подход к хронологическим представлениям, представители Школы не решились. Ле Гофф был членом редколлегии «Анналов» и президентом Школы высших исследований после Люсьена Февра и Фернана Броделя, виднейших представителей двух первых поколений Школы.

очищение от греха).

В текстах так называемых отцов церкви, созданных предположительно в поздней античности, часто встречается выражение *ignis purgatorius* (огонь очистительный), где понятие «огонь» присутствует в обоих словах: *ignis* и *purg*. Кроме этого, отцы церкви часто пишут о *flumen purgatorius*, очистительном потоке. Встречаются и другие похожие выражения, так что, вообще, возникает впечатление, что позднеантичные авторы, «уже не вполне понимая значение», употребляли слово «огненный» лишь в переносном смысле. Такой представляется мне поздняя ступень развития, но не начало формирования понятия.

Логический ряд должен выглядеть примерно так: сначала *Purgatorium* было синонимом телесного либо духовного очищения, затем *ignis purgatorius* стал употребляться в качестве теологической концепции. Иначе говоря, сначала были сочинения о чистилище XII–XIII веков, затем появились тексты (якобы II–IV века), оправдывающие отцов церкви, извлекших из сравнительно примитивного чистилища в виде некоего (языческого) места и придавших в эпоху Ренессанса этому понятию духовный смысл: одного из видов наказаний в потустороннем мире. Но окажись мы в еще полуязыческом мире Ирландии XII века и узнай о взглядах на чистилище святого Патрика как о связанном с определенным местом на Земле, мы были бы весьма удивлены точкой зрения отцов церкви.

Профан или специалист, христианин или анархист – всякий западный человек представляет себе чрезвычайную важность понятия чистилища. Оно (в известной степени) является характеристичным отличительным признаком между Восточной церковью (византийской) и Западной (римской); и что оно послужило поводом к спору об отпущении грехов, каковой (спор) привел к разделению уже Западной церкви на реформированную (евангелическую) и католическую. Это понятие смелее даже сверхсовременной теории относительности, ибо описывает место, лежащее вне любых возможных географических координат и вне любых известных временных размерностей.

Через наказание чистилищем проходят и добрые души: ведь и на них лежит первородный грех. Оно находится в параллельном времени, которое лежит между смертью каждого отдельного человека и Страшным судом, – то есть вне наших обычных представлений о времени и пространстве. В чистилище страдают Адам и Моисей, папа Петр I, Блаженный Августин и папа Иоанн XXIII (я имею в виду папу XX, а не XIV века). Тем не менее это место – не вне нашего мира, ибо доступно путем молитвы и жертвы (рис. 16; 17).

Жак Ле Гофф, впрочем, сводит католические представления к следующему делению на три части: небеса – чистилище – ад. Трехчастно и католическое божество. Однако в средневековых текстах представлены более многосторонние точки зрения. Часто встречаются «симметричные» представления: небеса как вечная обитель спасшихся; преисподняя как вечное место проклятых; *Refrigerium* (прохлада, освежение, утешение) как временный приют для добрых душ; *Purgatorium* (исправительный лагерь) как перевалочный пункт для грешников.

Представления о подобной симметрии царили в XI–XII веках. Об этом свидетельствует и написанный в это же время Новый Завет с его четкими представлениями на эту тему. В притче о Лазаре (Евангелие от Луки, 16, 22–31) оно Авраамово предстает в виде *Refrigerium*. Прежде *Refrigerium* был совместной трапезой близких у могилы усопшего (поминки). Церковные писатели сделали *Refrigerium* областью в потустороннем мире. Павел (1 Кор., 3, 13–15) указывает на чистилище, но делает это в туманных выражениях. Быть может, понятие чистилища осознанно затемнялось лишь в более позднее время: чтобы не произносить слишком определенно то, что здоровое народное сознание все равно изменило бы по своему представлению.

В основе понятий о *Refrigerium* и *Purgatorium* лежат чисто языческие представления, объяснимые, пожалуй, сегодня лишь с позиций индийской философии кармы. Все поступки человека – даже второстепенные, вроде смеха или пустословия – записываются на небесах в его персональную книгу; после смерти каждая душа человеческая вынуждена страданиями в течение определенного времени – в подобии ада, в огне и пустыне, в жажде и тоске – искупить вину. Впрочем, заплатить за грешника могут своими щедрыми искупительными подаяниями и благочестивые родственники.

Представления о карме, нехристианские по сути своей, являются для Запада новыми, но

можно понять, когда именно они появились после первых крестовых походов. То есть Ле Гофф не ошибся в расчетах: «рождение чистилища» состоялось в XII веке (может быть, чуть позже). Выводить эти представления из Нового Завета и писаний отцов церкви – бессмысленно. Все это появилось одновременно.

Предпринятая с благими намерениями попытка христианской церкви создать некий мостик, некое взезное место для передышки между жестоким и безвыходным адом/геенной/шеолом и счастливыми райскими кущами, должна была облегчить конкуренцию с исламом и иудаизмом, которые «воздвигли» на этом месте непреодолимую разграничительную стену. Bravo, bravo! Но тот, кто попытается представить эти представления как детище вымышленного, никогда не существовавшего в описываемой традицией форме тысячелетия, тот вырвет почву из-под ногу авторов описанной попытки. Не Евангелие или послания Павла, но религиозная конкуренция, требования времени и страх перед неискоренимыми народными суевериями заставили церковь несколько «смягчить» условия пребывания в потустороннем мире.

Ле Гофф анализирует сочинения всех возможных предшественников, например, о Перпетуа (203). Хотя, как пронизательно заметила ученица К. Г. Юнга Мария-Луиза фон Франц, текст этот скорее подошел бы Фоме Аквинскому (XIII век). Это произведение, как показывает уже его заголовок *Passio Perpetuae et Felicitatis* (Страдания вечно сущих и блаженных) представляет собой на самом деле суфийский трактат, – он появился около 1200 года, в расцвет суфизма, – несколько непривычный, но вполне понятный западному читателю. История о заключении в темницу двух дев (Перпетуа и Фелисита) с тремя их товарищами мужского пола и их гибели на арене со львами столь далека от реальной жизни, что всегда воспринималась на Западе без каких-либо проблем как нравоучительная аллегорическая картинка, способствующая размышлениям о благонравном поведении и образе жизни. Историческая подоплека у этой истории никогда всерьез не предполагалась. Тем не менее Ле Гофф, а вместе с ним весь ученый мир, не сомневаются в том, что в 203 году, в правление императора Септима Севера, Перпетуа с товарищами была растерзана львами на арене карфагенского цирка. «Даже самые строгие критики не сомневаются в подлинности событий из исходного текста» (с. 74). Тертуллиан, отец церкви, не писал (даже частично) этот текст, – но он якобы был свидетелем описанных событий в Карфагене. Для меня же, напротив, Перпетуа (вечносущая) это имаго, литературный вымысел, образ, заслуживающий любви и уважения, но не имеющий пропуска в историю. И создан этот образ тысячелетием позже, чем указанная выше дата.

Поскольку мне еще не раз придется повторять выражение «тысячелетием позже», я хочу высказать предположение: возможно, в ту далекую эпоху (в католической Португалии, кстати, это принято и по сей день) годы при датировании записывали, опуская первую цифру, обозначающую тысячелетие. То есть вместо принятого у нас 1998 там написали бы 998. Следовательно, 1001-й стал бы просто 1 годом. В то время только что появилось летоисчисление «от Рождества Христова», и 203-й в нашем понимании вполне мог быть 1203-й в старой традиции (без цифры тысячелетия). Тогда все сходится.

Тексты о девственных мученицах, гибнущих в львиных пастях, отвечали духу времени (XII века); их охотно копировали и передавали в назидание будущим поколениям именно в это время. Впрочем, возможно, и переписывали и передавали опять-таки монахи в еще более позднее время.

Как, например, Абелия, введший в XII веке революционную для своего времени библейскую экзегезу, которую – а как же иначе! – семьястами годами ранее использовал Блаженный Августин. Это пишет Ле Гофф.

Или же Киприан (латынь, середина III века), которому приписывают текст (Послание к Антонину), в котором упоминается чистилище. Ле Гофф это отвергает, и справедливо, но не делает вывод, что тем самым этот текст мог быть создан только после 1170 года.

При этом противоречие, вскрытое известным историком, само по себе служит ключом к разгадке. Ле Гофф отмечает (с. 79), что два греческих богослова, Климент Александрийский и Ориген (оба – III век) ввели понятие чистилища, но византийский патриархат отказался от этого новшества. Рим, напротив, его принял, что, правда, впервые зафиксировано лишь в решениях

Лионского собора (1274). На самом деле, окончательно оно было одобрено решением Флорентийского собора (1438-1439), и по этому вопросу между обеими церквями развернулась непримиримая борьба.

История этой борьбы подсказывает мне два вывода: во-первых, оба греческих богослова были вымышлены латинской церковью; во-вторых, Лионский собор XIII века состоялся тотчас после раскола римской и материнской византийской церквей. Следовательно, тексты Климента и Оригена созданы в XIII веке.

Оригену, к примеру, известен первородный грех, искупить который можно лишь пройдя испытание огнем. Утверждение, что все люди должны пройти через огонь, заложено в иранской Авесте и сходных текстах, ставших известными на Западе только с началом крестовых походов, если не позже. Вроде бы из анализа Ле Гоффа (с. 83) становится ясно, что тексты Оригена писались примерно в это время, хотя его мысль о том, что *все люди* спасутся, а также употребление недели в качестве апокалиптической меры времени («Учение о возрасте вселенной») типичны скорее для позднего средневековья. Представления его о чистилище не столь красочны, сколь одухотворенны, что доказывает его принадлежность к позднейшей эпохе. Ориген, считавший, что он трудится во славу и в духе церкви, был впоследствии объявлен еретиком, а работы его – запрещены.

Приговор Клименту Александрийскому был вынесен в предыдущей главе.

Все остальные описатели чистилища были латиняне.

Августин

Предлагаю принять точку зрения Ле Гоффа (даже сомневаясь иногда в его датировках), что в католической церкви имело место некое развитие, которое, после ожесточенных дискуссий, привело к появлению чистилища. Развитие это продолжалось довольно короткий период, а именно с XI по XV век.

Разумеется, в хронологии Ле Гофф тоже не новичок. Он позволяет себе известную долю критики текстов, даже по отношению к Священному Писанию, по меньшей мере в случае не самых священных текстов. Книга Еноха ⁷³, по его мнению, составлена из разных, противоречащих друг другу частей, и вряд ли могли быть написаны самим «Енохом» (третье тысячелетие до н. э.). Некоторые части не могли появиться ранее XII века. Однако Енох принадлежит дохристианской эпохе, то есть он должен быть минимум на тысячелетие старше. И все-таки Ле Гофф избегает единственно возможного вывода о том, что текст был написан после крестовых походов, продолжая придерживаться прежней датировки, более ста лет назад оспоренной христианскими учеными.

Существует также 4 книга Ездры (самое позднее – «120 год н. э.»), иудейский текст, долженствующий служить доказательством дохристианского происхождения чистилища. Старейшая рукопись должна относиться к IX веку, хотя, возможно, следовало бы прибавить одно-два столетия. Греческий оригинал, разумеется, утрачен. В книге содержится спор: покоятся ли умершие до Страшного суда (как считали верующие вплоть до эпохи возрождения) либо тотчас же по смерти подвергаются наказанию за грехи содеянные (идея чистилища). Очевидно, что спорный вопрос перенесен в прошлое, в XII век, однако исследователь не хочет признать того, что обращение к дохристианским временам затеяно для того, чтобы задним числом создать остов для Нового Завета. С точки зрения догмы XII века спор решен безусловно: после смерти злодеи блуждают в потьмах, а добрые христиане покоятся в своих гробиках до Страшного суда. То, что Климент Александрийский цитирует этот текст, выдает его с головой: по Ле Гоффу, он является одним из двух «отцов чистилища».

⁷³ Речь идет об еврейской книге Еноха, которую Лексикон Майера датирует прил. годами 200-300 н. э., в отличие от более древних эфиопской (между 170 и 30 до н. э.) и славянской (до 70 н. э.) В Священное Писание не входит: Книга Еноха «всегда признавалась Церковью апокрифической и, очевидно, составляет творение более позднего времени» (Библейская Энциклопедия, Москва, 1891). Енох седьмой из десяти мифических патриархов Израиля, в возрасте 365 лет вознесенный живым на небо. В Ветхом Завете о нем мало информации.

Святой Амвросий тоже попался на эту удочку: обильно цитируя (и считая языческой) 4-ю книгу Ездры, он саморазоблачается как продукт эпохи гуманизма. К сожалению, он обращается и к Евангелию от Иоанна (14, 2; «в доме Отца моего обителей много»), ставя тем самым и этот стих под подозрение: а не написан ли и он много позже, не поздняя ли это вставка?

Существует также несколько апокалипсисов, например Ездры (в трех частях), дошедший до нас в двух рукописях – XI и XII века. Древнееврейский оригинал, как всегда, утрачен (см. О. Валь, Лейден, 1977).

Есть также Апокалипсис Петра, «написанный около 1000 н. э.», высоко ценимый святым Патриком (около 1200 года). Апокалипсисом Петра восхищался Данте. Помимо греческого, существует его эфиопский список (Хеннеке и Шнеемельхе).

Ле Гофф сообщает простодушному читателю новейшие данные об операции подлога, но никаких выводов не делает. Например: известный текст Петра Дамиани (умер в 1072 году) восходит (самое раннее) к Никола Клерво, секретарю святого Бернара, который в 1176 году был еще жив. Рукопись состарена на 100 лет, фальшивка приписана славившемуся безукоризненным поведением человеку, но ни возмущения, ни выводов мы не слышим. В том же стиле тексты Хильдеберта фон Мана (ум. в 1133) приписаны – как я предполагаю, по стилистическим соображениям – некоему «Петру Обжоре», учителю колледжа парижской Богоматери, скончавшемуся пятьюдесятью годами позже. Тем не менее Ле Гофф, ради спасения идеи «рождения чистилища» в 1170 году, эти тексты признает (с. 490).

Еще один вопиющий пример: текст, который в средневековье, возможно, рассматривался как доказательство подлинности Августина, – *De vera et falsa poenitentia* (О наказаниях истинных и мнимых), – происходит из XII века; старейшая рукопись написана незадолго до 1200 года. Как же могли его знать писатели раннего средневековья? Могли, если сами были вымышлены позже.

Кстати, согласно Ле Гоффу, самое раннее наглядное изображение чистилища – это миниатюра 1296 года; следующее – миниатюра 1380 года, и еще фреска в Старом соборе в Саламанке, причем датировка (ЭРА 1300 = 1262 год н. э.) проставлена на самой фреске. В последнем случае Ле Гофф при помощи цитирования мнения экспертов убедительно доказывает (а я после осмотра фрески подтверждаю), что для стилистического соответствия выставлена более поздняя (приблизительно на 100 лет) дата. Как мы видим, даже зафиксированные окаменевшей известью сведения могут лгать.

Ле Гофф, конечно же, прав! Разумеется, чистилище появилось поздно, что видно хотя бы по реакции на это понятие не католических церквей, например, чешской. Гус страстно возражал против подобной идеи. Вальденсы⁷⁴ насмеялись над ней. Катары⁷⁵ находили ее абсурдной. Но если бы идея чистилища было заповедана отцами церкви еще тысячу лет назад, какой христианин – вне зависимости от догматики того или иного течения – смог бы отрицать ее?

Итак: отцов церкви, о которых пишет Ле Гофф, никогда не существовало. Или, по крайней мере, они жили никак не раньше, чем в XII веке, а некоторые лишь в эпоху Возрождения.

Отрывок из Книги Маккавеев, который старые церковные авторы считали доказательством дохристианских представлений о чистилище (2 кн. Маккавеев, 12, 41-46), считается большинством современных богословов позднейшей вставкой, так как темы жертвы за мертвых и страшного греха, заключающегося в ношении амулета, выглядят анахронизмом для того времени. Да и жертвенный сбор в 2000 драхм, посланных в Иерусалим, – это звучит несерьезно: не та сумма! Спрашивается: как вычленишь подобные вставки? Как объяснить их и

⁷⁴ Вальденсы или лионские бедняки – секта, основанная якобы около 1170 г. богатым лионским торговцем Пьером Вальдесом, раздавшим свое имущество бедным и начавшем проповедовать по-французски. Ересь распространилась на многие страны от Испании до Чехии. Скорее всего датировка этих событий сдвинута на несколько веков в прошлое. Расправа французских войск с вальденсами в 1545 году и близость их воззрений к таковым эпохи реформации говорят в пользу возникновения движения в конце XV века.

⁷⁵ Катары – христианская ересь, якобы восходящая к манихейству IV века и болгарским богомилам X века, разгромленная во Франции якобы в начале XIII века крестоносцами. Тем не менее катары якобы просуществовали до XV века. Скорее всего их расцвет и ожесточенное преследование следует отнести к XV веку.

широту их распространения? Существовал ли вообще некий первоначальный текст? Или – напрашивается мысль – все это написано в позднем средневековье или раннем Ренессансе?

Конечно, Блаженный Августин для Ле Гоффа – «истинный отец чистилища» (с. 92), особенно после 413 года; но мы теперь знаем, как воспринимать даты. В 1413 году жили известные нам сегодня монахи, чьи мысли и чувства полностью соответствовали мыслям и чувствам Августина. Честь точного воспроизведения их имен и биографий я оставляю добрым христианам, буде они заинтересуются этим вопросом.

Еще одну серьезную проблему Ле Гофф (с. 133) представляет так: «После Григория Великого и до XII века, – то есть в течение 5 столетий, – понятие о чистилище не развивалось». Он приводит длинные объяснения, но все гораздо проще: этого времени никогда не существовало, оно выдуманно. Ибо без развития жизнь немислима.

Чтобы спасти пропавшие пятьсот лет, на сцену выводится тройка испанских епископов: Тахон Сарагосский, Исидор Севильский и Юлиан Толедский. Так как они освещают исследуемую тему практически одинаково и цитируют греческих отцов церкви, то их выход на сцену истории доказывает то, во что я не хотел верить. В VII столетии в варварской Испании (так выражаются епископы, упоминая вестготов) эти церковные писатели познакомили нас с истинным учением о чистилище. Несмотря на массу сохранившихся рукописей книг Исидора, они по ряду причин (как показал в свое время Оливейра) никак не могли быть созданы ранее X века. Не древнее Исидора и Юлиан. Кто его придумал, мы тем временем знаем. Помните? Антонио де Гевара. А Тахон практически никому не известен.

То, что тексты Исидора восходят к X веку, – это очень важно. Вот когда начинается неарианское христианство Западной Европы: примерно в одно время с Византией и не более чем поколения спустя после Армении и Аравии.

Что с того, что известный теолог Мануэль Диас и Диас (1972) приписывает один из текстов Исидора его некоему безвестному современнику-ирландцу. Не географические, но лишь хронологические обстоятельства способны приблизить нас к истине.

Взгляд в прошлое

Давайте представим себе людей эпохи, в которую, по мнению Ле Гоффа, возникло чистилище (а значит, и католическое христианство), – конца XII века.

Эти люди верили в возрождение и в воздаяние за грехи (пусть даже и не в кармическом смысле). Возникновение понятия чистилища, связанного с земными деяниями человека, неотделимо от языческих представлений. Тот, кто верит в возрождение, верит и в чистилище. Иначе говоря, чистилище есть суррогат возрождения, при котором личность очищается.

Конечная цель – бессмертие – в одной отдельно взятой жизни недостижима. Это было ясно всем. И поскольку новая христианская идея о конечном времени не допускала возвращений, отменяя тем самым возрождение, – его (возрождение) нужно было чем-то заменить, дать человеку шанс хотя бы и на языческое очищение огнем, не отменяющее идею возвращения Христа. Так чистилище получило право на существование. Закон воздаяния и неизбежность очищения после бренной жизни (то есть Purgatorium как исправительный лагерь и огненное откровение) – вот философские предпосылки для изобретения чистилища. Таким образом, речь идет о языческом наследии, но не в античном (греко-римском) смысле, каким его хотят представить, – а в нашем исконном, которое от нас хотят скрыть. Навязывание в готической Италии и Германии Ренессанса (особенно после 1430 года) античных богов есть не что иное, как попытка создания новых временных представлений для преодоления немецкого язычества. До этой мысли дошел в свое время еще Каммайер.

Ссылаясь на Ле Гоффа, я хочу углубить эту мысль. Различимы две фазы проектирования в прошлое: одна – XII века (медленно, но верно ученым становятся известны ее плоды); вторая – Ренессанса, более радикальная и основательная, создавшая до исторического времени 1200 года совершенно виртуальную «христианскую эпоху», переход от римской античности к новому гнози-су, которой в таком виде никогда не было. В хронографическом смысле это – мошенничество.

Впрочем, одно дело – приписать какому-нибудь монаху (хотя бы Бернару Клерво или его

секретарю) тексты, написанные столетием позже, – курьез, в худшем случае – небольшой скандал в научных кругах. Да, это тоже – мошенничество, пусть и мелкое. Но ввести в историю целое тысячелетие, расположив в нем выдуманную, никогда не существовавшую на самом деле раннехристианскую церковь – это совсем другое дело. Это попытка глобального мировоззренческого нововедения.

Замыслив пустить корни в античность, которые должны были укрепить ее претензии на власть, церковь постепенно, шаг за шагом, сама эту античность и создала, почти христианскую античность. На ее счастье, сельджуки как раз захватили Анатолию, а некоторое время спустя османы завоевали Византию. Властители Ватикана, уже тогда обладавшие большими финансовыми возможностями, не посылали в Константинополь подкрепления, а заключали торговые договоры с турками. Они мыслили не геополитически, но спиритуалистически. Они создавали свой собственный вариант церкви, усеченный, но обозримый и управляемый: без несторианцев⁷⁶ и якобитов⁷⁷.

Константинопольские беженцы-христиане ревностнее прочих взялись за создание новой истории. Первым делом, они изобрели себе новую, удлинненную историю. Они облагораживали себя причастностью к христианству, что отвечало духу времени. Это чувствуется в их текстах и вызывает восхищение их храбростью. Буйство фантазии в их текстах приводит в изумление. Но удлинение исторического времени на тысячу лет, абсурдное и сегодня, в то время еще не было нужно. Тексты греко-латинских авторов, которые стали считаться отцами церкви, – суть измышления византийских беженцев и их учеников. Можно только гадать, что они заимствовали из более древних текстов, которые подтверждаются сирийскими, армянскими и даже эфиопскими рукописями. Сводился ли процесс к записи воспоминаний о событиях до 1000 года – спорный вопрос. Истинных прямых связей установить не удастся, а если они в свое время и существовали, то, значит, в дело своевременно вмешалось Святое бюро (инквизиция), которое и положило конец этим безобразиям, устранило их.

И все же создавались поперечные соединения, которые впоследствии стали считаться надежными свидетельствами для истинности текстов.

Давайте (вместе с Ле Гоффом) рассмотрим еще нескольких героев средневековой церкви, например, Бэду Достопочтенного (его действительно так и называют: *venerabilis*, т. е. почитаемый, окруженный уважением), который в первой трети VIII века якобы много раз ездил из родной Англии в Рим⁷⁸. Такое представление о потусторонней промежуточной области (Бэда описывает его в форме видения Дритхельма в своей знаменитой «Проповеданной истории народа англоv») до него в церковной истории не встречалось. Собственно, это описанное переживание смерти, наподобие рассказа героя Платона Эра (см. также Топпер, 1988, с. 19). В потустороннем мире существуют Небеса и Ад, Райские луга и Чистилище; большую роль играет исповедь (именно к XIII веку она стала обязательной). Тема чистилища, которое здесь как нечто само собой разумеющееся расположено в потустороннем времени и пространстве, вновь возникла (согласно Ле Гоффу) только в XII веке. Молитвы-ходатайства, пост и подаяние нищим, поощряемые Бэдой, входят в обиход только при аббате Одилоне (ум. в 1049), скорее всего, «состаренном» на целое столетие, потому что все это уже переживает Дрихтхельм в «Книге Видений» Отлона Регенсбургского (см. Бар, с. 1006).

Чистой воды анахронизм – содержащееся в «Проповеданной истории» осуждение

⁷⁶ Несторианство – распространенная в Азии от Сирии до Китая версия христианства. Временем расцвета считаются XII–XIV века, когда в Средней Азии насчитывалось 10 несторианских митрополитов. История происхождения легендарна и приходится на выдуманное первое христианское тысячелетие.

⁷⁷ Якобиты – сирийские монофизиты (от *монос* = один и *физис* = природа, сторонники взгляда на Христа как обладателя только божественной сущности, а не двух: божественной и человеческой). Считается, что их церковь восходит к Якову Барадею, умершему якобы в 578 году. Здесь используется как намек на все разнообразие течений византийского христианства и связанных с ним теологических позиций.

⁷⁸ Сохранились его командировочные удостоверения и ксерокопии его авиационных билетов. Уровнем обслуживания в первом классе достопочтенный пассажир был в принципе удовлетворен.

соколиной охоты и употребления растений – афродизиаков (то и другое пришло в Европу и Англию через арабов во время крестовых походов).

Дальше – еще интереснее. В ночь перед смертью монаху монастыря в Райхенау Ветти (ум. в 824) было видение, записанное аббатом Хайто и превращенное впоследствии более поздним аббатом Валафридом Страбоном в стихотворный эпос, в поэму, которая своей барочной антисексуальной направленностью выглядит совершенным анахронизмом, заблудившимся как во времени, так и пространстве. В поэме святого Карла Великого терзают дикие звери и откусывают ему детородный орган (и больше ничего), так как он имел обыкновение вступать во внебрачные связи и даже практиковал инцест. Возможны ли были подобные обвинения спустя считанные годы после смерти Карла? Пусть даже все это выдумал не Ветти, а сам Валафрид (ум. в 849), – все равно это звучит для того времени невероятно: слишком рано для тематики! Осуждение содомии и женской похоти становится злободневной темой самое раннее во время чумы, а скорее даже – в позднем Ренессансе.

Валафрид, носивший, как некоторые лицемеры-фальсификаторы, античное прозвище Страбон, – опубликовал, кстати, «Жизнеописание Карла Великого» Эйнхарда и протестовал против того, чтобы в соборе Карла в Аахене устанавливали статую короля остготов Теодориха. Однако даже без историко-архитектурных изысканий Иллига (1996) ⁷⁹, доказавшего, что погребальная часовня Карла (см. рис.) выстроена на несколько столетий позже, чем эпоха Карла, становится ясно, что подобные нелепицы могли возникнуть в позднем средневековье, но не при жизни современников Карла ⁸⁰.

Валафрид выдает себя еще и тем – или это должно было послужить «одним из необходимым перекрестных свидетельством»? – что он цитирует «Диалог» папы Григория Великого. Папу этого следует отнести к Ренессансу, да и это сочинение тоже, как видно из его текста. Я хочу привести очень характерный отрывок из книги Ле Гоффа (с. 121 и далее), в котором французский автор использует изобразительные образы:

«Прежде чем Григорий Великий надел рясу, он занимал должность префекта Рима, ответственного за вопросы жизнеобеспечения столицы и родной Италии, которая стала добычей византийцев, готов, лангобардов и чумы. Кроме этого, он был папским послом при дворе византийского императора. В 590 году, при драматических обстоятельствах, он был призван на папский престол. Тибр вышел из берегов и затопил Рим, причем это бедствие сопровождалось сеющими страх чудесными явлениями. В первую очередь это первая и страшная по своим последствиям волна эпидемии (юстинианская) черной чумы, уничтожившая большую часть населения. Это была одна из самых страшных крупномасштабных эпидемий этой страшной болезни, возникающая за полстолетия до этих событий в отдаленных странах и охватившая Среднюю Азию, Византию, Северную Африку и европейское Средиземноморье ⁸¹.

⁷⁹ Хериберт Иллиг – упоминавшийся уже и раньше немецкий критический автор, один из ведущих деятелей историко-критического направления в Германии, редактор и издатель единственного в Германии специализированного «толстого» историко-критического журнала «Zeiten-sprünge»-«Временные прыжки», который издается с 1995 года как продолжение «тонкого» междисциплинарного бюллетеня «Vorzeit; Friihzeit; Gegenwart» («предвремье, раннее время и настоящее»), выходявшего с 1889 года. Иллиг руководит также издательством «Mantis», в котором публикуются книги на историко-критические темы.

⁸⁰ Один из основных тезисов Иллига, снискавших ему известность как автору первого в Германии историко-критического бестселлера конца XX века, сводится к тому, что не только сам Карл Великий – это выдуманная фигура, но и весь средневековый период с 614 по 911 годы суть фантомная хронологическая вставка, искусственно заполненная фигурами из исторических романов, среди которых Карл Фиктивный лишь самая известная.

⁸¹ Скорее всего, это фантомный вариант эпидемии чумы XIV века, охватившей приблизительно те же страны (сдвиг около 760 лет). Следовательно, речь идет о приблизительно тех же путях сообщения и о почти тех же интенсивностях их использования. Поразительная стабильность в течение почти восьми веков, возможная только на бумаге!

Подобно Цезарию⁸² и даже – соответствуя своей функции, личности и историческому моменту – превосходя его, стал Григорий пастырем Конца времен. Убежденный в близости конца света, страстно принялся он за дело спасения христианского народа, ответ за которое ему пришлось вскоре держать перед Богом. Христиан своей страны вдохновлял он, будучи великим организатором, на процессии и свершение обрядов, ...к иноземцам посылал миссионеров. Англичанам, вернувшимся в язычество, послал он миссию в Кентерберги, которая начала – якобы повторное – христианское завоевание Великобритании. Итальянцам подарил он книгу легенд о святых, выделив среди местных Отцов церкви новопреставленного монаха Бенедикта из Монте Кассино как одного из величайших в христианстве святых. Что с того, что никто из христиан, которых нужно было спасти, не воскрес из мертвых? Великая сила сострадания Григория по поводу конца света не оставляет их и по смерти».

Даже если закрыть глаза на весь пафос языка, небольшой этот отрывок содержит такое количество изобретений, что одна эта их скученность полностью перечеркивает этого сказочного Сверхпапу как исторического персонажа. Например, укажем на многочисленные упоминания в церковных текстах эпидемий чумы (следующая после уже упомянутой якобы была в 744-747 годах). Исследования, проведенные историками медицины, не подтверждают ни одной вспышки чумы до XIV века. Фантомные проекции чумы как природного явления, не поддающегося контролю со стороны церкви – это уловка церковников с целью объявить такие природные катастрофы привычным явлением, чтобы избежать неприятных вопросов о причинах этих бедствий.

Во 2-й книге «Диалогов» Григорий не только «выдвигает» (выражение Ле Гоффа, с. 241 и далее) святого Бенедикта из Монте Кассино (529; полностью вымышленная фигура) в основатели монашества, но и создает в 4-й книге теологические основания для чистилища, поспешив (даже с точки зрения Ле Гоффа) лет эдак на шестьсот. Впервые лишь в «Книге чудес» Петра Дамиани (предположительно написанной в 1063-1072 годах), некоего монаха из Монте Кассино, – души возвращаются из чистилища, чтобы просить помощи у живущих либо предостеречь их от свершения грехов. Дева Мария – ни много, ни мало именно в ночь на 15 августа (Успение Богородицы) – освободила на один год несколько душ, усиленно предававшихся в молодости половым утехам (с. 243). Таким образом, налицо длительный временной прыжок, языковой и смысловой анахронизм, касающийся воскресения из мертвых и культа Девы Марии.

Святой Патрик

Ле Гофф неутомимо движется вперед. В 1116 году в северо-восточной Франции появился «психоаналитический» роман о чистилище Губерта Ногентского. По изобразительной силе его превзошел монах из Монте Кассино Альберик Сеттефрати, в десятилетнем возрасте (в 1110 г.) пролежавший девять дней в коме. Ребенок имел при этом видение, которое он десять лет спустя пересказал своему аббату, записавшему его. Дальнейшие переписывания многочисленными монахами настолько исказили этот текст, что еще через десять лет (около 1130) за его правку взялся Петр Диакон. Текст в его редакции дошел до наших дней. Он стоит в ряду видений, пишет Ле Гофф (с. 251), уже знакомых нам по творчеству послушников Монте Кассино: вышеупомянутых Перпетуа и Фе-лисита (II век), Ветти (IX век), автора «Жизнеописания Святого Брендана» и других. Этот сомнительный ряд реципиентов видений, а также странная история рукописи, искаженной уже через десять лет, заставляют предположить много более позднее написание текста. Описание видения занимает 20 печатных страниц и «представляет собой хаотическое нагромождение заимствований из различных литературных источников, изрядно сдобренное бенедиктинским патриотизмом» (с. 255).

То есть доверия вся эта история не заслуживает.

⁸² Цезарий фон Хайстербах (якобы 1180-1240) – средневековый писатель и историк города Кельна, якобы собравший в своих латинских «Чудесных диалогах» около 750 рассказов на историко-культурные и связанные с традициями темы. Скорее всего, апокрифическая личность эпохи Возрождения.

Равно как и красивая легенда о святом Анскаре, миссионере северной Германии, жизнеописание которого, созданное его последователем Римбертом, рассматривается (несмотря на вполне обоснованные подозрения в принадлежности к подделанным в XVIII–XIX веках летописным книгам из Корвея) многими учеными как подлинное. Пятилетнему монастырскому ученику уже являлась Дева Мария. Юношей он был настолько потрясен смертью императора Карла Великого, что впал в некое помраченное состояние, пережил подобие смерти, во время которой Петр и Иоанн (Креститель) показали ему чистилище. Три дня, проведенные в огненных муках, показались ему тысячью лет; затем он вернулся в сей мир с твердым намерением принять мученический венец (что, впрочем, впоследствии не подтвердилось). Кроме прочего, в тексте присутствует покаянная исповедь. Все это – моменты, появившиеся не ранее XII века.

Далее Ле Гофф знакомит нас с латинским пересказом (1149) «Видения Тнугдала Ирландского» (Бар, с. 106) – печатное издание 1882, Эрланген – и показывает, что в нем, наряду с идеей воскресения и кармой, представлена «частью индоевропейского наследия», как и легендарные ирландские короли (типичный продукт гуманистов). Ле Гофф удивляется тому, что ирландских королей всерьез принимают за исторических персонажей. Я удивляюсь тому, что Ле Гофф всерьез принимает датировку.

Или «Жизнеописание святого Патрика», ирландского миссионера (V век), написанное Г. Сэлтри, у которого рыцарь Овейн сопровождает якобы фигуру из романа короля Артура. Для теологического подтверждения истории о чистилище цитируются святой Августин и папа Григорий Великий (сочинения обоих я хотел бы отнести к XVI веку). Впервые роман был издан Мессингэмом в 1624 году; затем – иезуитом Колганом в 1647-м.

Ле Гофф, считающий ссылку на святого Патрика необоснованной, ссылается на первое упоминание книги около 1180 года, причем некоторые ученые отодвигают дату создания этого «бестселлера Средневековья» (якобы в 1190-м уже переведенного Марией Французской) в 1210 год. В 1497 году связанные со святым Патриком места паломничества в Северной Ирландии были прокляты тогдашним папой; в 1632 (и неоднократно в более позднее время) они насильственно уничтожались, но с 1790 года паломничество возродилось и стало весьма популярным. Сейчас Патрик – один из наиболее уважаемых ирландских святых. Из этого можно сделать вывод, что христианское почитание этих мест паломничества и соответствующая легенда сформировались значительно позже.

Преобразование

Некоторые из этих подделок разоблачались довольно скоро. Так, Абеляр (XII век) установил, что в знаменитом парижском монастыре Сен-Дени подделывались многочисленные рукописи, приписываемые часто Карлу Лысому. То, в чем я подозревал аббата Одилона Ключийского, похоже, подтвердилось: инок Йот-свальд приписал ему (Петр Дамиани повторил, а Яков Ворагинский в XIII веке занес в свою книгу «Золотая легенда») мысль о том, что следует ревностно молиться, поститься и жертвовать на спасение несчастных душ в чистилище. Ле Гофф пишет (с. 173): «К тому времени, как Йотсвальд и Петр Дамиани написали „Житие Одилона“, чистилище еще не родилось». Как, впрочем, не родился к тому времени и Достопочтенный Бэда, проповедовавший якобы за пятьсот лет до них то же самое.

«XII век стал эпохой взрыва (вспышки) латинского христианства» (Ле Гофф, с. 177). Вот именно! Предыдущее столетие церковь находилась в эмбриональном состоянии, а до этого покоилась в раю «нерожденных».

Но мы уже знаем (с. 183), что «литература XII века полнится апокрифами», то есть текстами, приписанными ранним, завоевавшим добрую славу авторам. Оригиналы во всех случаях отсутствуют. Самые ранние рукописи восходят к XIII–XIV векам, – сообщает Ле Гофф. Возражений у меня нет.

Для святого Августина испытания верующих и очищение страданиями начинается уже здесь, на Земле; в потустороннем мире все они – иначе какой же смысл в земных страданиях? – будут продолжать страдать до Страшного Суда. Это – довольно поздняя фаза развития концепции чистилища; я не решусь датировать ее ранее чем XIII веком. Григорий Великий идет дальше: позорные грехи могут быть искуплены страданиями в форме пыток прямо там, где они

совершались. Психологически убедительно, но не для поздней античности, а для ментальности раннего Ренессанса. Кстати, у Августина есть даже трактат о подаянии и молитве за усопших (*De cura pro mortuis gerenda*). Кто-нибудь когда-нибудь интересовался его происхождением?

Известный еретик Иоанн Скот Эриугена («IX век») точно обозначил потусторонний мир как «местность внеположенную», где души бестелесны. Правда, мысли эти (как и их гениальный выразитель) появились с опережением действительности на три столетия, так как в XII веке ту же тему в сходном духе подхватил прямой ученик Эриугены, ирландец, живший в Регенсбурге, – загадочный Гонорий Отенский⁸³ (Ле Гофф, с. 184).

Впоследствии тема встала на повестку дня, и наследие Скота Эриугены было, наконец, отдано на растерзание церковному суду.

Примерно с этого времени церковь принимается всерьез за еретиков, т. е. за всех сограждан, веривших в Христа, но отрицавших чистилище. Все они объявлялись еретиками. С 1184 по 1291 г. в основном в Ломбардии существовали пассагинцы, верившие в сильно иудаизированной форме в Христа, признававшие обрезание и превыше всего чтящие Ветхий Завет. Параллельно им существовали уже упоминавшиеся мной широко известные альбигойцы (катары); приверженцы Петра Вальдена – вальденцы и, наконец, павликиане⁸⁴, которых стали называть *publikanae* (от лат. – публичная девка). Эта грязная кличка приклеилась вскоре к еретикам всех направлений.

Большинство еретических направлений придерживалось вегетарианства и свободного взгляда на брак (по меньшей мере, не как на святое таинство); кроме этого, еретиков объединяло общее заблуждение: идея чистилища казалась им абсурдной. Один из бывших катаров, Райнер Сачеони, ренегат, ставший в 1250 году инквизитором и преследовавший своих бывших единомышленников, особенно подчеркивал это обстоятельство в своих обвинительных заключениях.

В 1235 году вопрос о чистилище стал яблоком раздора между церквями римской и византийской (находившейся в изгнании в Никее: Константинополь был в руках «римских» католиков). «Писание против греческих заблуждений» (1262), долженствовавшее примирить церкви, есть «собрание подделок, грубо выполненных и плохо сочетающихся друг с другом» (выражение Ле Гоффа, с. 381). На латинском соборе в Лионе чистилище было возведено в ранг догмы.

Осталось совсем немного: в 1319 году Данте завершил «Божественную комедию» и достроил христианское чистилище. Потусторонний мир окончательно разделился на три части. Исчез прохладный лужок для добрых душ в преднебесье на пороге рая; осталось преддверие ада для некрещеных детей и своего рода зал ожидания для античных язычников – в предчувствии приближающегося Ренессанса.

Зато святые и мученики без всякого судебного разбирательства попадают прямо на небо. Длительное время подготавливаемый полный отход от иудейской эсхатологии и насаждение представлений о потустороннем мире не обошлись, помимо острых теологических дискуссий, без жестокой кровопролитной борьбы с кровопролитием, пытками, изгнаниями и многочисленными жертвами. В этих мучительных родах возникла католическая церковь.

Лишь отграничившись от других христианских движений, ценой крови и человеческих мук – смогла возникнуть католическая церковь в ее нынешней замкнутой форме.

Прибалтийский теолог Адольф Харнак⁸⁵ (1893, вступление) объяснил механизм этого

⁸³ Отен – город во Франции, игравший заметную роль во все исторические эпохи. Многочисленные «римские» руины. В средневековье принадлежал Бургундии и был (как и сегодня) епископской резиденцией.

⁸⁴ Христианская секта гностиков манихейского направления, якобы возникшая в VII веке в Армении и просуществовавшая до XII века. Заимствовали из посланий апостола Павла ряд положений и отвергали учение церкви о Богородице, Ветхий Завет, таинства, Крестное знамение и церковную иерархию.

⁸⁵ Адольф фон Харнак (1851-1930; дворянский титул был ему присвоен в 1914 году), родом из Дерпта (Тарту), профессор многих немецких университетов. Один из ведущих евангелических теологов своего времени. Его трехтомный «Учебник по истории догм» (1886-1890) описывает возникновение и развитие христианского учения в

преобразования церковной догмы. Авторитетные в свое время ортодоксальные писатели впали позже в немилость. Их труды переставали копировать и утаивали; или же им стали приписывать поддельные трактаты, чтобы доказать правильность веры авторов, образующих фундамент теологического аппарата, стоявших у истоков зарождения церкви, ее полное соответствие новой официальной установке. В рукописях текстов Иринея подчистили устаревшие к тому времени слова о наступлении тысячелетнего царства. В ходе бесчисленных переработок «апостольских» писаний от них часто оставляли лишь заглавие и общий объем рукописи, так как эти два параметра были зафиксированы в других произведениях или в справочных списках.

Там, где подмена была невозможной, трактат снабжали комментарием, что соответствующий святой либо иногда лгал ради защиты церкви, либо на смертном одре признал свои заблуждения, либо мученической смертью искупил грех непонимания истины. В спешном порядке измышлялись новые и новые мученики, церковные соборы, писатели, призванные восстановить соответствие догмата с головокружительной быстротой меняющейся текущей действительность Ренессанса. Так, вместе с церковью, преобразовывалась, становилась иной и ее собственная история возникновения.

Важные тексты замалчивались, заслонялись новыми, терялись в их тени; на передний план выставлялись все более ярко размалеванные легенды о святых. В борьбе с неугодными идеями, с точкой зрения объявленных врагами оппонентов применялись самые нечистоплотные средства. «Уже» Августин применял подобные методы. Ставшие опасными тексты объявляли подделкой или авторство «дробили» на несколько частей, приписывая фрагменты некогда цельного сочинения разным людям, и утверждали, что истинные свидетельства утрачены. Одним из «пострадавших» таким образом авторов оказался Ориген: в предисловии к своему переводу трактата «О началах» Руфин пишет, что благочестивые фразы этого труда были искажены еретиками. Что говорить о трактатах, когда поддельными объявлялись даже полные комплекты актов церковных соборов, если они более не соответствовали изменившимся догмам!

Заставить людей отказаться от воспоминаний честности старых авторов и заставить их поверить в новоиспеченные фальшивки, отвлечь от поисков истины и навязать им новые представления возможно было лишь в тот период времени, когда такая подвижность духа была чем-то самым самой разумеющимся. Речь идет о времени инквизиции. Когда стремление к истине становится опасным и даже может стоить жизни, ложь становится обычным явлением.

Разъясняет Харнак в том же ключе и тот удивительный факт, что в монастырях переписывали и сохраняли так много античных языческих текстов и так мало раннехристианских работ. Уходящее в прошлое язычество больше не было опасным для церкви, она его не боялась. Самым опасным для церкви стало ее собственное прошлое. Оно-то и искажалось в угоду злободневным требованиям. К сожалению, Харнак при всей остроте его критики не заметил того, что и языческая литература по большей части была написана заново: чтобы только что выстроенная церковная история не «повисла в воздухе», в соответствующие исторические рамки нужно было поместить и творчество «отцов церкви».

Харнак оправдывает «литературные грешки» церкви «борьбой не на жизнь, а на смерть» с еретиками и язычниками. Итогом, по его мнению, явилось создание и сохранение Ветхого и Нового Заветов. Приложи он свои высказывания к истинным временным рамкам, то есть к настоящим антиеретическим войнам (против евреев, мусульман, катаров), – тогда его выводы совпали бы полностью с моими.

Харнак считает, что все христианские сочинения, созданные до Никейского собора, в принципе чужды византийской догме и нуждаются в постоянных новых редакциях. Однако лежащего на поверхности вывода о том, что тексты эти потому и чужды догме, потому и не могут оставаться внутри рамок, что они относятся совсем к другому времени и к другим данностям, римским ли или еще более поздним, Харнак почему-то не видит. Фальсификации и проекции более поздних идей на прошлое это, с его точки зрения, самое правильное

объяснение. Однако он оказывается не в силах признать вымышленным весь громадный кусок истории. Тем не менее собранные им факты, казалось бы, вопиют: многие «авторы II–III веков», с целью придания им большего веса, при помощи текстов Евсевия, Оригена, Памфила и т.д. причислены к апостольским ученикам и «состарены» на многие поколения, хотя именно Евсевий и его коллеги должны были лучше нас знать подлинное положение дел. Из двух авторов по имени Климентий и трех Иоаннов «слеплены» вымышленные персонажи (лишь новейшие исследования позволили восстановить истину). Может быть, писатели IV века могли ввести таким образом в заблуждение своих современников? Думаю, что нет.

Решения Никейского и Халкедонского соборов были вымышлены весьма поздно, скорее всего в XVI веке. К этому времени писания «отцов церкви», которые противоречат решениям этих вселенских соборов, нельзя уже было подвергать корректировке. Оставался только один выход: Тертуллиан, Ориген и иже с ними были объявлены еретиками. Даже Евсевий время от времени подозревался в арианской ереси.

В заключение настоящей главы об отцах церкви я хочу представить свое открытие, имеющее далеко идущие последствия. Речь идет о творчестве и личности одного из авторитетнейших христианских авторов Дионисия Ареопагита, а также об огромном влиянии его книг.

Первое латинское печатное издание его трудов появилось во Флоренции в 1516 году. Дионисий упоминается в «Деяниях апостолов» (17, 34) в качестве одного из «уверовавших» и крещенных Павлом в Афинах. Естественно, его епископское служение в Афинах было вознаграждено мученической смертью. Однако приписываемые ему тексты «вероятнее всего, созданы около 500 года в палестинской Сирии», – в них прочитываются мысли Плотина и Прокла, то есть смешение христианского учения с умозрительными рассуждениями неоплатоников, ставшее идеологическим фундаментом для гностицизма. Считается, что его много переписывал и переводил на латынь Иоанн Скотт Эриугена (до «877»). Около «832» (то есть за полвека до Эриугены) Гиль-дуин, хитроумный аббат монастыря Сен-Дени, собравший якобы первый полный корпус латинских текстов Ареопагита, объявил его не кем иным, как епископом Парижским Дионисием (Дени), святым и мучеником (около 250), именем которого и назван главный монастырь Франции – Сен-Дени (Свято-Диони-сьевский). Итак, трое в одном лице: ученик апостола; его тезка – французский миссионер III века; неизвестный писатель из Сирии V–VI веков.

Авторство сочинений Дионисия и по сей день остается загадкой. Долгое время (испанские иезуиты придерживались этой точки зрения вплоть до XVII века) указывали на еретика Аполлинария (IV век). Пьер Абеляр (XII век) считал творения Дионисия компиляцией из многих трудов; Лоренцо де Балла (1457) подчеркивал отсутствие всяческих упоминаний о Дионисии у латинских (до Григория Великого) и у раннехристианских греческих авторов. Утверждение Дионисия о том, что во время казни Иисуса он, находясь вдали от Палестины, видел солнечное затмение, учеными признано недостоверным.

Озадачивает потрясающе хорошая ситуация с его литературным наследием: явление необычное. Сохранилось огромное количество списков: свыше 150 греческих, из них 120 – полных! «Все стали известны одновременно, причем в рукописях, даже в (древнейших) сирийских, нет ни следа поздней переработки». Упомянутых в текстах других сочинений, «почти наверняка, никогда не существовало» (с. 117) ⁸⁶.

Как же нам разобраться в этой путанице с тремя вымышленными персонажами, ни один из которых не имел отношения к творчеству, прикрывавшемуся именем легендарного мученика и лишь благодаря ему снискавшему столь высокий авторитет? Дионисий «подобно почти что Аристотелю и Августину очаровал западное средневековье» (с. 124).

Как нам уже известно, ни Августина, ни Аристотеля в средние века не знали, и дискуссия по поводу сочинений Дионисия не могла начаться ранее XIII века, когда Европа (через исламскую Кордову) начала знакомиться с Аристотелем.

⁸⁶ Автор хочет тем самым подчеркнуть, что и в случае рассматриваемых рукописей мы имеем дело с подделкой, причем признаком фальсификации служит упоминание текстов никогда не существовавших авторов.

Приблизиться к разгадке авторства Дионисия, понять, к какой эпохе он относится, нам поможет отрывок из его сочинения «О таинственном богословии»:

«И вот, удалившись от всех, кто видел его, и отрешившись от всего видимого, Моисей вступает в глубину мистического Мрака неведения. Здесь у него прекращается всякая познавательная деятельность, совершенно исчезает всякое чувственное и зрительное восприятие, и принадлежит он уже не себе и не чему-либо сущему, но Тому, Кто заперделен всему сущему, и, таким образом, только после того, как упразднил всякое ведение, Моисей господствующей частью своего разума соединяется с Тем, Кто недоступен никакому познанию, в совершенном неведении обретает он сверхразумное ведение». (Пер. Андрея Лебедева.)

Или вкратце: бог перестает быть объектом таинственного видения, но он – само слияние, долженствующее оставаться непонятным мистикам. Кто мог написать подобное? Какой эпохе и культуре принадлежат эти мысли? Отсылка к Моисею на Синае есть не более чем стилистическая уловка.

Испанский ученый, исследователь суфизма Асин Паласиос (1931, X гл.) указывает на источник: «Величайший учитель», андалузский суфий Ибн Араби (1165-1240). Вышеприведенный текст (по духу, смыслу и вплоть сходных выражений) может быть вольным переводом из его Футухат ал-маккийя (Мекканские откровения).

И еще одна тема, в столь откровенном и недвусмысленном виде не встречающаяся ни у кого из их современников, объединяет Дионисия и Ибн Араби: оба писали и цитировали эротические гимны, славившие проявление бога в женской красоте.

Впоследствии «Величайший учитель» суфизма переселился на Восток и умер в Дамаске; идеи его нашли дальнейшее развитие в первую очередь в Магрибе и Андалусии. А Дионисий «очаровал», прежде всего, Францию, юго-западную Германию и север Италии. Думаю, что пришел он в эти края из Андалусии.

Неудивительно, что вышеупомянутый Риттер с восторгом называет возведение устремленных в небо готических церквей и папскую буллу 1302 года, которая выдвигает претензию церкви на статус великой державы, прямым следствием восприятия идей Дионисия. Мистика последнего несет в себе ярко выраженные суфийские черты, продолженные в творчестве Майстера Экхарта.

Каждое время обладает своим духом эпохи. И если современные богословы, признав невозможной датировку названных рукописей I веком, говорят о III веке как о сомнительном и сходятся на VI, то долго еще нам придется ждать, пока Дионисий не займет своего места в духовном наследии эпохи, его породившей и им же во многом сформированной, – в XIII веке.

Глава 8. ЕРЕТИКИ И ЯЗЫЧНИКИ

Арианство

Для победы в борьбе нужен противник, которого можно победить. Что может быть легче борьбы на своей территории с тобой же созданным противником? И церковь создала гностицизм⁸⁷. Конечно, недостатка в гностиках не было: павликиане, богомилы, катары; все – после 900-го. Гностикам приписывали все подлежащие искоренению идеи: дуализм (иранского толка); демиурга (нечто среднее между всемогущим богом и человеком; бог-творец, вышедший

⁸⁷ Гностицизм – совокупность ранних религиозно-философских учений (от гнозис – познание), возникших на почве (или в процессе становления?) христианства, иудаизма и языческих религиозных течений Сирии, Египта и Малой Азии, через Балканы проникли в Центральную и Западную Европу. Скорее всего, наши представления о гностицизме это отражение процесса возникновения первых монотеистических религий. «Основная идея гностицизма – истечение всех существ из природы Бога, которая определяется как „полнота бытия“, причем каждая последовательная степень истечения представляется менее совершенной. Задача истинной философии содействовать возвращению духовных существ из несовершенного мира в лоно Божества» (Малый энциклопедический словарь, Брокгауз-Ефрон, СПб., 1907).

из греческого культа героев, сродни полубогу Геркулесу); Христа-ангела (докетизм⁸⁸, ислам). Тем не менее изобретались новые гностические писатели, например Валентин, около 180 года цитировавший почти все книги Нового Завета, что я считаю абсурдным. Этого нет даже у «отцов церкви» два столетия спустя, хотя их изобретение и было солидной подделкой. Его «Евангелия Истины», скорее всего, никогда не существовало; одноименный текст, обнаруженный в Наг Хаммади (Египет), – это совсем не то, что якобы цитировали из Валентина Климент и Ириней. «Тонкий» ход церкви, пытающейся указать на сходство обоих текстов (относящееся только к заглавию), способен ввести в заблуждение лишь исследователя, привыкшего выдавать желаемое за действительное.

Точно так же, как Гераклеоново (ученик Валентина) «Толкование на Евангелие от Иоанна» есть одно из сравнительно недавних творений церкви эпохи гуманизма.

Другой ученик Валентина, Птолемей, в письме к жене (или к деве?) Флоре (у монахов игривая фантазия!) цитирует Евангелие от Матфея и Послания апостола Павла, что немислимо и в III веке.

Рукописи, найденные в Наг Хаммади, если попытаться правильно соотнести их некоей определенной эпохе, относятся, самое раннее, к концу X века. Многочисленные (иногда даже объединенные) цитаты из Священного Писания предполагали, разумеется, близкое знакомство авторов с его текстом. В «Евангелии Истины» встречаются небольшие фрагменты из платоновской «Политеии» (588–589), а в трактате «О душе» трижды процитирована «Одиссея» Гомера. Вряд ли Платон и Гомер хранились в древнехристианской библиотеке; в культурный обиход такой синкретический образ мышления вошел только после 1000 года.

К сожалению, исследование готской Библии Ульфины (IV век)⁸⁹ не дает основания говорить о раннем возникновении христианства, пусть даже арианского и варварского. Считается, что «для перевода использовался в числе прочего и греческий текст, но все же перевод восходит к латинскому образцу» (Энциклопедия Майера. Т. 15). Для выходца из Каппадокии Ульфины греческий язык был родным. Неужели он действительно знал латинское Евангелие? Или и эта знаменитая сингулярность суть творение гуманистов?⁹⁰

Сохранившиеся фрагменты западно-готской Библии из Италии (восточно-готских областей) попали в монастырь Верден на Руре, а оттуда в 1669 году через Прагу – в Стокгольм, где в это время бытовала теория о родстве скандинавов и готов (о несостоятельности этой теории см. Зее, 1970). Трудно судить, коммерческие ли, пропагандистские ли интересы подвигли церковь отправить бесценную реликвию в столь дальнее путешествие. Ясно лишь, что церковь была в крайней мере заинтересована в широкой презентации своего сокровища.

Даже обнаруженный в Вольфенбюттеле (1758) палимпсест с сорока стихами, и еще несколько фрагментов в Северной Италии (1817) – не освобождают «Серебряную Библию» Ульфины от подозрения в подделке. Нагло сфальсифицированный двуязычный (готско-латинский) пергаментный лист из Гиссена – лучшее тому доказательство.

Нам не с чем сравнить шрифт и язык этой единственной книги вестготов. Немногие готские слова, вычлененные филологами из других источников, звучат по-иному, нежели содержащиеся в тексте Библии Ульфины. И я не могу отделаться от мысли, что мы имеем дело

⁸⁸ Докетизм (от *греч.* докеин – казаться) – теологическая позиция, а не секта – учил, что Иисус Христос имел призрачное тело, а не вещественное. Иисус всегда оставался Богом, его земное пребывание не коснулось его божественной сущности. Этой позиции придерживались различные гностики.

⁸⁹ Ульфила – фигура мифологическая: знаменитый просветитель готов (якобы 311-381), с 341 г. епископ готов-ариан. Переселился с вестготами в Болгарию (348) и присутствовал якобы на соборе в Константинополе в 360 году.

⁹⁰ В пользу гипотезы очень позднего изготовления Библии Ульфины говорит подмеченное Ярославом Кеслером (химик, профессор МГУ) обстоятельство, что т. н. серебряный кодекс, хранящийся в упсальской университетской библиотеке и содержащий четыре евангелия, написан серебряными чернилами, а таковые были изобретены лишь в XVII веке. (См. «Книгу цивилизации» Давиденко и Кеслера, М., 2001.)

с плодами буйной фантазии деятелей Ренессанса⁹¹.

Интересно, что находятся ученые, считающие палимпсест убедительным доказательством подлинности древнего текста. Давайте попытаемся разобраться в их странном менталитете. Их аргументы сводятся, в основном, к следующему: популярность пергамента как писчего материала объясняется его прочностью и удобством в применении. Кожу даже не дубили, достаточно было ее отскоблить. Иногда первичный текст смывали или соскабливали и наносили новый текст. Такой пергамент назывался палимпсестом. Многие палимпсесты плохо читались: так сильно проступал первичный текст, но заказчики все равно оставались довольны, считают ученые.

Почему же пергамент использовался повторно? «Конечно, выбор пергамента как писчего материала обуславливался практическими соображениями; приходилось иметь в виду высокую стоимость предприятия, ибо для записи объемного текста приходилось губить множество животных» (Мартин Бодмер, 1961, с. 35). Впервые прочитав это, я расхохотался. Потом подумал, что, возможно, Мартин Бодмер вегетарианец или даже веганец, питающийся исключительно растительной пищей. Но будь даже средневековые монахи вегетарианцами, все равно телячьих, козьих и овечьих шкур в то время имелось так много, что исписать их было невозможно: не хватило бы текстов. Я допускаю, что в тяжелое время в каком-нибудь захудалом монастыре мог возникнуть дефицит пергамента, но неужели технику палимпсеста нужно было использовать именно для записи готской Библии? И уничтожить ради этого некий классический текст?

Кстати, чернила и краски в ту эпоху стоили куда больше пергамента. И если представить себе, насколько редко писались (и переписывались) книги и какой это был трудоемкий процесс (длящийся порой долгие годы), то рассуждения о нехватке пергамента можно отвести как совершенно несостоятельные.

И все-таки находятся странно мыслящие ученые, всерьез считающие, что некий монах соскоблил некий античный текст, показавшийся ему языческим либо безнравственным, и записал поверх слово Божье. Или даже наоборот, чему тоже есть свидетельства: сказочное жизнеописание некоего святого было записано поверх очень древнего и очень важного текста отца церкви Григория Назианского (с. 38). Некоторые классические тексты (например, «О республике» Цицерона) дошли до нас только в виде палимпсеста.

И почему, кстати, палимпсесты должны были сохраняться лучше оригиналов? От античного текста оставалось иногда лишь несколько листов, изготовленных в этой оскорбительно скаредной манере и призванных быть доказательством существования некоторого античного произведения. Очевидно, поддельщики не утруждали себя изготовлением целой рукописи.

С XII века бумагу ввозили сначала из Китая, затем из Аравии; вскоре в Центральной Европе стали производить дешевую (дешевле, чем пергамент) бумагу отличного качества. От пергамента отказались, ибо работать с ним было много хлопотнее. Однако во времена гуманистов он вдруг снова вошел в моду. Неисчислимо количество старых текстов снова – и это при том, что полным ходом шло развитие книгопечатания, – начали наносить на пергаменты. Чем это объяснить? Началом «Широкомасштабной Операции».

Разумеется, не каждый гуманист был способен на циничное подделывание наследия древности, предаваясь своей страсти к старине. Но святые и богословские тексты, дошедшие до нас на древних, в дырах, пергаментах, по моему убеждению, – не что иное, как фальшивка. Для пущей достоверности брали завалявшийся ветхий кусок кожи и заполняли его выдуманными текстами в архаизированной (зачастую – импровизированной) манере. Так обогащались; так насаждали идеологию.

Какую цель могла преследовать церковь, создавая готскую (еретическую) версию Нового Завета, каковую из себя представляет библия Ульфила? Логика такова: противники – в данном случае, северные протестанты – ни за что не позволят отнять у них

⁹¹ Которых не могла остановить такая мелочь, как необходимость выдумать целый никогда не существовавший язык.

доказательств их особой позиции, на которой они так прочно уселись. Они будут яростно защищать подлинность этой невозможной книги. И пусть защищают. Тогда еще труднее станет доказать, что к IV веку Новый Завет еще не был написан: смотрите, даже наши противники убеждены в этом. Был и даже – с целью обратить язычников – переводился на экзотические языки.

Небольшими неточностями – вроде обращения к латинскому образцу или вымышленного шрифта – трудно было смутить деятелей эпохи Возрождения; наоборот, образу мышления эпохи именно такие неточности казались гениальными находками. Неточностями грешили все, и до мелочей ли, когда измышляется ни много, ни мало – мировая история.

Чтобы клиент остался доволен, текст даже слегка стилизовали под скандинавские руны.

Только сегодня становится очевиден весь абсурд этой затеи.

Еретик Арий тоже может оказаться вымышленной персоной, маскирующей в качестве «еретического первосвященника» некую более могущественную религию, называя которую арианизмом мы только прикрываем свое незнание ее сущности. Справиться с мировой религией было практически невозможно, зато с обычным человеком Арием вполне можно было потягаться. В некоторых западноевропейских церквях до сих пор не соскоблены со стен арианские символы и не уничтожены языческие каменные изображения на наружных стенах. Где бог забывчив, там является образ дьявола.

Язычество

Каким же образом осуществилась христианизация Европы? Этого мы не знаем. Во всяком случае, не так, как это передают церковные тексты, ни в плане временных рамок, ни касательно характера операции. Действительные события в легендах искажены до неузнаваемости, все перевернуто вверх ногами.

Английский миссионер Винфрид, принявший имя Бонифация, который, чтобы обратить в христианство гессенцев, повалил дуб Донара, принял, разумеется, в качестве немецкого отца церкви, мученическую смерть (754). Однако писаниями своими (трактатами по грамматике, метрике и стихами (!)) он удивительно напоминает гуманистов с их попытками развить и внедрить латынь. В объемный том эпистолярного наследия Бонифация вошли ответы его корреспондентов, а также письма его английского спутника Лула⁹². Все это я без промедления отношу к творчеству одного или нескольких гуманистов (*рис. 19*).

А христианская архитектура в языческом окружении?

«Церкви-крепости», возводимые, прежде всего, в области расселения вендов⁹³, служили якобы «для защиты населения» (Брок-хаус, 1996). Правда, единственно, кого они реально защищали, – это забаррикадировавшихся в них миссионеров, до которых миролюбивым и терпимым в религиозном отношении крестьянам не было никакого дела.

Правда, считается, что «церкви-крепости» интенсивно строились и в области расселения франков, которые, мол, не жаловали миссионеров. Пригодился опыт из страны венедов. Ведь и франки тоже не были христианами, в чем можно было убедиться, побывав на «Большой франконской выставке» (Париж-Маннгейм-Берлин, 1997). Даже при помощи до смешного наглой пропаганды и фальсификации артефактов церкви не удалось доказать наличие христианства (во всяком случае, римского католичества) в Центральной Европе ни при франках, ни в эпоху каролингов. А так как его не было, то не могло быть и

⁹² Как представить себе составление такого эпистолярного тома в VIII веке?! Изготавливал Бонифаций копии своих писем? Бережно хранил всю входящую корреспонденцию? И как дожила вся эта «переписка» до эпохи Возрождения?

⁹³ Венды – применяющееся в Германии объединительное наименование различных славянских племен, населявших в предхристианскую пору, т. е. прибл. до 1500 года, большую часть Центральной Европы: от Дании до Венеции, от атлантического побережья Бельгии до Польши. Полной германизации избежали по сей день только сорбы (полабские сербы) на Эльбе и словенцы на юге.

несфальсифицированных археологических находок или иных свидетельств.

Наше представление о раннехристианской эпохе в империи франков основывается на двух латинских текстах:

- на «исторических книгах» епископа Григория Турского и
- на поэтических образцах «его друга и спутника» Венанция (Счастливого, VI век).

Стиль, склонность к чрезмерным преувеличениям и миссионерский пафос выдают в обоих продукт значительно более позднего творчества. Огромного дворца на горе над Мозелем у Брай-тенштайна, в подробностях описанного Венанцием, с тридцатью башнями и обрамленным колоннами порталом, никто, правда, найти не смог, тем не менее ученые принимают его как факт прошлого. Они делают из этого «факта» далеко идущие выводы о социальном устройстве общества того времени: мы узнаем о чужеземных ремесленниках, прибывших из Галлии, но не отнимающих рабочие места у местных каменотесов. Вот кто стоял у колыбели нынешнего общеевропейского единства!

Регина Зоннтаг (1987) разложила выдумки Григория на составные части. Впрочем, она посчитала архитектурные данные в основном заслуживающими доверия. Зато сведения о количестве войска и датировку Григория она относит к области сказок. Все это, следовательно, было написано гораздо позже. Трюк с «полуправдой» (привести частично достоверные архитектурные сведения и с их помощью «протащить» в историю список вымышленных правителей и мифических деяний) знаком мне по творчеству испанских «хронистов» XVI века.

Вопрос о существовании в Центральной Европе в ту эпоху («V–VIII век») арианства еще ждет своего исследователя. Возможно, людей устраивала синкретически-языческая картина мира, они молились и отправляли культы в рощах и у камней и ничего не знали о распятом палестинце. Ирландия перешла к христианству незаметно и ненасильственно. Для этого не понадобились «церкви-крепости».

Рельефы в таких церквях, на стенах или на загородках, отделявших хор от молящихся (например, рельеф в Хорнхаузене), дают представление о духе того времени, о богах, которым поклонялись. Словно Вотан⁹⁴ восседает на коне всадник с не защищенной шлемом головой, а под ним извивается Мидгардский змей. На выставке он стал «христианским святым рыцарем в шлеме, 1-й половины VII века», – найденным, правда, довольно далеко от ареала расселения франков, в Северном Харце (Гарце) (рис. 21). Рельеф составлял часть шестистворчатого оградительного барьера церковного хора. В доказательство принадлежности всадника к христианству приводят раскопанный в тех краях (и датированный 200 годами позже) конский могильник. Можете убедиться сами, именно так и написано в каталоге.

Посмотрите на руины церкви святого Виллиброрда в Рейнской области («738»), – с роскошным саркофагом и каменной кафедрой, – вы не найдете ни единого христианского символа, хотя рельефные декорации хорошо сохранились.

С нередко встречающимися франкскими надгробиями и производящими впечатление христианских надписями дела обстоят не лучше. Даже аббату пришлось довольствоваться надгробием без креста. На других камнях, напротив, только кресты без надписей, причем кресты выполнены в стиле поздней готики или даже югендштиля. Поздняя фальсификация (в эпоху Возрождения или в XIX–XX века) очевидна. Иногда на камнях заметны следы использования современной техники (а именно, шлифовальной машины); еще чаще встречаются совершенно невозможные тексты, как, например:

НІС. PAU
SAT. COR
PUS ALD
UALUHI.CU
IUS.ANIMA

⁹⁴ Вотан (он же Водан и Один) – высшее божество германцев. Оба имени указывают на славянское (вендское) происхождение: Водан – водяной, связанный с водой. Плавающий по морю? и Один – первый, главный, единственный? Имена его жены Фриг (холодной? северной?) и сыновей Вальдр, Хёдр и Видар скорее всего указывают на германскую компоненту немецкого этногенеза.

GAUDET. IN
CAELO.

«Здесь покоится тело Альдуалухуса, чья душа радуется на небе».

Эту надпись на могиле якобы некоего священника (?), погребенного в горном монастыре у Вормса в VIII веке, можно принять за шутку, за удачную современную пародию. Даже современным, не слишком образованным, историкам должно быть известно, что фраза о теле, покоящемся в гробу, и душе, пребывающей на небесах, могла прозвучать только после реформации. Демонстрация подобных «священнических надгробий» на выставке под патронажем видных политиков Коля и Ширака – это признак дурного вкуса.

Есть среди экспонатов и крышка книжного переплета из слоновой кости, подтверждающая якобы факт крещения Хлодвига. Есть также переплет с именами, который должен укоренить в истории всех приведенных в списке правителей Австразии⁹⁵ с 575 по 662 год. На третьем переплете перечислены имена многих епископов, уже умерших к VI веку. До 1659 года этот список считался подлинным; затем текст был смыт – как я убежден – из-за своей совершенной недостоверности,

Трон Дагоберта (отдельные детали – VII века; завершен – в IX веке) выполнен в духе стилевой эклектики эпохи Возрождения: львы с типично мавританской прорисовкой шкуры, античные украшения и позднеготический орнамент. Эта вещь «единственная для того времени и в своем роде уникальная», то есть с точки зрения истории техники искусства – невозможная (рис. 25).

Кстати о технике: за стеклом одной из нейтральных витрин лежит жемчужина выставки – железный нож (не совсем канонической формы), с обеих сторон инкрустированный латунными часовыми шестеренками. «Из мужского захоронения IV века. Обстоятельства находки подтверждают с абсолютной достоверностью подлинность изделия», – гласит официальный комментарий. «Обстоятельства находки» не могут служить доказательствами подлинности даже в случае могил принцев под Кельнским собором. Инкрустирование ювелирных изделий и оружия в прошлом мы не хотим полностью отрицать. Но какие, интересно, обстоятельства могут подтвердить подлинность предмета, инкрустированного латунными шестеренками с зубчиками, выполненными (если посмотреть под лупой) с миллиметровой точностью, выдающей современную отливку?! (Рис. 30.)

Столь же мало удачной оказалась и другая фальшивка, в случае которой надгробие – в манере палимпсеста – было «снабжено» солидной древностью: задняя поверхность обработана таким образом, чтобы придать ей вид фрагмента античной стелы, посвященной языческим богам. Однако и она, и лицевая сторона, на которой выцарапано изображение китов и скорняжного ножа, изготовлены явно в XIX веке в качестве «доказательства» для языческой эпохи. Теперь это надгробие служит христианству, хотя ни киты, ни скорняжный нож не относятся к числу известных символов католической церкви (рис. 28).

А вот явно языческое надгробие из Нижнего Доллендорфа, хотя и оно служит сегодня доказательством христианства. Неизвестно, правда, чем воин с коротким мечом и походной флягой напоминает христианина (Христа он ни в коем случае не напоминает), так же как и вырезанный на обратной стороне мужчина с копьем и нимбом. Присмотритесь к его носу, пальцам и ногам: вы поймете, насколько халтурно работали поддельщики.

Как можно было предвидеть, выставленные рукописи производят не лучшее впечатление. Многочисленные камни и украшения, навязанные пройдохами-антикварами, свидетельствует о трудности профессии директоров музеев: им все время приходится страдать из-за таких обманов. Но то, что подделки, в XIX веке служившие подтверждением франко-германского язычества, представлены в качестве основного доказательства раннехристианской истории Центральной Европы, граничит с наглостью (рис. 26; 29).

Не желая утомлять читателя дальнейшим обзором экспонированных фальсификатов (изредка выполненных мастерски, чаще же всего – по-детски наивно), я повторю следующее:

⁹⁵ Обозначение для восточной части империи Меровингов, якобы существовавшей в VI веке. Как и северная Нойстрия была якобы отдельной империей.

если для втирания очков относительно раннехристианской истории Центральной Европы приходится прибегать к столь дорогостоящему надувательству, значит, справедлив вывод о том, что невозможно найти ни малейшего следа существования здесь христианской церкви до эпохи Оттонов (X век).

Каким образом франки, славяне, германцы и англосаксы приняли христианство, это, по мнению Блюера (1921, с. 23), «на сегодняшний день – темная история». Сам он склонен видеть в принятии новой религии феномен свободного выбора духовного родства. Никто не перенимал чуждый восточный культ (и уж во всяком случае – не насильственно), но была создана собственная религиозная форма. «Христианство не было „импортировано" в процессе его географической экспансии из Галилеи через Малую Азию и Грецию в Италию. Оно почти одновременно, подобно эпидемии, вспыхнуло среди человечества той эпохи» (с. 184).

Я хочу подчеркнуть, что «вспышка» случилась одновременно с возникновением ислама и иудаизма⁹⁶, в 980-1090 гг. (Блюер, к сожалению, не видит этих хронологических рамок.)

Таким образом, несостоятельным оказывается тезис о «чужеродности» христианства, который – подобно тонкому слою штукатурки – скрывает от взгляда суть явления: его корни уходят в европейскую почву. Это обстоятельство в такой мере шокировало деятелей культуры вроде Эрнеста Ренана или его современного оппонента Мориса Олендера, что они, с энергией, достойной лучшего применения, пытаются доказать обратное или же, наоборот, энергично углубляются в этот тезис. Их можно понять: с одной стороны, христианство вроде бы потеряло свою авторитетность, оказавшись, вместо учения далекого Древнего Востока, доморощенным изделием. Зато с другой стороны, осознание того, что христианство – не более чем поэтический пересказ понятий нашей этики, должно подействовать отрезвляюще и дать повод к развитию самостоятельного мышления. И Бог нам в помощь!

Язык

Языковая неуверенность также имеет большое значение в ходе оценки. Гуманисты постоянно совершенствовали латынь, стараясь писать как можно «классичнее». В то время как средневековые богословские трактаты сочинялись на своевольной («испорченной») вульгарной латыни, Эразм Роттердамский, например, писал на безупречном классическом языке. Так, можно даже установить правило для датировки христианских сочинений: чем лучше латынь, тем позже был написан текст.

Анализ слов, представленный Бальдауфом, позволяет сделать вывод о возрасте Евангелия.

Когда фарисей говорит Иисусу: *Rabbi, peto ut mecum hodie velis manducare* (Рабби, разделишь ли ты со мной трапезу), – все слова нам понятны, кроме слова *manducare*. Оно часто встречается в Ветхом и Новом Заветах, но не в Апокалипсисе и не в обычной литературе (Рёнш, с. 124). Считается, что слово это, принадлежащее к «серебряной латыни» (есть такое вспомогательное понятие), есть стяжение слов *mandere* (давать в руки) и *masticare* (жевать, измельчать), откуда «логично» следует *manducare* (есть). Или, может быть, *manducare* произошло от «романского» разговорного *managare*? Примеры можно множить. Подлинность текста должна вычитываться из соответствующих языковых критериев, особенно текстов переходной эпохи (от античности к средневековью). Давайте обратимся к творчеству двух известных писателей того времени.

Важнейшую роль в восприятии и передаче античного наследия играл Кассиодор Сенатор (родился в Калабрии в 468 году и там же скончался в 562 году, т. е. в возрасте около 94 лет). Он был чиновником у Одоакра, а после его поражения – советником и писцом у готского короля Теодориха. После смерти последнего Кассиодор (в возрасте 70 лет) уходит в монастырь и последующие годы посвящает сохранению античной языческой и католической литературы. Он создал огромную библиотеку, распорядившись перенести все тексты, записанные на

⁹⁶ Разделяя данную точку зрения, хочу подчеркнуть, что на этот или несколько более поздний период приходится возникновение первичного монотеизма, а о христианстве, иудаизме и исламе можно говорить лишь с XIV-XV веков.

недолговечном папирусе, на пергамент, и ввел в церковное употребление кодекс (то есть практически нынешнюю книжную форму вместо свитка). Считая переписку древних сочинений высшим смыслом деятельности монахов, этот умнейший человек определил тысячелетнее культурное развитие Запада. То есть без его образцового попечения классическая литература оказалась бы утраченной. Или чуть по-другому: благодаря сформулированному по заданию Кассиодора и реализованному под его руководством проекту мы обладаем огромным корпусом заново написанных «классических» сочинений.

К сожалению, его собственный документально подтвержденный вклад в культуру – всего лишь небольшое пособие по правописанию, составленное в последний год жизни и хранящееся в Петербурге. Некоторые цитаты из его трудов дошли до нас в изложении Иордана. В «Летописи», написанной для арианца Теодориха, представлена всемирная история от Адама до 519 года н. э. Такого рода католические хроники уже неоднократно разоблачались нами как более поздние фальшивки; в случае писца готского (арианского) короля история о создании хроники так и так выглядит недостоверной. Ему также приписывалось составление неких пасхальных таблиц (параллельно с его современником Дионисием Малым); сегодня они признаны позднейшим заимствованием.

Как читается его латынь? Йозеф Эберле, один из последних пишущих на латыни немцев (1956, с. 130 и далее), пишет, что можно «прийти в отчаяние» от стиля Кассиодора и от его выбора слов. О классической латыни говорить пока не приходится; это первые попытки сотворения нового языка. В тех немногих образцах, которые я смог просмотреть, обнаружилась интересная смесь «средневековых», в том числе даже и арабских выражений, свойственная, скорее, эпохе после первых крестовых походов. Пестрая тематика его сочинения *Vagia* (разное, всякое), где наряду со служебными записями присутствуют сведения о целебной силе минеральных источников, о конструкциях водных и солнечных часов, об истории музыки и даже о янтаре, – отсылает нас (как и его словарный запас) в позднее средневековье. Типичным для него является соединение культурного наследия античности с католической верой; подобный образ мыслей мне не представим до Петрарки и Данте.

Наиболее знаменитым современником Кассиодора был Боэций (480-525), «последний язычник» античности. То, что его труды, – компиляция творчества нескольких авторов, бросается в глаза. Последняя работа Боэция *Consolatio philosophiae* (Утешение философское) представляет собой позднеантичное язычество, зато его ранние трактаты – суть католические памфлеты. Судя по некоей рукописи «IX века», трактат *De fide catholica* (О католической вере) не считался в свое время принадлежащим перу Боэция. Можно не только представить себе, как создавались, дорабатывались и изменялись все эти вымышленные фигуры, но и сопережить этот творческий процесс. В результате эти классики становятся для нас фантомами, а их истинных духовных отцов мы, к сожалению, скорее всего никогда не узнаем. Мы можем об этом только догадываться. Возможно, в случае с Боэцием не обошлось без участия Ройхлина и Вимпфелинга, но (исключая, быть может, случай с «монахиней Розвитой» и деятелями кружка Цель-теса) заявить с определенностью, кто кого «написал», – чрезвычайно трудно.

Примечательный сочинитель, чьи труды хорошо бы тщательно исследовать, – Рабанус Маурус («Черный Ворон», Майнц, «IX век»), прозванный «Наставником Германии». Считается, что в своих сочинениях, полное собрание которых было издано в 1503 г. в Пфорцхайме, он не высказал ни одной оригинальной мысли, а сами его произведения являются компиляциями работ «древних» авторов. Монахов своих он поощрял к изучению античной классики и языческой философии. В современных исторических трудах это скромно именуется «каролингским ренессансом». Некоторые его ученики уже разоблачены нами как вымышленные персонажи: Валафрид Страбон, Оттфрид Вайсенбургский, Готшалк Сакс и Рудольф Фульдский.

Для нас важно его издания «Евангельской гармонии» (Татиа-на), а также текстов Спаситель ⁹⁷ и Христианин ⁹⁸, написанные, скорее всего, под его руководством или по его

⁹⁷ Спаситель по-немецки (точнее, на древневерхненемецком) языке *Heiland*. Храбанус Маурус или его сотрудники назвали свой текст *Heliant*, и под этим названием он вошел в историю немецкой литературы. Не исключено, что это слово – творчество того неизвестного нам гуманиста, который попытался придать тексту

инициативе. Даже немецкая «Песнь о Гильдебранте» признается сегодня снова, даже после критического рассмотрения этого тезиса, творением Ра-бануса, бывшего, кстати, как минимум, билингвой (двухязычным). Помимо 22-томной энциклопедии, которая якобы уже в XI веке имела многочисленные иллюстрации, кроме арифметики и грамматики, он якобы создал комментарии почти ко всем библейским книгам. Именно на этом его, скорее всего, и можно схватить за руку: нет ничего на свете, что бы менялось быстрее теологических воззрений, и трудно представить себе, чтобы все эти изменения могли корректно отразиться в творчестве одного-единственного человека.

Немецкая средневековая литература тоже развивалась на редкость своеобразно (см. Де Боор, I, 1979). Вроде бы в эпоху Каролингов большинство документов должно было составляться на латыни, но когда речь заходила о точности в выражениях, в текст охотно вставляли немецкие слова, так как, очевидно, немецкий тоже был письменным языком, к тому же более ясным и четким, чем латынь. Героическая поэзия и ранние христианские тексты (Спаситель, Христианин...) были созданы на немецком (точнее, на древневерхненемецком) языке, причем все почему-то именно до 911 года⁹⁹. Затем следует лагуна в 150 лет, а, начиная с 1063 года, немецкие тексты появляются вновь. Зато в вышеупомянутые 150 лет пишут на латыни, причем на классической; так «писала» Розвита фон Гандерсхайм и бесчисленные монастырские хронисты с их невозможными солнечными и лунными затмениями.

Эта вспышка латинского творчества стоит особняком в истории немецкой литературы; с ней не связан процесс литературного развития; эти произведения нигде не упоминаются и не цитируются, никто не пишет их оценок или произведений, ими инспирированных.

«Единственным в своем роде, предательски необъяснимым и загадочным произведением» (и, следовательно, крайне подозрительным) считается поэма Руодлиб, изданная в 1838 году Шмелле-ром (опубликовавшим также поэмы Хелианд (Спаситель), Муспилли¹⁰⁰ и сборник Кармина Бурана¹⁰¹) и Яковом Гримм. Уникальность поэмы Руодлиб заключается в том, что лексика и стилистические приемы, в ней использованные, вошли в литературный обиход лишь многие столетия спустя («Настоящие галсы плывущего против ветра времени корабля», Де Боор, с. 98). Сохранилось 2324 стихов этого стихотворного романа; около 1500 стихов считаются утраченными. То есть сохранился довольно большой фрагмент, который может дать представление обо всей поэме. Подозрения не вызывают даже обстоятельства обнаружения текста: поэма, о которой никто никогда не слышал, была записана на листах пергамента, не по назначению используемого в качестве полос переплетного материала, и найдена в 1807 году в монастыре Тегернзее после его вынужденного закрытия (1803). Тридцать лет спустя было обнаружено еще несколько пергаментных листов с тем же текстом, и поэму решили напечатать. Ее включили в корпус текстов последней трети XI века, единственно на основании формы шрифта!¹⁰²

архаичность при помощи выдуманного им синонима слова «спаситель».

⁹⁸ Абсолютно доминирующая в немецком форма для слова «христианин» – Christ. Используя близкую славянскому «крест» форму Krist, автор, очевидно, надеялся на создание эффекта старины.

⁹⁹ Как мы уже отмечали, этот год является концом того фантомного отрезка средневековья, существование которого в реальном прошлом человечества оспаривает Хериберт Иллиг.

¹⁰⁰ Муспили – стихотворение о судьбе душ после смерти, о конце света и о Судном Дне, относимое к IX веку и к баварскому языковому пространству. Сохранился фрагмент, содержащий 103 строки. Начало и конец отсутствуют.

¹⁰¹ Кармина Бурана – сборник средневековых песен (около 250 текстов), своеобразная песенная антология, известная также под названием «Песни из Бойрена». Содержит в основном латинские тексты, датированные согласно традиции XII и XIII веками.

¹⁰² А соотнесение формы шрифта тому или иному столетию производится на основе датировок, которые мы в рамках критического анализа – например, данного в настоящей книге – вынуждены признать не просто

К латинским книгам XII века, созданным, скорее всего, тремястами годами позже, принадлежит также Саксон Грамматик, чье творчество представляет собой пестрое смешение из запутанных народных преданий, романтического сочувствия героической старине и тенденциозных попыток историотворения. На подражающей языку Юстина латыни (Этмюллер, 1869) написана 16-томная якобы история датчан. По меньшей мере, первые 9 томов, долженствующие содержать бесценное собрание саг, – не более чем вздор. Этмюллер предпринял рифмованный и ритмизованный «обратный перевод» саг, ознакомление с которыми наводит на мысль, что фантазией и изобретательностью писатели-романтики ничем не уступали борзописцам Ренессанса. В тексте присутствует даже восточные литературные вставки (11,2, Хёёдх), например, шумное мусульманское пиршество, происходящее словно бы «в наши дни» и пугающее «всех потомков».

Представлены в переводе и эротические выдумки в духе Бок-каччо: Водан несет службу мага при королеве (как магрибский суфий Бу Азза при жене своего учителя). Есть там и Византия, и славянские племена, названия которых звучат в точности так, как их будут называть в XV веке. Боги Эдды ¹⁰³ (Водан, Ульр, Бальдур и т. д.) представляются как посмешище; они деградировали до человеческого уровня и погрязли в коррупции в Византии. Одно упоминание водных часов ставит всю поэму под подозрение, – это замечает даже Этмюллер, не делая, впрочем, напрашивающихся выводов. Можно считать Саксона Грамматика пародией, ставившей перед собой задачу высмеять позднесредневековый рыцарский роман и разрушить мистическое очарование пародируемых произведений.

Уже упоминавшийся современный латинский поэт Эберле, досконально знающий этот мертвый язык, отметил его некоторые основные черты, всегда казавшиеся мне странными: например, хаотичную расстановку слов в предложении. Из-за нее латинскую фразу невозможно понять, не прочитав ее до конца и как следует не рассортировав отдельные ее слова. В принципе это можно себе представить только для письменного языка. В случае языка, используемого только для письма, ничего необычного в этом нет: всегда можно посмотреть на всю фразу целиком и спокойно ее проанализировать. Разговорная латынь должна была функционировать совсем иначе. Эберле считает, что народной латыни мы никогда не знали, за исключением нескольких цитат и невнятных надписей. Латинская поэзия – это, по его мнению, литературный гротеск, поэзия, созданная по греческому образцу, с заимствованной и чуждой ей метрикой. Заимствованной в такой форме, что она была абсолютно непонятна большинству населения. Более того, латынь – как ученик от учителя – настолько зависела от греческого, что без Эллады не было бы вообще никакой латинской литературы. Кстати, среди римских поэтов не было ни одного настоящего римлянина; Гораций, Вергилий, Те-ренций – все они провинциалы, говорившие на италийском или других диалектах.

Если этот язык с самого начала существовал только лишь как письменный, значит, таким он навсегда и остался, потому что ни в средневековье, ни в Новое время не было людей, для которых латынь была бы родным языком. Все латиняне должны были учить этот письменный язык как иностранный.

Впечатление о том, что язык этот был сконструирован и притом весьма поздно, и что вся латинская литература есть не что иное, как фантомная проекция в прошлое, только усиливается после знакомства с позднесредневековыми текстами. *Carmina Burana* («Бойрнские песни», написаны до 1250 года в Каринтии) содержит немецкие песни популярных поэтов; каждая песня исполнялась на свою мелодию. Довольно большое число латинских стихов суть элегантные подражания, которые – не исключено – сочиняли странствовавшие средневековые студенты, для которых родным домом была вся европейская культура. Видимо, поэтому так удаются современным поэтам переводы из Кармины Бураны, которые часто звучат как

проблематичными, но в случае средневековья просто неверными.

¹⁰³ Объединительное название для нескольких северогерманских эпических сборников, написанных якобы в XIII и XIV веках. Содержат героические саги, повествования о деяниях германских богов, видения о возникновении мира и его гибели, а также старинные песни. Тексты эти якобы возникли между IX и XII веками.

обратные переводы на исходный язык первичного перевода.

Гарри Шнур (1979, с. 21) отмечает, что вульгарная латынь – это не искаженная «классика», но результат самостоятельного языкового развития, начало которому было положено, условно говоря, Плавтом, известным римским драматургом якобы III века до н. э. Имя Плавт созвучно латинскому слову *plausus* (аплодисменты). Варрону известны 130 его комедий, из которых он считает подлинными только 21. До нас дошло ровно двадцать, не считая фрагментов. Все эти последние двадцать комедий (как доказано Бальдауфом) суть плоды средневекового творчества.

Снова (официально через полтысячелетия после Плавта) мы сталкиваемся с вульгарной латынью в переводе Библии. Почему, собственно, отцы церкви, получившие в большинстве своем лучшее классическое образование, писали библейские тексты и прочие богословские сочинения на этом «исковерканном» языке? «Чтобы быть понятными народу». Как будто народ читал материалы теологических диспутов.

В январе 1998 года в монастыре бенедиктинцев в г. Мелк на Дунае филологом-германистом Кристиной Гласснер были обнаружены новые фрагменты «Песни о Нибелунгах». Пергамент с текстом (скорее всего XIII века) в свое время разрезали и пустили на заполнение переплета рукописи XV века. «Невозможно представить себе, какие побуждения могли двигать монахом, разрезавшим рукопись». находка представляет собой 15 строф, относящихся к 20-й авентюре «Песни о Нибелунгах», некоторые сохранились не полностью: маркграф Рюдигер из Бехеларена едет в Бургундию на Рейне с тем, чтобы от имени короля гуннов Этцеля сватать вдову Зигфрида Кримхильду.

Вопрос, что двигало монахом, чуть не погубившим бесценную реликвию, меня не занимает. Мне непонятно как раз другое: по какой причине монахи двести лет сохраняли эту почти еще языческую песнь, почему они ее записали. Зачем они вообще переписывали и хранили древние сказания? Может быть, монастыри были языческими? Или, может, тогда, в XIII веке, древние тексты уже начали фальсифицировать с целью проекции христианства в прошлое? Чем было употребление древней рукописи для заполнения переплета: разрушением или тонкой тактикой сохранения?

Эпоха Ренессанса поставила перед собой благороднейшую задачу сохранения старых текстов. При переписке текстов личные знания и мнения переписчика органично входили в сохраняемый (переписываемый) текст. Трудно провести разделительную линию между невинным с виду дополнением, сделанным из благородных побуждений, и сознательной фальсификацией. Именно здесь и может пригодиться языковой анализ.

Поэт Макферсон не мог изобрести гэльского языка XII века; он вообще нетвердо владел гэльским, так как в его переводах встречаются ошибки. Так же, как и Оссиан Макферсона, крайне сомнителен текст Слова о полку Игореве, найденный в 1795 году в одном русском монастыре. Рукопись датирована XVI веком; то есть «Слово», только «наполовину» подлинно и представляет собой позднейшую переработку устных сказаний.

На такое компромиссное решение (т. е. на «половинчатую подлинность») только и может рассчитывать Эдда (созданная в XII-XIII веках, но обнаруженная лишь в 1640), и это при условии, что мы не станем подробно вдаваться в насыщенность текста христианскими религиозными мотивами: видно, слушатели Снорри Стурлусона были уже – скорее всего, совсем незадолго до этого – христианизированы.

Невозможно признать подлинными ни Библию Ульфилы, ни Тацита, ни Саксона Грамматика.

Пытаясь представить себе весь этот хаос необозримого размаха, я делаю вывод, что речь идет о процессе, длившемся столетиями и направляемом на различные цели. Монахов, писавших историю, можно уподобить фантастам, описывающим научно-фантастическое будущее. Только фантасты уносятся мыслью во времени вперед, а монахи направляли свои фантазии назад. Не проставленные в ожидании дальнейшей унификации даты, свидетельствуют о колоссальном размахе операции, превысившим возможности управляемой из единого центра

церкви 104.

Искусство

Даже беглый обзор и стилистический анализ сокровищ искусства европейских музеев приводит к неожиданным выводам. Сколько прекрасных миниатюр и иллюстрированных Евангелий, относимых к средневековью, было создано многими столетиями позже! (Рис. 20.) Обратите внимание на ренессансные перспективы в средневековой живописи, на несоответствие эпохе оружия или одежды персонажей, на «барочных» ангелов и «просветленное» выражение на лицах святых! Яркий пример: Аахенское Евангелие с апофеозом Оттона III, «около 990 года; из монастыря Райхенау». Появление ангела в обличье женщины не может не вызвать вопросов: ангелы всегда считались существами мужского пола. А выбивающиеся из стиля Мадонны и распятия! Другой пример: мраморный трон Григория Великого (590-604) в Риме – на львиных лапах в арабском стиле и с филигранной отделкой.

По половым признакам ангела, который традиционно мог иметь лишь мужское обличье, по перспективе или анахронизму в изображении одежды можно сразу определить примерное время создания книги. Я хотел бы привести еще один способ хронологической классификации: если четыре апокалиптические фигуры появляются как символы великих религий, то, возможно, произведение искусства относится ко времени до 1100 года; если же они символизируют четырех евангелистов, значит, придется проставлять гораздо более позднюю датировку. Такие приметы помогут отличить подлинник от подделки и исправить ошибочную датировку, ибо автор подделки или тот, кто «родил» неверную датировку, не в состоянии ввести нас в заблуждение, так как в этом случае – как и в случае текстов – анализу подвергается само содержание, связанное с историей возникновения догмы.

Ранний сюжет книжных иллюстраций: поклонение волхвов – трех царей с Востока – младенцу Иисусу. В испанской рукописи (*Roda*), датированной началом X века и содержащей «Хронику» Альфонса Великого, уже имеется подобное изображение. Многие признаки подтверждают подлинность этого роскошного кодекса, хранящегося в Мадриде: византийская неподвижность фигур; наличие арабских черт и соответствующая эпохе латынь. Единственно лишь, если рассмотреть рукопись с данной новой точки зрения, – датировку придется отодвинуть лет на сто-двести. В принципе, таким образом можно выработать критерии для временного анализа древних рукописей на основе ее иллюстраций.

На севере Испании существует подлинная древняя христианская миниатюра: так называемые «прероманские» иллюстрации к «Откровению Иоанна». Самую известную из них, шедевр Беа-туса из Льебаны, я внимательно изучил. Датирован он VIII веком, однако удивительно напоминает миниатюру из Хаара, с достаточным на то основанием отнесенную к 1047 году (Беатус Фернандо I и донья Санчи). Сходится все до мелочей: выражения лиц, складки одеяния, расположение фигур и даже колорит. Самые ранние датированы 968 г. (Беатус Магиус) и 970 г. (Беатус Табары). В работе принимала участие и женщина, Эуде (Беатус Хе-роны, 975).

Работы Беатуса из Льебаны не могут быть древнее, так как всадники Апокалипсиса вставляют ноги в стремя, а оные пришли в Европу из Венгрии только в X веке (рис. 31).

Зачем же произведения искусства «стареют» на два-три столетия? Потому что для начала «отвоевания» Испании необходимы были христианские свидетели. Предполагают, что Беатус написал еще и боевую песню, в которой впервые речь шла о герое Реконкисты Сантьяго. Так, легендами, заполнялись нехристианские временные лакуны. И – хотя историческое творчество факты

104 Широкомасштабная Операция не руководилась единым центром. При всей важности роли церкви при сочинении виртуального прошлого человечества, нужно подчеркнуть и наличие многих локальных центров (феодалы, правители, отдельные города и т. д.) и общего хаотического фона, на котором разыгрывалась Широкомасштабная Операция. Личная инициатива, ментальный настрой, давление со стороны развивающейся книжной индустрии и многое другое играли свою роль в определении динамики Операции. Пропущенные даты часто были связаны с невежеством заказчиков и исполнителей поддельных документов, с отсутствием у них четких представлений о цели фальсификата, о фальсифицируемой исторической кулисе...

эти признаются многими современными испанскими историками – нам предстоит еще немалый путь до полного и честного освобождения из плена лжеисторических представлений – например, в школах, чтобы снять враждебный настрой против мусульманских государств и прекращения конфронтации с исламскими соседями.

Другого выбора у нас нет. Некоторые исторические сведения, например, сообщение монаха Ламбера о «походе в Каноссу» императора Генриха IV (рис. 32) – абсолютно неправдоподобны (это признано академической наукой). И все же созданные по политическому заказу фальшивки, не подтвержденные никакими другими источниками, по-прежнему проходят по ведомству факта (Каммайер, с. 296) ¹⁰⁵.

Глава 9. КОГДА ВОЗНИКЛА БИБЛИЯ?

Почему я задаю этот вопрос? Богословам давно известно, что Пятикнижие (пять книг Моисея) было написано «лишь» после вавилонского пленения, то есть почти тысячелетием позже, чем наивно полагали те, кто приписывал создание этого текста лично пророку Моисею. До формирования всего корпуса сочинений Библии должно было пройти еще несколько столетий, так как в своем нынешнем виде Ветхий Завет появился – согласно все тем же теологам – «только» в середине III века до н. э.; тогда он и был переведен на греческий 72 иудейскими учеными (отсюда и название – Септуагинта, «семьдесят»). Септуагинта признается только христианами.

С завершающим Библию Новым Заветом – еще проще. Он, по мнению богословов, был начат примерно в 65 году, т. е. вскоре после казни Иисуса, и завершён в начале II века, примерно в 120 году. Правда, в течение целого столетия решали, каким книгам принадлежать новому Канону, а каким – нет. Наконец, составили и Канон Нового Завета. Споры вызывало неудобное многим «Откровение Иоанна»; оно было включено в Канон Евангелий позже, особенно в Византии.

И вдруг не имеющий отношения к теологии автор доказывает, что все эти датировки не имеют ничего общего с действительностью. Автор этот собирается сделать Библию еще на тысячу лет «моложе», то есть на тысячу лет «приблизить» к нам дату ее создания. Причем речь идет не об отдельных стихах или вариантах компоновки текста, изменения которых, связанные с изысканиями современных ученых, можно было наблюдать и в XX столетии.

Нет, имеется в виду именно возникновение нашей канонической Библии.

Она не могла быть завершена до начала XII века ¹⁰⁶.

Помимо скрупулезных доказательств, должен существовать мотив. По какой причине в XI веке было предпринято создание Святого Писания? Ответ прост: к тому времени уже существовали Коран и Тора. Коран как раз закончили, а Тора приобрела свою фиксированную древнееврейскую форму. Только у христиан не было своей священной книги. Значит, ее нужно было написать. Вот вам и мотив: конкуренция ¹⁰⁷.

¹⁰⁵ Несоответствие истории искусств традиционному описанию прошлого может приводить к важным корректурам в хронологии и моделировании прошлого, как блестяще продемонстрировала книга Александра Жабинского «Другая история искусств», М., 2001. В историко-критических книгах Топпера, напечатанных вслед за данной, эта тема глубоко разработана с искусствоведческой и исторической точек зрения.

¹⁰⁶ Скорее всего, Библия не была написана еще и в начале XVI века. Эдвин Джонсон, английский профессор теологии, показал, что ее первичный Канон был составлен около 1530 года. Но и после этого Библия существовала скорее теоретически, чем практически. Ее распространение было церковью сильно ограничено, так как продолжалась работа над ее Каноном. Во всяком случае, у иезуитов, работавших в конце XVI века в качестве миссионеров в Китае, Библии еще с собой не было, хотя они и стояли в тесном контакте с Ватиканом. Обращение в христианство осуществлялось на основе катехизисов, т. е. кратких изложений постулатов веры.

¹⁰⁷ Согласно критическим представлениям на сегодня, эти рассуждения вполне приложимы к XVI веку. Коран вряд ли был закончен до появления книгопечатания, да и канонизацию Торы трудно себе представить – если отвлечься от поэтических фантазий типа «наш кадик все может» – до появления ее печатной версии.

Ислам представляется по преимуществу «религией книги». Коран требует от других религий «предъявления» своих священных писаний, ибо только «люди книги» (это, по исламским представлениям, – мусульмане, иудеи, христиане и сабеи) могут быть признаны верующими. Все остальные – враги. Здесь дело не только в духовном соперничестве; речь идет, скорее, о юридических положениях: о признании гражданства, о дипломатическом статусе единоправия.

В давние времена это могло быть жизненно важным, а сейчас? Неужели нас волнуют причина, обстоятельства и время возникновения Библии? Даже если Библия возникла на тысячу лет позже, мне-то какая разница? Я не верю содержащимся в ней историям и не признаю Библию ни как исторический документ, ни, тем более, как Слово Божье.

Нет, вопрос, вынесенный в заглавие, ставит перед нами новую, никогда всерьез не рассматривавшуюся проблему: в какой мере церковь нас провела? Почему мы не заметили мошенничества?

Впрочем, недостатка в умных и проницательных людях не было: обман был замечен. Из них самые известные – французский иезуит Гардуэн, швейцарский филолог Бальдауф и неутомимый борец Каммайер; их я представил читателю в начале книги.

Но тем не менее этот грандиозный хронологический обман по-прежнему не осознан в подобающей мере. Я еще раз со всей ответственностью заявляю: Хелианд, Евангельская гармония на немецком языке, написанная предположительно незадолго до 1000 года, – это один из древнейших текстов Нового Завета. Евангельские гармонии – суть прообразы нынешних Евангелий¹⁰⁸.

Вильгельм Каммайер четко сформулировал следующее положение: солнечное затмение или землетрясение во время казни Иисуса («храмовый занавес оказался разорванным в середине, сверху донизу») представляют собой символические театральные кулисы, а не действительные, имевшие место природные события. Библия создавалась с вполне определенной целью: не как опора для памяти и не как справочник для помощи в трудных жизненных ситуациях. Об исторической достоверности этого сборника сказок о чудесах не может быть и речи.

«Главной движущей силой и целью всего колоссального предприятия было желание инициаторов создать для жреческой касты замаскированный под историю документ, гарантирующий священникам их „конюшню“ для деятельности в будущем. Все остальные замыслы и планы были подчинены этой генеральной цели. Так как само собой разумелось, что церковный „божественный“ кодекс изложен „основателем“ новой религии и, следовательно, отдельные положения должны исходить от самого Иисуса, – было выбрано соответствующее историческое облачение. Вымышленная зачинщиками авантюры новая философская религия (философия, задрапированная религиозными понятиями) была преподнесена поэтому, как история Иисуса из Назарета. Историческое обрамление подходило для цели создателей как нельзя лучше: то, что заявлено как „факт“, трудно оспорить; история в высшей степени доходчиво представляет новую форму законодательства, к тому же главным действующим лицом этой истории является Бог, более того, сын Бога.

Разумеется, Святое Писание должно естественно восприниматься и с чисто исторической точки зрения; в нем как в непосредственном рассказе о событиях должны присутствовать доказательства, представляющие Христа как „историческое“ лицо. Евангелие должно было провозгласить учение именно в исторической форме. Для каждого отдельного положения священнического свода законов была придумана своя маленькая история. Четырехкратно воспроизведенные в Евангелиях в соответствии с топографо-хронологическими данными,

¹⁰⁸ Время написания поэмы Хелианд (Спаситель) следует отодвинуть на еще более позднее время. Если Христос и был исторической фигурой, то он жил не ранее XI века, так что естественно предположить в этом случае создание этой немецкой Песни о Спасителе в XII-XIII веках. Однако и более позднее ее возникновение нельзя исключить из рассмотрения.

маленькие истории эти вплетались затем в сюжетную нить большой поэтики Христовых действий и поступков».

Ветхий Завет

Я хочу предупредить, что не осмеяние Библии входит в мои задачи – на то в прошлом находилось немало охотников, – но раскрытие тайны о времени, когда могли быть написаны все входящие в нее истории, и осмысление того, духу какой эпохи можно все эти истории соотнести. На мой взгляд, к ним могут подойти только позднее романское либо раннее готическое средневековье.

Впервые серьезную критику библейского текста предпринял англичанин Кенникотт, выпустивший в 1776-1780 гг. еврейский Ветхий Завет. Старейший текст, который он использовал, восходил к 1106 году. Гениальный Айххорн заметил в связи с этим, что мы должны оставить сладкую надежду когда-либо увидеть первичный текст.

Но я собираюсь исследовать здесь не подлинность рукописей, но их содержание.

Что, собственно, представляет собой Ветхий Завет? Разношерстное смешение архаично звучащих обрывков преданий, заимствованных героических сказаний и семейных хроник, возвышенных песнопений и проповедей, любовных историй и мистических стихов, анекдотов и слухов. По духу мне все это представляется родственным столь богатой содержанием ранней немецкой и франкской литературе. Наверное, в качестве примера для использования всех упомянутых жанров нужно назвать «роман об Александре», который в первых столетиях после смены тысячелетия существовал на всех культурных языках Старого света, от Ирландии до Индонезии¹⁰⁹. Царящий в «романе о Александре» экзотический полный чудес мир передает в большой мере характер Библии, хотя прямые заимствования отсутствуют. Взаимовлияние друг на друга хотя и чувствуется; но речь идет скорее о парящих в воздухе мотивах, нежели о прямой зависимости. То же очарование древним прошлым, магическим Египтом и пышной Персией, богоподобными героями и прекрасными женщинами. Или так: ветры, овевавшие их создателей, были еще языческими.

Мог ли быть «александрийский роман» одной из канонических библейских книг? Среди утраченных книг, цитируемых в Библии, Делицш (1920), не стремясь к исчерпывающей точности, насчитывает дюжину «исторических» и еще десять – «пророческих». Странно: как мало из упоминаемых в Библии древних книг осталось в нашей сегодняшней Библии, и насколько искажены эти немногие канонизированные книги. Нередко авторство приписано сочинителям, жившим в более чем на полтысячелетия более раннюю эпоху. С подобной практикой мы уже сталкивались, разбирая «творчество» отцов церкви, поэтому предполагаем, что большинство цитируемых только по названию и «утраченных» библейских книг никогда не были написаны. Запланированные исторические и литературные рамки, которые по замыслу могли быть заполнены дополнительными текстами, оказались настолько сужены канонизацией, что от первоначального плана пришлось отказаться.

Описание результатов предпринятого Делицшем тщательного изучения библейского текста напоминает сатирико-юмористический листок. Составители Библии не имели ни малейшего представления о географических особенностях Святой Земли, практически ничего не знали о ее обитателях или об их соседях. О военной технике ни один из авторов Библии, очевидно, не имел ни малейшего представления. Описание многочисленных сражений у них более неправдоподобны, чем даже сказки братьев Гримм. Вооруженные одними мечами кочевники – откуда у кочевников из Египта мечи, об этом – ни слова – захватывают горный Ханаан с его крепостями и укрепленными городами, в которых жил цивилизованный народ,

¹⁰⁹ Традиционная историография относит «Поэму об Александре» к II веку н. э. Эта поэма якобы была переведена на 30 языков и послужила основой как мифотворчеству об Александре Македонском, так и для многочисленных средневековых стихотворных романов об Александре. Считается, что прозаические «Романы об Александре» возникают в XV веке и вскоре выходят в печатной форме. В Россию повествования об Александре т. н. «Александрия» проникает якобы не позже XII века.

была кавалерия, боевые колесницы и луки. Подробно описанных в Книге битв Иисуса Навин на самом деле никогда не было и не могло быть ни в описанной, ни в как-либо подправленной форме. Неправдоподобны и постоянные утверждения о том, что по указанию господнему вырезались все жители: мужчины, женщины и дети.

А взять хотя бы самые невероятные события («чудеса Иеговы»), постоянно фигурирующие на страницах Библии. Чтобы дать войску возможность преодолеть водные преграды, расступаются и воды Иордана, и поросшего тростником залива. Солнце останавливается, чтобы дать утолиться гневу. Падающие с неба камни не только побивают вражеское войско, но и разбираются при этом, где свой, где – чужой. (Я не исключаю того, что последний пример – это дошедшее до нас воспоминание о некоем космическом катаклизме¹¹⁰, но когда и где он произошел – из описания не вычитать.)

Комментируя знаменитое пресловутое взятие Иерихона, Делищ (с. 24) отмечает, что «колонна воинов, идущих по пять человек в ряду, должна была иметь в длину около 90 километров, и обходить стены Иерихона всей этой колонне пришлось бы 15 часов. А так как каждый воин должен был ежедневно обойти стену семь раз, то на все это предприятие потребовалось бы...

Нет более вопиющего примера для демонстрации разницы между правдой и поэтическим вымыслом, чем падение Иерихона. Поэтическая выдумка гласит: мощные стены Иерихона пали под влиянием мощи семикратно обнесенного священниками вокруг осажденного города ковчега Господня. Правда гласит: город был взят из-за предательства подкупленной блудницы» (с. 26)¹¹¹. Подобными примерами заполнены многие страницы, что говорит не столько об усидчивости Делища, сколько о количестве нелепиц, содержащихся в Библии.

Еще одна небылица: совершенно невероятная история о покорении Ханаана?

По этому поводу Делищ выражается ясно: «Нет Бога без земли» (с. 40). Иегова должен завоевать для себя «базисный» клочок земли. Каким образом – неважно. Вот мы и подошли к явной отправной точке: существовавшему лишь в религиозном смысле «народу» иудеев нужна родина, хотя бы в далеком прошлом. И они создают ее себе на кончике пера: пишут книги и описывают в них свою выдуманную «родину». Так, в X веке некоторые религиозные общины, осуществляющие миссионерскую деятельность везде вокруг себя, основывают все новые общины от Галиции на Украине до Галисии на Атлантике¹¹². Тогда же писалась история; чем невероятнее и фантастичнее, тем лучше¹¹³. История эта охватывала многие тысячелетия от дня творения; возводила иудеев в потомки первого человека на Земле¹¹⁴, в ней была передача

¹¹⁰ Имеется в виду, что катастрофа могла быть вызвана не земными, а космическими причинами (плотный поток метеоритов, например). Защищавшие осажденный Иерусалим иудеи могли скорее найти в городе защиту от падающих с неба камней (в подвалах, например), чем расположенные на открытой местности их враги.

¹¹¹ Подкуп даже столь мужественной защитницы, как некая библейская проститутка, сам по себе еще не приводит к падению мощных стен. Это вам не биржевые акции. Много убедительнее гипотеза о том, что в Библии рассказывается в иносказательной форме о штурме османами Константинополя (или одной из крепостей вблизи него) и о том, как после семидневного артиллерийского обстрела стены крепости рухнули. Тем не менее Делищ верно подметил, что библейские сказки нельзя принимать за чистую монету,

¹¹² Этот процесс, касающийся ранней монотеистической религии, мог в лучшем случае начаться в X веке, но не закончиться. В X веке рано говорить о евреях, даже в написанной много позже Библии это слово если и встречается малое число раз, то лишь из-за ошибок поздних редакторов. Понятие еврей возникло в XV веке в результате перехода большинства монотеистов под крылышко иерархически организованной папистской церкви. Согласно Брокгаузу и Ефрону, название еврей означает «с той стороны», что не обязательно интерпретировать географически: оставшиеся на той стороне, не перешедшие (в папизм).

¹¹³ Написание библейских историй я бы отнес к более поздней эпохе: XV-XVI века.

¹¹⁴ Возможно, таковой и была задумка авторов Библии, но они – включив в нее создание Адама Богом – сделали и все другие народы непосредственно восходящими к первому человеку на Земле.

древнейших в мире законов, отвоевание исконных родных земель, центральный храм и жреческая каста, и... все, что еще бывает необходимым для создания достойной уважения истории.

Делицш указывает осудительно и на в высшей степени презрительное отношение к женщине, сквозящее во всех ветхозаветных текстах. То же самое встречается и в Новом Завете (Иисус прикрикивает на свою мать: «Женщина, что мне делать с тобой?») и – в очень похожей форме – в Коране. Это – лишнее свидетельство того, что по времени создания эти книги недалеко отстоят друг от друга и что ими была зафиксирована ментальность некоего временного периода. Более того, здесь заложена не историческая картина, не моментальный срез реального прошлого, а изложена идеологическая программа, ставшая потом постепенно, шаг за шагом, фактом в социальной организации общества. Ни в античности, ни в европейском язычестве подобного отношения к женщине не было (согласно Хунке, 1958, оно было просто невысказано тогда). Новизна этой программы настораживает и помогает определить, что поздние редакции следует датировать более поздним временем: после черной смерти ¹¹⁵.

Подлинная традиция не допускает передачи столь сумбурных и противоречивых текстов, как книги Ветхого Завета. Мы вынуждены предположить, что отдельные фрагменты составлялись деятелями совершенно чуждой культуры; и подобной стряпней они намеревались заполнить выдуманный временной промежуток длительностью от двух до трех тысяч лет. Но как удалось повесить все это на шею умным людям, до сих пор остается загадкой ¹¹⁶.

Новый Завет

Каммайер, как и Бальдауф, считает, что Библия – прежде всего, Новый Завет – написана в позднем средневековье. И чтобы разобраться в этом, не нужно быть специалистом: от отдельных моментов у любого читателя волосы становятся дыбом. Прочитав хотя бы первые три Евангелия и Деяния святых апостолов, трудно избавиться от впечатления, что авторы данных текстов не знали Палестины и не имели ни малейшего понятия об иудаизме с его сложными законами и обычаями. Более того, они владели греческим как иностранным; арамейского языка почти не знали и, скорее всего, говорили и писали на вульгарной латыни, которая и была их главным языком.

Каммайер (1982, с. 328) отмечает следующую особенность: чем «моложе» Евангелие, тем более оно проникнуто восточными мотивами, ориентализировано ¹¹⁷.

Если Иисус, как принято считать или внушать, говорил на арамейском, то образованные иудеи – на греческом: ведь Тору в синагогах читали в греческой версии Септуагинты. Таким образом, налицо языковая лакуна.

¹¹⁵ Согласно Гуннару Хейнзону, написавшему в 1985 году с соавтором Отто Штейгером крайне интересную книгу «Уничтожение мудрых женщин», катастрофа середины XIV века и связанная с ней черная смерть (считается эпидемией чумы) существенно сократили население Европы и сместили на 1000 км на юг границу прорастания злаковых и винограда. В результате возникла нехватка рабочих рук в сельском хозяйстве и во многих других областях (армия, ремесленничество и т. д.) и церковь вместе с феодалами начала проводить в принудительном порядке новую экспансионистскую демографическую политику. Свободная женщина языческого общества сама решала, сколько детей ее семья может прокормить (и в скольких наследниках она нуждается) и обладала правом предохраняться от нежелательных беременностей и даже умерщвлять излишних детей. Новая христианская мораль объявила все это преступлением, начала охоту на ведьм (мудрых женщин, знавших свойства трав), старалась низвести женщину до положения родильной машины.

¹¹⁶ Ментальности людей позднего средневековья импонировали сказки и басни. Возникшее в эпоху Возрождения историческое самосознание находилось в зачаточном состоянии и тоже отражало сказочный образ мышления. В последующие века ставшие привычными сказки все в большей мере подвергались переосмыслению в духе новых религиозных идей. Итак, «навешивание на шею» было длительным и постепенным процессом.

¹¹⁷ А должно бы быть наоборот: чем дальше от «эпохи Христа», тем больше вероятность, что авторы подпали под влияние Рима.

Одним из первых исследователей этой проблемы стал бывший студент-богослов, обучавшийся при евангелическом монастыре в Тюбингене, Давид Штраусс. «Сегодня мы интересуемся Библией только с исторической точки зрения. Интерес этот не имеет ничего общего с поисками истины», – пишет он в предисловии (1864). Но все мы – крайне политизированы и предвзяты. «Если кто-то пишет о властителях Ниневии или о египетских фараонах, то им вполне может двигать чисто историческая заинтересованность. Однако христианство – настолько живой организм и такая мощная общественная сила, а ответ на вопрос об обстоятельствах его возникновения может вызвать настолько серьезные последствия, что только тупоумный исследователь будет заниматься одним лишь историческим аспектом постановки вопроса о возникновении христианства».

Штраусс, в принципе, распознал, в какую игру здесь играют, и представлял себе масштабы фальсификации. Он приводит типичный пример нравов той эпохи, в которую так много и так легко подделывали: через несколько дней после казни короля Карла I в Англии появляется составленная якобы самим королем в заточении памятная записка, в которой он формулирует доводы в свою защиту и против обвинения. Публика проявляет к сему документу живейший интерес, и за короткий срок «меморандум короля» выдерживает 50 изданий. Казненный монарх в общественном сознании становится невинной жертвой, мучеником. Однако в том же 1649 году знаменитый Мильтон пишет, что речь идет о фальшивке. Сейчас-то известно, что письмо подделал епископ Экзетера. Но тогда в это никто не хотел верить. «Если в тот, в высшей степени просвещенный, век образованные люди в течение сорока лет верили подобной фальшивке, защищали ее подлинность, – пишет Штраусс (с. 27), – то нечего удивляться тому, что можно было безнаказанно написать и обнародовать от имени Христа, апостолов и прочих выдающихся личностей так много поддельных текстов».

«Во втором веке до новой эры некий александрийский иудей, Аристобул, якобы собрал стихотворения древнейших греческих поэтов (или сам сочинил эти стихи за них), причем эти поэты не просто высказывали идеи в духе монотеизма, но даже сочувственно выражались по конкретным вопросам еврейских религиозных положений. Удивляет наглость этою начетчика, с которой Аристобул, развивая свою теорию греко-иудейских связей, подобрал и подделал фрагменты из древнейших греческих поэтов таким ловким образом, что выходило, будто Орфей рассуждал об Аврааме, Моисее и десяти заповедях, а Гомер – о седьмом дне творения и святой субботе. При этом ему пригодилось не только тщеславие его единоверцев, безоговорочно принявших эту теорию, но и то, что ему поверили и на него ссылались даже прославленные и образованные отцы христианской церкви. Климент Александрийский и Евсевий Кесарийский полностью поверили в сконструированные Аристобулом последовательности доказательств».

Штраусс продолжает: «Вопиющий пример – переписка Христа с царем Эдессы Абгаром. С этой „редкостной“ находкой из эдесского архива нас познакомил Евсевий, причем он же сделал перевод с сирийского оригинала».

Содержание писем Христа этому сирийскому царю, жившему пятьюстами годами позже, чем Иисус, настолько наглое, что может вызвать у любого слабонервного современного богослова приступ головной боли. В этих «письмах» Иисус ссылается на сочинения своего апостола Иоанна (IX, 39; XX, 29 и др.), написанные гораздо позже. Такого рода цитирование библейских отрывков с целью доказать раннее возникновение Евангелия нам знакомо уже с XVI века. Штраусс приходит к именно такому выводу.

Впоследствии Штраусс стал одним из самых образованных богословов своего времени, автором многочисленных теологических сочинений, вызывавших оживленную полемику. Его первый критический труд был написан в чисто теологической манере, с тщательным приведением доказательств для каждого отдельного утверждения. В старости, на 40 лет позже, как венец жизненных трудов, он предпринял сочинение предназначенной для широких кругов читателей книги «Жизнь Иисуса для немецкого народа», из которого мы цитировали выше. Эта популярно написанная книга, в которой он вновь вынес на обсуждение поставленные им еще в молодости вопросы, вызвала яростную дискуссию, в то время как его предыдущие, адресованные непосредственно теологам разоблачения в течение многих лет успешно замалчивались академической наукой.

Стремление к поиску истины и просветительству не затихало и в следующих двух поколениях; критическое направление в библеистике успешно развивалось, достигнув кульминационной точки к началу Первой мировой войны¹¹⁸. Одним из наиболее известных представителей этого направления был Артур Древе¹¹⁹, составивший свой корпус убедительных доказательств позднего происхождения мифа о Христе (см. переработанное издание именно так и названной книги 1921 года). Кроме несоответствия созданного образа Иисуса духу времени, в которое этот образ был помещен, Древе подчеркивал психологические несоответствия в фигуре Христа, незнание создателями этого образа психологии людей той эпохи, а также исторические противоречия: Ирод, при котором должен был родиться Христос, умер уже в 4 году до н. э., а сирийский наместник тех дней Кирений исполнял свои обязанности вовсе с 7 по 11 годы н. э.¹²⁰

Расцвет деятельности Иоанна Крестителя должен был прийтись на правление в Абилене тетрарха Лизания, который на самом деле умер в 36 году до н. э., к тому же Абилену никогда не была тетрархией. Анна и Кайяфа якобы одновременно были первосвященниками, но первосвященник мог быть только один. Судя по описанию Флавия, царь Ирод I был достаточно гуманным человеком, и уж ни в коем случае он не стал бы устраивать «избиение младенцев» (Древс, с. 33). В общем, авторы, писавшие Евангелия, не имели представления о действительной истории и образе жизни людей древней Палестины. Не были они знакомы и с реконструкциями историков эпохи Возрождения. Итак, верхняя и нижняя границы времени написания Евангелий обозначились: «выше» поздней античности и «ниже» Ренессанса. Мое первичное подозрение падает на эпоху от X до XIV веков.

Тщетное долгое ожидание возвращения Спасителя (например, ожидание скорого его возвращения в Евангелии от Марка, 13, 7-13) должно было превратить христианство, будучи таковым существовало уже в античности, в посмешище. Неисполнение предсказания в течение многих поколений должно было повлиять на христиан, и если и не уничтожить, то полностью изменить их учение. Только ретроспективные предсказания – тем более, когда сама ретроспектива вымышлена и отнесена в прошлое на почтительное временное расстояние –

¹¹⁸ Это направление получило прозвище супер– или сверхкритицизма. Префикс «супер» в этом слове интерпретировался защитниками традиции (в форме модели виртуального прошлого) как указание на «излишества», на «перегибание палки сверх нормы». Традиционалистам повезло: вторая мировая война прервала повышенный интерес публики к суперкритицизму и традиционалисты смогли приписать себе победу в споре, в котором, мол, они привели лучшие аргументы. Прекрасное представление о современном состоянии и традиции суперкритицизма дает веб-страница <http://www.hermann-detering.de/> доктора теологии Де-теринга.

¹¹⁹ Один из классиков движения суперкритицизма, философ и писатель Артур Древе (1865-1935) опубликовал до своего 42 года 25 книг по философии, психологии, филологии и другим гуманитарным областям и приобрел стойкую репутацию эрудита, работоголика, но и вольнодумца и диссидента, не идущего на компромиссы с догматической академической элитой. Все его творчество демонстрирует, что он никогда не плыл по течению распространенных в академических кругах представлений, а всегда был критически и оригинально мыслящим ученым. Особенно зло реагировал научный истеблишмент на книги Древе, которые он писал не для академической элиты, а для широкой публики.

В 1910 году Древе прогремел на весь мир своей вышедшей в 1909 году книгой «Миф Иисуса», в которой, со свойственной ему академической тщательностью, собрал многочисленные аргументы, говорящие о том, что образ Христа легендарен и что историчность Христа ничем не доказана. Под влиянием этой переведенной на многие языки книги перед первой мировой войной в Берлине состоялись публичные дебаты на тему об историчности Христа. Успех их был таков, что дебаты пришлось перенести в громадный шатер шапито. Пресса характеризовала это событие, в котором приняло участие около 15 000 зрителей, как величайшее явление в истории христианства после лютеровской реформации.

¹²⁰ Библия же утверждает, что он был правителем Сирии в дни рождения Христа. Чтобы выйти из этого затруднения, традиционалисты придумали, что указанное Топпером время правления суть второй срок на этом посту. А Кирений (греческий вариант имени Публиса Сулфи-ция Квирина) был при рождении Христа правителем Цилиции, аннексированной сирийцами именно в это время. Поэтому, мол, его не совсем правильно называть правителем, но такая ошибка, мол, простительна. И вообще, коль Лука так написал, то так оно и было, ведь этого апостола сегодня возводят в ранг серьезного историка!

оказываются якобы верными. Разрушение персами Иерусалимского храма должно было вызвать огромный поток беженцев, распространивших по всей Европе новые идеи; ими, скорее всего, и был дан импульс к написанию Евангелия. Кроме этого, их естественное желание отвоевать Святые Земли приблизило эпоху крестовых походов ¹²¹.

Уже первый христианский мученик, Степан, нес пропагандистскую нагрузку: рискуя жизнью, он предпринял попытку отвлечь иудеев от культа храма. Этому можно найти соответствие в византийском иконоборчестве, идеология которого зародилась одновременно с набирающим силу исламом и с первыми попытками размежевания с иудаизмом и самоопределения европейских христиан. Речь идет, следовательно, примерно об XI веке ¹²².

Древнейшие христианские тексты представляли собой собрания афоризмов, вложенных с течением времени в уста Спасителя. Ориген, один из ранних «Отцов церкви», знал множество Христовых изречений, не имеющих соответствия в канонических Евангелиях. Мусульманами записана добрая сотня только им известных высказываний, которые они приписывают Христу (собраны Асином Паласиосом).

После попыток перепроверить евангельские цитаты в произведениях средневековых авторов, я вынужден с сожалением констатировать, что, в основном, встречается либо не совсем внятное цитирование, либо цитата стоит в тексте, который, судя по впечатлению, написан или, по меньшей мере, переписан лишь в эпоху Возрождения. Кроме того, в Новом Завете встречаются чрезвычайно подозрительные с точки зрения содержания места: маловероятно, чтобы Павел поехал в Дамаск с целью преследования христиан, как об этом сообщается в Деяниях апостолов (Евангелие от Луки, гл. 9). Скорее всего, он, согласно древнейшей традиции, ожидал там возвращения Христа. Вообще, в древнем мире Дамаск, как город Ветхого и Нового Заветов и Страшного суда, имел настолько большое значение, что первые исламские калифы, Омейяды, сделали его в VII веке своей столицей. А вот упоминание в Евангелиях Назарета можно смело зачислить в разряд недоразумений: как город Назарет появился только в эпоху крестовых походов.

В многочисленных противоречиях Евангелий и Посланий отражаются дискуссии находящейся в процессе становления господствующей церкви, выросшей из различных противоборствующих духовных течений. Иногда одни послания Павла комментируют другие послания Павла (Детеринг, 1995), причем и те и другие написаны не им. Три так называемых «пасторальных послания» (два – к Тимофею и одно – к Титу) принадлежат еще одному автору, который не знает ни жизненных обстоятельств вымышленного персонажа по имени Павел, ни прежних его вероучительных высказываний. Первоначально, скорее всего, они задумывались для других целей, а не для фальсификации «Посланий» Павла.

Сведение текстов Нового Завета в единый Канон должно было удовлетворить обе партии: последователей Петра и последователей Павла. То есть в него на общих основаниях, без расстановки приоритетов, вошли все важнейшие положения обеих сторон. В этом-то и состояла цель канонизации: создать сложные, таинственные, не поддающиеся интерпретации (и, стало быть, интерпретируемые богословами каким угодно образом) тексты трудно определимого авторства. Для утверждения и окончательной правки Канона средневековая церковь создала ересиологические сочинения (например, Иринея), в которых явно отражаются позднейшие теологические дискуссии.

Если мы обратимся к аргументам дискутирующих сторон, то нам (с удивлением) придется признать, что темы дискуссии никак не могли принадлежать – как это утверждается – античности: они возникли только во втором тысячелетии.

Первый результат анализа: мистерии

¹²¹ Но не через тысячелетие же с лишним после событий! Если же персы – это османы, а разрушенный храм находился в 1453 году в Константинополе, то мы получаем основу для датирования «крестовых походов» второй половиной XVI и XVII веков.

¹²² Сегодня Топпер, скорее всего, сказал бы: в XIV или XV веках.

Христианская церковь сформировалась как ответ на распространение в Центральной Европе иудаизма. Поскольку иудейская Тора являлась неоспоримо священной книгой, христианам в срочном порядке потребовалось создать соответствующий документ. Интенсивный духовный процесс XI века должен рассматриваться как попытка противодействия зарождавшемуся почти одновременно с христианством исламу и усилению в Центральной Европе иудейского влияния. Значение Торы еще больше усилилось в связи с духовным движением караимов. И слово «караим»¹²³, и название священной книги ислама возникли от семитского кара = читать. Составление Корана и Нового Завета стало прямым следствием присутствия и распространения Торы. Взаимовлияние этих книг очевидно, хотя и отрицается повсеместно. Так, в борьбе и соперничестве, во взаимном «подзадоривании», зарождалась сложная догматика трех монотеистических религий¹²⁴.

У иудеев с их Торой и с вымышленными «историями предков» было огромное преимущество. Коран, сложенный из древних сирийских и эфиопских молитв и песнопений, был дополнен видениями пророка Аравии (Люлинг, 1974).

Христианам тоже пришлось обратиться к имеющимся уже текстам, а именно – к уже существовавшим тогда свиткам мистерий. В них, в гностической манере, уже была представлена тайна умирающего и возрождающегося юноши.

Изначально мистерии были чисто языческим обрядом проводов покойного, чья душа при помощи этого действия вводилась в потусторонний мир. Проводник души (психопомп) спускался с ней в преисподнюю и знакомил ее с новыми условиями существования. Отголоски этого обряда узнаваемы в Евангелии от Никодима, в «сошествии Христа во ад», где Христос спасает некоторые некрещенные души, но лишает надежды на спасение остальные души, собственноручно опечатав преисподнюю. Так образуется некое новое междумирье (подобие античного преддверия ада) для спасшихся душ, не могущих войти в рай (то, что это – позднее изобретение, мы узнали из главы о чистилище).

Образцом для «сошествия во ад» послужило древнее культовое действие, сопровождавшее смерть короля: усопший подходил к воротам подземного царства, просил позволения войти и, после некоего испытания, получал разрешение на вход. Ранние пасхальные действия всегда происходили на могиле; часто этим целям служила специально вырубленная в камне могила в форме человеческого тела, как, например, в скальной формации Экстерн-штайнен¹²⁵.

¹²³ Движение караимов – это реформаторство внутри иудаизма. Караимы в еще большей мере, чем иудеи, отрицали единую церковь. Более того, они протестовали против унификации толкования Торы и не признавали других священных книг иудаизма (мишна и талмуд). Каждый верующий вправе сам читать и толковать Тору. Параллели с христианской реформацией столь сильны, что возникает вопрос: а не приписали ли караимам большую часть грехов евангельских церквей, не является ли их история в существенной своей части проекцией истории реформации на иудаизм? Рассмотрение этой гипотезы может привести к совершенно иному датированию возникновения и расцвета караимства (все тот же XVI век, а не VIII–IX).

¹²⁴ Автор считает, что Новый Завет возник позже Ветхого: такова и точка зрения традиционалистов. Несколько иная точка зрения на динамику возникновения трех мировых религий была изложена выше в одном из моих примечаний. Первоначальное распространение во всей Европе получил не иудаизм, а первичный монотеизм, он же предьудаизм и предкатоличество, а на Востоке Европы – предправославие и арианизм как предьслам. Из нее следует, что Новый Завет мог быть – в своей первоначальной версии – написан и раньше Ветхого (конечное редактирование и того, и другого проходило более или менее параллельно в XVI веке и продолжалось и в более поздние века). Просто Новый Завет послужил идеологической основой для будущих папистов, а его (и папизма) отрицание частью монотеистов привело к кристаллизации иудаизма. Ислам мне представляется явлением XVI века, которому позже приписали деяния части начальных монотеистов.

¹²⁵ Знаменитые скалы Экстернштейнен (Камни Муки от нем. экстерн = мучить) в Центральной Германии, в Тевтобургском лесу, имеют до 40 м в высоту и стоят живописно на краю долины (другая версия названия Внешние Камни). Они были предметом поклонения в языческие времена и были превращены в монастырь в более позднюю эпоху (якобы в 1000 году). В скалах была сооружена капелла и вырублено распятие, которое критиками истории приписывается Лукасу Кранаху Старшему, а не 1130 году, как в традиционной истории.

Для погребальных представлений – рассчитанных, кстати, только на самых близких родственников покойного – строили здания; их можно рассматривать как прообразы романских церквей. Ступени (на которых сидели или стояли участники и зрители) окружали «сцену» – возвышение, позже превратившееся в христианских церквях в алтарь. Оно было отгорожено щитами с входами и просто свободным пространством между ними, позволявшими видеть, что происходит за щитами. Щиты эти превратились впоследствии в алтарную перегородку, а затем и в иконостас.

Подобные «протоцеркви», полностью вырубленные в скале, были обнаружены нами при исследовании доисторической наскальной живописи в Южной Испании (У. и У. Топпер, 1988). А наскальная живопись, связанная с культами, относится вовсе не к неолиту, не к бронзовому и даже не к медному веку, но к позднеримской и раннехристианской эпохам, о чем свидетельствуют запечатленные на них символы: имена Христа, символы откровения Альфа и Омега и т. д. В пещере Пенья Ту (Астурия), считавшейся раньше доисторической, есть изображение христианского креста. Очевидной стала связь между астурийским святилищем (с выкрашенными в красный цвет стенами, причем покраску можно считать первичной формой фресок и отнести к X веку) и астурийскими храмами вестготов, древнейшими «христианскими постройками» в Западной Европе (рис. 33; 34).

Что касается испанской наскальной живописи, то она тесно связана с вырубленными прямо в скалах могилами, повторяющими своими очертаниями форму человеческого тела. Пещеры с наскальной живописью, по тематике почти всегда относящейся к погребальному культу, находятся обычно недалеко от таких каменных могил (либо в наскальной живописи встречается изображение подобных могил). Большинство археологов эти могилы датированы IX–XI веками. Они напрямую связаны с ранними верованиями – совершенно нам неизвестной и кажущейся чуждой праформой христианства: с массивными крестильными купелями, монашескими кельями, но без крестов. Скальные захоронения находят во все большем и большем количестве: от севера Португалии, через Андалусию и до Алжира. Они есть даже в Эльзасе и, как упоминалось выше, в скалах Экстернштайнен.

Важным ритуалом считалось «уложение живого во гроб». Желающий быть посвященным и принятым подвергал себя церемонии, в ходе которой он ложился (или его клали) в каменную могилу (рис. 38, 39), проходил через квази-умирание и возрождался. Считалось, что над ним, как над «заново родившимся», теряла свою власть смерть.

Так возникло представление о смерти и возрождении Иисуса из Назарета как о представительных для всех и каждого, для всего человечества. «Страсти Христовы», театральное действо, разыгрывавшееся в средневековье по всей Европе, я считаю прямым преемником древнего погребального культа (языческих мистерий)¹²⁶. Чтобы составить себе представление об этих обрядах, достаточно посмотреть традиционное испанское Лоа, в котором частично используется текст XVI века. В собрании старинных немецких песен *Carmina Bugana* сохранились тексты «Страстей Христовых» начала XIV века.

Многие высказывания Иисуса восходят к языческим застольным тостам, произносимым на ритуальных трапезах; в христианстве им придан другой смысл, как, например, его словам в Гефсиманском саду: «дух бодр, плоть же немощна» (Матфей, 26, 39-44).

Известно также, что эпизод с обращением Павла перед Дамаском частично восходит к сцене празднования из «Вакханок» Еврипида (это отметила еще Ранке-Хайнеман, см. Детеринг, 1995, с. 30).

Я предполагаю, что в своей первоначальной форме «Откровение Иоанна» было создано

¹²⁶ В одной из своих последних работ, Топпер приходит к выводу, что умерший в 1516 году великий голландский художник Иеронимус Босх не рисовал никаких христианских сцен и, скорее всего, еще не был знаком с христианством. Зато после его смерти его картины были «дописаны» христианской символикой. Топпер пришел к этому выводу на основе искусствоведческого анализа (сам художник). Применение современных физических методов подтвердило этот вывод. Те же не подправленные католиками картины Босха, на которых якобы изображен страдающий Христос, Топпер классифицировал как представление действия на сцене, мистерии.

либо для театральной постановки, либо для чтения по ролям ¹²⁷. По мнению многих богословов, «Откровение» было самой ранней христианской книгой, поэтому и введенной в Канон в последнюю очередь: текст «Апокалипсиса» замалчивался, пока не был приведен в соответствие с принятыми в Каноне догмами. Это случилось около XI века (датировка не традиционная, из-под пера теологов, а моя собственная). Определить, когда именно был написан «Апокалипсис», в настоящее время не представляется возможным; ясно одно: до X века иллюстраций к этой или к другим библейским книгам не существовало. Скорее всего, иллюстрации Беатуса из Льебаны в северной Испании – это первые рисунки к библейским текстам; они не могли быть созданы ранее 980 года. К этому выводу я пришел, сравнивая между собой разных фигурирующих под этим именем лиц. Все иллюстрированные Евангелия гораздо «моложе». Якобы в 987 году «Откровение» было переведено на грузинский; существует, мол, такая рукопись, принадлежавшая святому Евфи-мию ¹²⁸. Если эта датировка надежна – что вовсе не очевидно, – значит, нам известна первая исходная точка для датирования начала записывания Библии.

Сближение

Первоначально не существовало Евангелия, в котором была бы последовательно изложена история жизни Христа. Первичные Евангелия были собраниями многочисленных изречений, объединенные еще не сформировавшимся образом Иисуса.

Не вошедшее в Канон и не признаваемое сегодня более, но, очевидно, древнейшее из Евангелий, это – Евангелие от Фомы. Оно содержит 114 изречений Иисуса. Число это привлекает внимание теологов, ибо бессмысленно с сакральной точки зрения.

Число 112, например, это – осмысленное сакральное число, 28 (сумма всех чисел от одного до святой семерки) умноженное на четыре (в ту эпоху многие люди еще ориентировались на четырехлетний олимпийский цикл) ¹²⁹. К тому же числа 28 и 112 играли определенную роль в календарных расчетах. Некоторым кратчайшая последовательность числа лет 5,6, 11 и снова 6 казалась слишком сложной при вычислении периода времени, по прошествии которого начало года снова приходилось на тот же день недели. Такие люди использовали их сумму, равную 28 годам ¹³⁰. Поэтому 28 стало священным числом, задающим

¹²⁷ Н. А. Морозов в своей первой историко-критической книге «Откровение в грозе и буре» (1907) и позже в «Христе» интерпретировал «Откровение Иоанна» как поэтическое описание вполне определенного гороскопа, который можно датировать 395 годом новой эры (возможна и датировка поздним средневековьем). Артура Дрекса, написавшего пространное предисловие к немецкому переводу «Откровение в грозе и буре» (книга вышла в 1912 году в Штутгарте), следующая из этого положения Морозова критика ранней истории христианства вполне устранила. Топпер в одной из статей выразил сомнение в обоснованности интерпретации Морозова. Отметим, что эта интерпретация не противоречит возможному театральному характеру произведения.

¹²⁸ Этот византийский теолог, известный также под именем Цигабенос или Цигаденос, жил якобы в XI–XII веках (умер не ранее 1118 года). Как автор антиеретических произведений творил, скорее всего (если не был выдуман от начала до конца), много позже, чем это считают традиционные хронологи.

¹²⁹ Реальный счет по Олимпиадам велся, скорее всего, лишь в XIII–XV столетиях н. э. Нынешняя растянутая на тысячелетие и отнесенная в «античность» олимпийская хронологическая шкала – одна из фальшивок гуманистов. Она была придумана по намерению Йозефа Юстуса Ска-лигера одним из его единомышленников, соавторов по созданию виртуального европейского прошлого, выдаваемого сегодня за модель нашего действительно имевшего быть прошлого. Умножение на четыре вряд ли восходит к языческим олимпиадам, число это и без оных издавна наполнялось эзотерическим содержанием.

¹³⁰ Если рассмотреть т. н. «круг Солнца», т. е. 28 последовательных лет юлианского календаря, из которых первый – високосный, то первые 5 лет будут иметь ровно 261 недели, следующие 6 – 313, последующие 11 – 574 и последние 6 снова 313 недель. После каждого из этих целых чисел недель дни недели снова начинали падать на те же числа месяца, так что не только начало года, но и любая другая фиксированная дата внутри года (например, 29 апреля) начинала приходиться на тот же день недели. Удобство периода в 28 лет в том, что не нужно предполагать високосность первого года.

временной ритм.

Первоначально Коран содержал 112 сур: налицо взаимозависимость Евангелия и Корана. Впоследствии к ним добавили еще 2 молитвы, так что получилось число 114. Приписываемы Христу высказывания из Евангелия от Фомы, якобы записанные братом-близнецом последнего, довольно близки к Евангелию от Матфея. Поэтому я считаю, что созданы они были почти одновременно (в широком смысле: в пределах одного поколения).

В текстах даже заметны кое-где следы обоюдного сличения и корректуры, необходимой при одновременности создания. Возьмем, например, Тайную вечерю. Впервые она описывается у Луки: Иисус сдержанно отказывается от вина («плода виноградного»), но в роли виночерпия угощает им своих апостолов. У Марка – чуть подробнее: после трапезы Иисус говорит, что он «уже не будет пить от плода виноградного до того дня, когда будет пить новое вино в Царствие Божие». Затем – снова к Луке: тут возникает тема благословения чаши после трапезы. Затем – к Матфею, с его теологически обоснованным «оставлением грехов» и в правильном порядке действий. Я не пытался воссоздать очередность появления текстов, а хотел подчеркнуть их одновременность и взаимозависимость (у напоминающего фигуру из романа Иоанна эта часть сцены с языческой трапезой и Божьим судом опущена: она не укладывалась в его мистическую концепцию).

То же самое есть и в Коране, правда, не так подробно: трехступенчатый отказ от радости винопития.

Времяисчисление

Продемонстрировав удивительную усидчивость и энциклопедические знания, Август Штробель (1977) сопоставил еще раз все имеющиеся в распоряжении науки указания на точную дату смерти Христа и установил, что она должна была последовать именно 7 апреля 30 года. По одному только списку использованной литературы видно, как много людей занималось определением этой важнейшей даты современного христианства. Пред осознанием масштаба количества времени, затраченного на изыскания, и необъятной учености исследователей, пожертвовавших оное на анализ данного вопроса, выглядит бледно любая критика. Однако все исследователи, по крайней мере, в сравнительно близкое к нам время, исходили из того очевидного для них, не подвергаемого ими сомнению факта, что счет лет от Цезаря (или даже раньше) без всяких перерывов велся вплоть до наших дней, поэтому при помощи астрономических и календарных вычислений возможно уверенно рассчитать любую далеко отстоящую от нас дату.

Однако непрерывность исчисляемой череды лет вовсе не очевидна. Можно в лучшем случае переходить от одного способа летоисчисления (например, античного, по олимпиадам) к другому (например, к эре Мучеников¹³¹) и от нее затем к нынешнему (от Рождества Христова). При каждом из переходов ошибки могли составлять столетия. За старейшее непрерывное времяисчисление нужно принять исламское (от 622 года; «Хиджра», или «Хеджира», сокращенно – Х). Это летоисчисление документально подтверждается предположительно от 100 X, самое позднее – от 300 X; при таком подсчете на дворе у нас – 1424 год¹³² (исламский год на 11 дней короче христианского).

¹³¹ Имеется в виду эра Диоклетиана – якобы преследователя христиан, запретившего христианство в 303 году н. э., она же коптская эра (используется коптами в Египте до сих пор). Так как христиане якобы не хотели вести счет лет от года восхождения на престол своего мучителя, то они называли это летоисчисление «эрой мучеников» (в испанском это название весьма популярно, в немецком используется параллельно с привычным русскому читателю ее обозначением). Началом этой эры считается 29 августа 284 года н. э., якобы в этот день начинался в Египте юлианский год, на который пришлось восшествие Диоклетиана на римский престол. Применялась в основном в Египте, но частично и в Европе.

¹³² Имеется в виду 1998 год, когда книга была напечатана по-немецки. В 1980 году завершился год 1400X и начался мусульманский XV век. Хиджра по-арабски означает откочевку (в данном случае бегство Пророка из Мекки в Медину). Достоверность применения эры X уже в году 300X крайне сомнительна: Топпер имеет в виду,

Две эти системы подсчета – хиджра и Anno Domini (годы от Рождения Христа) – совпадают (с относительной долей вероятности) только после 1000 года от Рождества Христова.

Нетрудно сообразить, что из этого следует: все астрономические свидетельства (о затмениях, кометах, появлении звезд над горизонтом и т. п.), якобы наблюдавшиеся до 1000 года н. э., ненадежны. Следовательно, бессмысленны и все астрономические расчеты (например, прецессии, степени периодичности комет и т. д.), проводимые задним числом и основанные на «свидетельствах» эпохи до 1000 года.

Но пусть труд Штробеля тем самым и несостоятелен, я тем не менее буду ссылаться на отдельные места из него, так как даже его запутанные выводы помогут нам яснее увидеть, как работали в свое время фальсификаторы текстов.

Вот, например, с. 103 из его книги. Судя по Евангелию от Луки, Иисус был крещен в пятнадцатый год правления императора Тиберия (т. е. в 28/29 годы) и в тот же год, или – самое позднее – в шестнадцатый год императора Тиберия (т. е. в 29/30 годы), был распят. Следовательно, проповедническая его деятельность длилась не более года. «Основой для такой оценки служили подсчеты, базирующиеся на детальном изучении текстов Евангелий. Уже гностики признавали привлекательной эту точку зрения». Иными словами, он хочет сказать, что этот подсчет подтверждают древнейшие тексты. Однако византийские «отцы церкви», вымышленные католическими схоластами и гуманистами, предпочитают отводить Иисусу на проповедь его Учения от двух до трех лет.

В эпоху, когда создавалась «Евангельская гармония» Татиана, дискуссия об этом шла полным ходом. Сначала Христу «оставляли» один год (нидерландский, тосканский и персидский варианты), затем – от полутора до двух (староанглийский вариант), затем, наконец, от двух до трех (старонемецкий и арабский варианты). Дальнейшее удлинение срока до четырех или даже до пяти лет, тоже имевшее своих сторонников, было со временем снова отклонено. Даже авторитетнейшие отцы церкви не писали о более продолжительных сроках; они должны были быть введены в ранние сочинения Августина, однако в поздних текстах, с целью архаизации, проставлен снова один год. Некоторые теологи приводили одновременно и одну, и другую точку зрения (Проспер Аквитанский, «V век»). Штробель делает и ясно обосновывает правильный вывод о том, что к увеличению срока активной проповеди Христа приводили, главным образом, эсхатологические предчувствия (начиная со с. 100, особенно на с. 109). Это свидетельствует о том, что начало процесса правки можно отнести, самое раннее, к 1250 году. Чтобы «спасти» в этой ситуации Тиберия, пришлось прибегнуть к испытанному средству: к «соправлению» и к «управлению провинцией». (С пятнадцати лет Тиберий воссел на императорский трон, но с 19 – управляет провинцией.)

Еретики-гностики, разумеется, также были «привлечены» Климентом Александрийским к вышеприведенным подсчетам даты смерти Христа, хотя вряд ли им – если они вообще когда-либо существовали (отличных от этого «привлечения» свидетельств о них нет) – такого рода рассуждения могли быть интересны. Но эта ссылка на (незначительные) расхождения в датах – суть – с точки зрения церкви – лишние доказательства серьезности предмета дискуссии и, следовательно, историчности Христа.

Штробель прослеживает иудейские календарные системы вплоть до Маймонида (1135-1204); но здесь-то и становится очевидно, что ни разрушение Храма, ни рассеяние приверженцев Моисея не могли состояться много ранее 1000 года, так как иудейские сочинения становятся известны в Европе примерно с этого времени.

Далее Штробель ссылается на армянский перевод Евсевия, в котором приводится исчисление по олимпиадам: Иисус был распят в четвертый год 203-й олимпиады (корректнее: ол. 202.4). Однако временная ориентировка по этой системе абсолютно бессмысленна. Хитрость, с которой эта система используется для определения даты распятия, бросается в глаза. Некий Флегон, «знаменитый античный астроном» второго века новой эры (наверняка фигура вымышленная), сообщает о том, что в это время (четвертый год 203-й олимпиады)

произошло продолжительное солнечное затмение, землетрясение и иные природные явления, что соответствует, мол, описанию у Луки (23, 44-45) смерти Иисуса.

Итак, при помощи ссылки на солнечное затмение, пришедшееся согласно обратному астрономическому расчету, на «желанный» 30 год н. э. (наблюдавшееся, правда, не на Пасху, а спустя полгода), распятие Иисуса наконец-то хронологически «заверено». Правда, некоторые богословы, придерживающиеся мнения о продолжительном сроке проповеди Христа, ссылаются на вычисленное в эпоху Возрождения лунное затмение, пришедшееся на Пасху 33 года. Мы, профаны, в недоумении: неужели Штробель и его бесчисленные предшественники не заметили этого порочного круга?

Будем надеяться, что найдутся объективные христианские ученые, досконально владеющие предметом, и что пелена у них, наконец-то, спадет с глаз: настолько очевидны многочисленные ухищрения, при помощи которых мир пытались убедить в 2000-летней дистанции, отделяющей нас от Христа. Прочие же, по невежеству, презрительно хмыкнут и вернуться к излюбленной теме: когда же состоялась казнь Иисуса, 7 апреля 30 или 3 апреля 33 года.

По оценкам христианских авторов, проанализировавших Ветхий Завет с этой точки зрения, сотворение мира состоялось в 3000 году до новой эры (Христос родился как раз к середине ветхозаветного мирового срока в 6000 лет), так что конец света должен наступить в году 3000 н. э. Однако, как указывает Штробель, в талмудических текстах, «созданных с 300 по 400 годы» восточными иудеями, говорится, что конец света грядет спустя 4200 или 4250 лет после сотворения мира. Рассуждали талмудические авторы следующим образом: так как (Штробель, с. 448) 84 года (солнечно-лунный цикл) умноженные на священное число 50 длительности юбилейных лет дают в итоге 4200 лет, то в 1200 или 1250 г.¹³³ мир наш должен был прийти к заслуженному концу. Именно в это время Запад считал, что близится Страшный суд, причем такие настроения возникли тогда впервые в истории христианства (что еще раз подтверждает близость христианства и иудаизма в то время. – Е. Г.). Соответственно, и талмудические тексты не могли быть написаны ранее. Это мое рассуждение не является, быть может, строгим доказательством, но мои аргументы показывают, какие гипотезы здесь возможны. Кроме того, из этих рассуждений видно, насколько бессмысленны все спекуляции вокруг датировки распятия Христа, тем более когда их принимают за чистую монету.

Многочисленные расхождения в подсчетах лет по олимпиадам, от сотворения мира и т.д., встречающиеся нередко даже внутри одного текста, доказывают, что на момент создания данных текстов подобные летоисчисления не были в ходу, иначе у этой эры была бы, по меньшей мере, точная дата ее начала. Отклонения в датах начала эры свидетельствуют о том, что-либо данные бездумно «надерганы» автором из самых разных текстов, без какой-либо арифметической проверки, либо – это более вероятно и чаще встречается – они просто-напросто вымышлены. Чтобы не быть голословным, я обращусь к солидному исследованию Хайдриха «О двойных олимпийских датировках» (1981). Ни одной дате ранее 500 года до н. э. доверять нельзя; после 500 года до н. э. – можно доверять очень немногим датам. Прежде всего это связано с тем, что нам крайне мало известно об этих древних датировках: практически все данные основываются на трудах Юлиана Африканского, Климента Александрийского и Евсевия¹³⁴; другие авторы датировок почти не приводят. У Климента (он

¹³³ Солнечно-лунный цикл принимается здесь равным трем «кругам Солнца», т. е. $28 \times 3 = 84$ годам. Священный юбилейный год определен в Ветхом Завете как год, следующий за 7×7 годами, семью седмицами. Моисей, установивший этот «юбилей», требовал, чтобы каждые 50 лет рабы обретали свободу, а проданные и заложенные земли возвращались их прежним владельцам или, если таковые не доживали до этого неблизкого срока, их наследникам. Если считать солнечно-лунный цикл божественным годом, то по прошествии 50 таких «лет», т. е. через 4200 лет, должно было состояться такое грандиозное всепрощение, что его можно было рассматривать как конец мира. Из каких соображений добавлялись еще 50 лет неясно.

¹³⁴ Сочинения Евсевия сохранились к XVI веку лишь, частично и Скалигер их «восстанавливал». Вот что говорит об этом старая энциклопедия (О. Мищенко, Скалигер, Энциклопедический словарь, том XXX, Издатели Брокгауз и Ефронь, СПб., 1900, с. 168-169): «В основу хроно-логии Скалигер положил хронологические сочинения Евсевия, его предшественника Юлиана Африканского и его продолжателей Иеронима и Идация; все эти труды

ссылается на Аристодема из Элиса и Полибия) олимпийская эра начинается от 28-й олимпиады, то есть первая олимпиада состоялась в 884 году до н. э. Юлий Африканский, ссылаясь на Кал-лимаха, начинает отсчет лет от 14 олимпиады, значит, первая олимпиада должна была состояться в 828 году до н. э. Современные авторы указывают на 776 год до н. э. как на начало олимпийской эры. При такой красочной неразберихе приходилось снова заполнять лакуны вымышленными персонажами. Составлялись списки олимпиоников, якобы побеждавших на олимпиадах, удлинялись списки правителей и т. д.

Евсевий¹³⁵ поправляет Геродота и даже старика Цицерона, который, мол, неверно (на 140 лет позже) датировал Пифагора. Известен также ловкий способ приведения в соответствие разнящихся датировок. Так, по церковным данным, иудейские цари правили с 997 года до н. э., а по современным – с 926-го; разница составляет $997 - 926 = 71$ год. В ходе «снятия» этого противоречия даты и цари постепенно сближаются, и к вавилонскому пленению (к своего рода неопровержимой базисной точке отсчета) они сводятся с разницей всего лишь в 5 лет (у Евсевия даже – в 2 года). Удачная игра в олимпийскую временную рулетку.

Глава 10. ГЛАВНЫЕ СВИДЕТЕЛИ

Я хотел бы еще раз подчеркнуть примечательный факт: «Откровение Иоанна» существенно отличается от остальных текстов Нового Завета. Можно предположить, как это сделали Лейпольдт и Виндиш, что в «Откровении» содержится ранняя программа, предвосхищающая библейский канон.

В свое время я предпринял критическое исследование видений Иоанна (моя «Последняя книга» была написана в 1981 г., но вышла из печати только в 1993 г.) и установил, что реконструированный мной первоначальный текст был чуть ли не удвоен за счет позднейших чужих вставок и что текст создавался, по меньшей мере, тремя составителями: самим автором Иоанном с острова Патмос; 30 лет спустя вторым автором – неким малоазиатским церковником, *обогатившим* текст своими стихами; еще 15 лет спустя текст снова пересматривался, дорабатывался и был значительно дополнен (например, семью «посланиями») «редактором», уже представлявшим себе облик создающейся церкви. Помимо этого к тексту «прикладывались» еще трижды: некие «сотрудник», «окончательный редактор» и «доработчик». Напевный строй и архаичный образ мышления «Откровения» дает основания предположить, что текст был создан задолго до всех остальных книг Нового Завета и частично послужил им образцом. Доказательством раннего происхождения и подлинности текста служит отсутствие в нем упоминаний о распятии, об ожидании скорого «пришествия» Иисуса; о Евангелиях и Тайной вечере. Совершенно очевидно, что имена «Иисус» и (*рис. 15; 35; 36*) «Христос» были вставлены в текст позднее.

Сегодня я вынужден отказаться от моей собственной датировки, разработанной в

примыкали к астрономическим и хронологическим изысканиям александрийских ученых. За текстами древних хронографов, восстановление коих было чудом дивинаторской критики, следуют у Скалигера „Примечания к хронике Евсевия“: здесь даются все средства для научного выяснения взаимных отношений между древними народами, а библейская история освящается при помощи многочисленных источников. За „Примечаниями“ следует систематическое изложение начал хронологии. С таблицами вычислений, оправдательными документами и т. п. Силой воображения (оба выделения мои.– Е. Г.) а точных знаний Скалигер построил в сокровищнице времен мировую историю, расчленил ее материал по народам, синхронистически сопоставил события по периодам от начала ассирийского царства до половины XV века нашей эры».

За этими панегириками скрыта – быть может бессознательная – критика, которая в полной мере понятна лишь современным хронологическим скептикам: вышедшим из широкого употребления прилагательным «дивинаторская» (силой воображения, путем предвидения будущих событий, путем догадки, божественная) и его странным сочетанием с существительным «критика». Мищенко на самом деле открыто говорит о том, что хронология составлялась Скалигером на основании предположений, догадок, искусственных построений, а не на основе четкой исторической информации.

¹³⁵ Придуманый Скалигером и другими гуманистами.

1980-1981 гг. для отдельных фаз становления текста «Апокалипсиса». Она, в принципе, не противоречила хронологическим установкам современных богословов и даже опиралась на временные представления теологов. За прошедшие 20 лет мне стало ясно, что хронология первого тысячелетия абсолютно фантастична и что привязка к каким-либо хронологическим ориентирам первого тысячелетия невозможна. Сегодня я могу лишь очень приблизительно отнести время создания «Апокалипсиса» к эпохе «незадолго до 1000 года».

Одновременность создания «Откровения» и Корана бросается в глаза во многих местах текста «Апокалипсиса». Не это ли стало причиной тому, что Восточная церковь, научившаяся осторожному обращению с Кораном, некоторое время препятствовала включению текста «Апокалипсиса» в библейский канон. В «Откровении» Иисус умирает, «пронзенный», словно германский герой, копьем; в Коране смерть Иисуса на кресте категорически отрицается. Евангельская версия о смерти на кресте и сопровождавшем ее ударе копьем – не более чем неуклюжее компромиссное решение.

Можно назвать еще несколько положений, роднящих «Откровение» и Коран: впервые столь выразительно и инновационно подчеркнут книжный характер божественного послания, огромное могущество ангелов и всеокрушающая сила Страшного Суда (за подробностями я отсылаю к моей книге 1993 г.).

Богословские дискуссии о возможности свободы выбора для человека, принявшие в исламе особенно ожесточенный характер (мутазила), определили и характер «Откровения». После Иоанна, выступавшего за свободу воли, за текст взялся второй «автор», высказавшийся против этого положения. После него «составитель», робко, не без оговорок, вставил в текст свою защиту идеи Иоанна о свободе воли человека.

Раскол («схизма») христианской церкви¹³⁶ на византийскую и римскую (1056 г.) положил начало существованию католической церкви. Правда, пока не в Риме, но предположительно в южной Франции и в Париже¹³⁷.

Итак, следуя за «Откровением» и опираясь на ранние Евангельские гармонии, появился, наконец, Канон («мера»; список книг Нового Завета, рассматриваемых как слово Божье); шаг за шагом принимавший все более четкие очертания. Одновременно, в более жестких условиях, проходит развитие ислама. В исламе в эту эпоху шла уже ожесточенная борьба за Коран «несотворенный», за признание его «извечно существующим» словом Божьим. Я не хочу вдаваться в подробности «Широкомасштабной Операции», шедшей в ту эпоху в исламе (см. Люлинг, 1974 и 1981). Взаимовлияние всех трех религий книги позволяет утверждать, что создавались они практически одновременно. Можно даже проследить эту временную близость на примере отдельных шагов формирования религий. Так же как и Мишна¹³⁸ (а также по

¹³⁶ Раскол 1054 г. между восточным православием и западным католицизмом, оформленный якобы как предание друг друга анафеме патриархом Керуларием и папой Львом XI, является, скорее всего, одним из мифов в истории христианства. При недоразвитости инфраструктуры и малой плотности населения религиозные различия должны были восприниматься как нечто само собой разумеющееся. Керуларий – вряд ли имя реального человека (Склочник, Кляузник, Суяга, Жалобщик), а придуманное для выдуманного противника презрительное обозначение. Реальное разделение церквей должно было произойти незадолго до реформации, когда стремительно начался процесс оформления догматики отдельных религиозных течений (религий) и когда возникла необходимая для унификации техническая база в лице книгопечатания.

¹³⁷ Не начало существования, а начало процесса возникновения. Возникают первые монастыри, еще не обязательно христианские, начинается процесс локального и регионального объединения монотеистов, первичного согласования обрядности и вероучения. Постепенно в этот процесс вовлекаются все новые области на Юге Германии и на Севере Италии и Испании.

¹³⁸ Мишна – древнейшая часть еврейского Талмуда, представляет собой повторение Закона Моисея, т. е. записанные якобы во II–III столетиях н. э. в дополнение к Пятикнижию устные предания. Правда, не очень ясно, зачем было их записывать, если уже столетия существовал Канон Ветхого Завета. Другое дело, если Мишна была одним из вариантов Ветхого Завета и писалась во все ту же эпоху X V – X V I века или еще позже. В пользу позднего возникновения Мишны говорит и тот факт, что ее начали переводить на европейские языки лишь в конце XIX века.

подобию с Ведами ¹³⁹ и Палийским канонем ¹⁴⁰)), книги Нового Завета были разбиты на группы по длине; более длинные тексты шли первыми. Особенно строго это соблюдалось в Коране.

Очередность – и отступления от правила – имеют, исходя из этого общего положения, большое значение.

В некоторых ранних рукописях (датируемых XII–XIII вв.) «Откровение» шло сразу за Евангелиями, что доказывает важность текста «Апокалипсиса» для той эпохи. Та же последовательность сохранена и в первом печатном издании эфиопского Нового Завета (Рим, 1549), что свидетельствует о жестковейности аксумской церкви (Метцгер, с. 277).

Деяния Апостолов и Послания значительно моложе Евангелий. Первым из Посланий было написано, скорее всего, Послание Иакова: оно еще сильно иудаизировано. Из Посланий Павла вычитываются дискуссии католических догматиков XIII века и споры между представителями различных схоластических школ ¹⁴¹.

В Египте библейский канон не оформился окончательно даже к XIII–XIV вв. Данные об Эфиопии слишком противоречивы: в Ветхий Завет там входило 54 книги; в Новый Завет – в два раза меньше, 27 книг. Итого – 81 книга. В некоторых Библиях, однако, насчитывалось на семь (или даже на восемь) книг больше. В этих случаях в Священное Писание входят Книга Еноха, Синод, Книга Юбилеев и послания Климента (для сравнения: Иосиф Флавий знал 22 книги; в современном Каноне их $39 + 27 = 66$).

Связи с Эфиопией – старейшим центром христианства в Африке – быстро оборвались, поэтому наши хронологии столь существенно различаются.

Уместен вопрос: почему – если библейский канон сложился к II–III вв. или чуть позже, как о том свидетельствуют отцы церкви, – многие христианские Библии отличаются друг от друга? Различия указывают на более позднее время создания текстов.

Тексты были написаны позже, но в короткий срок: в рукописях Нового Завета существует стандартная форма принятых сокращений святых имен (Бог, Иисус, Христос и т. д.). Их всего 14, и абсолютно во всех рукописях сокращения совпадают, что свидетельствует о существовании некоего единого образца и непродолжительном периоде создания оригиналов (Метцгер, 1993, с. 284, сноска).

Тора

¹³⁹ Веды – священные книги индуизма, возникшие якобы за 2000 лет до Христа. Первые 1000 лет их хранили устно (можно себе представить, как меняется язык за тысячелетие, если его не фиксирует письменная традиция!). Язык вед (ведийский санскрит) отличался большой живостью и богатством, что так естественно для древнего языка (еще не проявилось обедняющее и опошляющее влияние американского). Скорее всего, и сам санскрит был создан в начале второго христианского тысячелетия, и написанные на нем веды (знание, учение) были компилированы не на много раньше (или даже позже?) изобретения этого языка.

¹⁴⁰ Пали считается древнейшим среднеиндийско-арийским языком, использовавшемся в основном для записи священных буддийских текстов. Палийский Канон или Типитака – древнейшее произведение на пали, был якобы составлен в V веке до нашей эры, а уже через каких-то тысячу лет появились комментарии к нему. Эта фантастическая датировка (как и все связанное с индуизмом и буддизмом хронологическое гусарство) имеет только одно разумное объяснение: насаждавшие в XIX веке в Индии европейское историческое мышление англичане были уже заражены вирусом экстремальной древности. В Индии, как стране без исторической традиции, было особенно легко делать тысячелетние хронологические шаги. А с середины XX века факел удревателей виртуального прошлого был подхвачен националистической индийской интеллигенцией, воспитанной на европейской культуре и бросившейся укреплять миф о древности недавно придуманной индийской истории. С таким же успехом можно объявить телефонную книгу историческим свидетельством, в котором для каждого исторического лица указано, за сколько дней до выхода этой книги в свет он родился.

¹⁴¹ Скорее даже XV–XVI вв.: уже упоминавшийся английский профессор богословия Эдвин Джонсон считал в конце XIX века Эразма Роттердамского и Мартина Лютера авторами и пишущими редакторами (нечто вроде играющего тренера) некоторых из этих посланий.

Вернемся к «Древнему Канону». (Я буду свободно цитировать из Хунгера и пр.) Иудейский Ветхий Завет (Тора) в его сегодняшней версии был создан на Востоке масоретами¹⁴². Теперь трудно установить точный срок начала их деятельности; некоторые ученые относят его к 750 году н. э. Полностью текст был готов якобы около 1000 года. При подобных датировках разница между иудейской и византийской системами составляет до 300 лет; так что наиболее приемлемым сроком была бы вторая половина X века (последние 50 лет перед 1000 годом). В результате этой деятельности возник и считающийся классическим древнееврейский язык. Скорее всего, прежде указанного срока на таком языке никто не говорил; в иудейских общинах Востока в ходу был либо арамейский (на нем говорили древние жители Палестины), либо греческий. Причем это справедливо не только для вавилонских или египетских еврейских общин в изгнании, но и для самой Палестины¹⁴³. Существует также «переходный» текст Торы, где «древнееврейские» слова записаны греческими буквами. Так и формировался современный еврейский шрифт.

Нам знакомы случаи, когда для Святой Книги изобретался новый язык и новый алфавит: Панини («около 400 до н. э.») для Вед «изобрел» санскрит; Ульфила (запись в реестре отсутствует) «около 380 года» – готский для своей Библии; Кирилл и Мефодий для своей миссии около 900 года «изобрели» славянский язык (Топ-пер, 1995).

При этом должны были сжигаться все свидетельства о предварительных ступенях этой изобретательской деятельности. «С целью подтверждения окончательной, непреложной ценности своего текста, все старейшие рукописи уничтожались» (с. 154). Это относится не только к масоретам и их «Древнему Канону», которым посвящен настоящий раздел книги, но и к халифу Осману, произведшему кодификацию Корана, и к византийскому императору Константину VII (X век) и к другим изобретателям языков и канонов. Все не соответствующие новой норме тексты изымали и сжигали. Так поступали даже болландисты¹⁴⁴, упорядочивая и «приводя в новый порядок» легенды о Святых.

Правда, централизованное управление уничтожением древних иудейских текстов во всех общинах в рассеянии – от Марокко до Китая – было бы, очевидно, нелегким делом. Скорее всего, до масоретской Торы никаких таких текстов просто не существовало. Как радовались богословы, когда в начале XVIII века в Китае нашлась рукопись Торы предположительно домасоретского периода. Радовались, пока не выяснили, что текст полностью соответствовал амстердамскому печатному изданию XVI века. Нужно обладать абсолютной, сверхчеловеческой верой, чтобы считать, что неизменное Слово Божье, тысячелетие за тысячелетием, от Синая дошло до Амстердама.

Древнееврейские Библии гуманистов восходили к текстам XIII – XIV вв.; считающаяся сегодня образцовой научно выверенная древнееврейская Библия (Киттель, 1937) опирается в качестве источника на эту работу деятелей эпохи «Возрождения» и на рукописи якобы X века.

¹⁴² Слово «масореты» не прижилось в русском языке. В западных так обозначают еврейских «философов» – комментаторов Ветхого Завета (ВЗ), якобы к X–XII веку завершивших создание используемого и по сей день еврейского ветхозаветского Канона. Сохранившиеся рукописи датируются 895 г. (хранится в Каире), 1010 г. (СПб.) и 1105 г. (Карлсруэ в Германии). На самом деле существуют разные версии Пятикнижия масоретов, а их «философия» сводилась к фиксации правил переписывания ВЗ: произношения (выбора гласных между согласными) и расстановки знаков для обозначения гласных. Все это ремесло было якобы в руках немногих фамилий, специализировавшихся на этой выгодной работе.

¹⁴³ Существование еврейских общин в это время в Палестине крайне сомнительно, как, впрочем, и где-либо вообще в мире. В Палестине евреи появились, скорее всего, в ходе ее завоевания в X V – X V I вв. крестоносцами и османами. Обе эти группы евреев имели европейское происхождение: история евреев в Палестине – миф, хронологическое недоразумение, возведенное, к сожалению, в ранг вульгарной религиозной догмы. Не имея ни малейшего намерения оскорблять религиозные чувства представителей каких-либо религий, критики хронологии произвольно оказываются в конфликте со всеми концессиями, сделавшими мифологизированную хронологию частью своих религиозных представлений.

¹⁴⁴ Монахи (в основном иезуиты), начавшие в 1643 г. издавать канонические «Жития святых». Издание продолжается и в наши дни (см. гл. 12 настоящей книги).

Кумранские свитки

Вопрос о том, существуют ли списки Библии домасоретской эпохи, остается открытым. Обычно ссылаются на тексты из Каирской генизы¹⁴⁵ и Кумранские свитки. Каирские рукописи Ветхого Завета, представляющие, действительно, огромную ценность, – восходят (по общему мнению, к которому я присоединяюсь) к X– XII вв. (Хунгер на с. 158 датирует их 929-1121 гг.) А Кумранские свитки и некоторые тексты из Каирской генизы настолько схожи между собой (вплоть до одинакового пропуска харакат¹⁴⁶), что по времени создания не могут далеко отстоять друг от друга. Ученые тем не менее под влиянием католической догматики договорились в наши дни о датировании Кумранских свитков периодом от II века до н. э. до разрушения Иерусалимского храма Титом в 70 году н. э.¹⁴⁷ Датировка эта не подтверждена никакими археологическими находками и целиком базируется на теологической интерпретации содержания текстов. Верно, тема разрушения храма занимает важное место в Кумранских текстах, но подобных чисто филологических «разрушений» существует множество. Кроме разрушения 70 года описывается еще одно разрушение (в 135 году; некоторые ученые привязывают датировку Кумранских свитков к этому событию). Основное же разрушение Иерусалима произошло аж в 614 году, и разрушили его персы¹⁴⁸. Это, мол, и послужило причиной крестовых походов. Так мы приближаемся к 1000 году, а почему это важно – я разьясню в главе «Ранний ислам».

Развалины Кумрана вблизи пещер, где обнаружили знаменитые тексты, напоминают крепость-монастырь, подобие исламских рибатов (X – X I вв.), бастионов распространения веры. В Кумране была огромная кузница, но не было ни писецкой, ни библиотеки. Связь этих развалин с пещерными свитками притянута за уши. Свитки содержат пеструю смесь разнородных текстов, записанных разными писцами в разной манере. Скорее всего, пещеры – не регулярное книгохранилище. Просто после военного поражения они послужили убежищем для наиболее ценных книг.

Если искать разгадку кумранской тайны в содержании фрагментов, то нужно обратить внимание на многочисленные переключки с Кораном. Возьмем, например, «Видение Амрама», отца Аарона. В тексте Моисей не упоминается, следовательно, текст не иудейский. Сестра Аарона Мириам выходит замуж за младшего брата своего отца, Узиэля. Такой брак невозможен ни по иудейским законам, ни по законам Павла; мусульманами, напротив, он дозволялся. Текст, следовательно, происходил из исламского окружения. Помещенные в текст ангел

¹⁴⁵ Гениза – помещение в синагоге, в котором хранились старые бумаги и предметы культа. Речь идет о караимской синагоге Аль Фустат в Старом Каире, в которой в 1896 г. была вскрыта отделенная каменной стеной гениза (рукописи бросали в нее через небольшое отверстие под потолком). Хранящийся в Лондоне этот «архив» полон бесценных сокровищ (рукописей, документов, книг), однако «стахановская» (с перевыполнением плановых заданий) датировка каирских рукописей, к которой Топпер присоединился в немецкой версии данной книги, вряд ли верна: если в XII в. еще не было иудаизма, то не могли существовать и иудейские книги.

¹⁴⁶ Харакаты или подстрочные вокалические знаки используются в позднем еврейском письме для фиксации произношения. Так как древнееврейская письменность использовала почти исключительно только согласные, без дополнительной информации о гласных существовали многие варианты прочтения почти каждого слова.

¹⁴⁷ Вскоре после открытия Кумранских списков среди экспертов бытовало мнение о том, что они – позднесредневекового происхождения. Описанные Топпером теологические «датировки» прекрасно демонстрируют, как хронологические догмы вынуждают «удревнять» (только на бумаге, конечно) находки археологов.

¹⁴⁸ М. М. Дьяконов в своем «Очерке истории древнего Ирана», М., 1961, так описывает события 614 г.: «Тем временем другой полководец – Шахрварз вторгается в Сирию и Палестину, покоряя один за другим богатые города, а в 614 г. – и Иерусалим, где иранцами была захвачена главная реликвия христиан – кусок креста, на котором, по легенде, был распят Иисус». Какие реальные события отражает эта легенда историков? Быть может, завоевание Ель-Кудса османами (=персами)? Ведь и в традиционной истории признается, что османы воевали с крестоносцами (правда, мол, до завоевания Константинополя «турками»).

справедливости и борющийся против него ангел несправедливости – типичные символы раннего ислама. Под многократно цитируемым «лжепророком» вполне мог подразумеваться сам Мухаммед¹⁴⁹.

Нужно сказать несколько слов о том, что такое был Дамаск для ессеев. Это был «Город союзов» (теологи охотно называли бы так и Кумран), город со значащим именем: Д-Месси(н)г, город «смешения, объединения, единства верующих» (как и берберское А-Масиг). Омейяды (VII век) называли свою столицу в Сирии Димашк, ибо они верили, что Судья мира придет именно оттуда.

Кстати, первым христианским автором, упомянувшим якобы новую религию арабов, был знаменитый Иоанн Дамаскин (650-754), иерусалимский монах, оказавший огромное влияние на последующие поколения. Его полемические сочинения дошли до нас более чем в семистах списках, правда, нет ни одного списка ранее IX века. Сопоставление его текстов – задача чрезвычайно сложная; их взаимоотношения – как того и следует ожидать – запутаны в высшей мере. Крайне удивительно и совершенно непонятно: на каком основании их датировали VII веком? Мне представляется очевидной цепочка ессеи-омейяды-Иоанн Дамаскин, причем все – не ранее X века. С этим связано упоминание Дамаска в Ветхом Завете (Исайя, 7, 8) и особенно в Новом Завете.

Если эта мысль верна, значит, Кумранские свитки принадлежат эпохе зарождения ислама, и тексты писались либо совсем незадолго до масоретских, либо параллельно с ними.

Но многие фрагменты, видимо, старше. Зато их расхождение с масоретскими текстами на удивление незначительно, следовательно разница во времени мала. Лишь текст Самаритянской Торы является относительно независимым. Неизвестно только, когда он был создан. Я видел эту драгоценную реликвию в Самарии-Себасте (1960), но в те годы я не мог предложить никакой хронологической корректуры, так как не являюсь специалистом по датированию, исходящему из внешних признаков. Анализ дальнейшего текстуального развития подтверждает, что первоисточником является Самаритянская Тора; все остальные – ее редакции. Христиане симпатизировали самаритянам из-за сходства их веры в Мессию (это отмечено в Евангелиях). Иудеям же самаритяне были, наоборот, ненавистны; они называли самаритян гутеями или «готами» (подразумевая под этим варваров). Составление масоретских текстов, возможно, было враждебной реакцией на древнейший самаритянский оригинал.

«Перевод Библии был необходим, ибо иудеи перестали понимать свой древний язык» (с. 159). Типично романическое по форме и по существу понимание истории. А правда в том, что архаизированный семитский язык, только что созданный несколькими священниками (масоретами), было не так-то и легко выучить. До нас даже дошли фрагменты («третьего века») «переводов» на арамейский, интернациональный язык семитского Востока. По фрагментам можно усмотреть некоторое содержательное сходство с иудейской Библией, но это все-таки не переводы, а совершенно независимые тексты.

Септуагинта

С тех пор, как в 250 году до н. э. в Александрии (так гласит легенда) 72 человека переложили Библию на греческий (септуа-гинта = семьдесят), это великое произведение обрело жизнь и на самом популярном языке античности. Только вот в чем загвоздка: кроме вымышленных христианами писателей, версия эта никому не была знакома. И сам ее текст – скорее вольный пересказ, чем перевод – тоже. К сожалению, существуют лишь христианские рукописи, служившие – и это очевидно – для отправления богослужений. Кроме них – два фрагмента, соответственно с двумя и пятью главами 5-й Книги Моисеевой, которые якобы должны быть признаны за древнееврейские. Но этого слишком уж мало для следующего утверждения.

¹⁴⁹ Так не было ли упомянутое выше военное поражение нанесено в конце XV или в начале XVI в., когда за Палестину османы сражались с венецианцами (=крестоносцами)? Они якобы завоевали последнюю в 1516 г.

Цитирую: «Этот (греческий) перевод, с удивительной скоростью завоевав признание и авторитет, стал официальной Библией древнегреческого иудейства; его использовали даже в синагогах» (с. 161). Вот как?

Однако впоследствии Септуагинта «впала у иудеев в немилость», так что «иудеи от Септуагинты отказались» (там же). Мне совершенно ясно, что эта Септуагинта никогда не позволялась к применению в иудейских общинах и ее использование христианами ничего, кроме раздражения, у иудеев вызвать не могло. * Иначе бы до нас дошло огромное количество списков с нее. А вот что действительно могло быть вызвано христианским использованием Торы, это составление масоретских текстов.

Возможно, впрочем, что Септуагинта появилась после 1000 года, и написана она была Оригеном. Сей ученый муж якобы жил в III веке и создал свод шести различных переводов Библии (Гек-сапла), выписав их для удобства в шесть столбцов. Три греческих перевода (Симмаха, Акилы и Феодотиона) не представляют особого интереса, а пятый столбец содержал Септуагинту¹⁵⁰. К сожалению, этот колоссальный по объему труд существовал в единственном экземпляре, каковой и был утрачен. От Гексаплы остались лишь фрагментарные отрывки и цитаты. Но ни те, ни другие никакой ценности не представляют.

Остальные труды знаменитого богослова, без всяких на то оснований объявленного позже еретиком, становятся известны только в списках XI–XIII вв.

Итак, мы снова оказываемся в эпохе после 1000 года.

Маккавеи

Между Ветхим и Новым Заветом лежит пропасть, но, к счастью, и через пропасти перекидываются мостики, если не слишком прочные, то хотя бы в виде соломинки, за которую хватаются тонущие. В нашем случае это записанные лишь на греческом языке апокрифы (т. е. «подсунутые тексты»¹⁵¹, и важнейшие из них – Книги Маккавеев, так как в них содержится претензия на некую историчность, а именно: описывается и прославляется независимое еврейское государство II века до н. э. Если не считать легендарных царей Давида и Соломона, в которых нужно просто поверить, сильное независимое еврейское государство существовало (до 1948 года) только при Хасмонеях (или, что то же самое, при Маккавеях)¹⁵² во II веке до н. э. Так что важность этого текста не нуждается в дополнительном подтверждении.

К первой книге спустя двести лет присоединилась вторая, – считают ученые, – а впоследствии – еще две книги. Один из эпизодов второй книги стал сюжетной основой для

¹⁵⁰ Даже по этому поводу нет полной ясности. Так, Брокгаузъ и Еф-ронъ, Малый Энциклопедический Словарь, СПб., 1907, утверждает, что в первых двух столбцах была дана еврейская Библия, еврейскими и греческими буквами записанная, а Септуагинта была в третьем столбце, за которым и следовали три других греческих перевода.

¹⁵¹ Кому-либо, например вымышленным авторам. Слово апокриф применительно к библейским книгам имеет еще два близких значения: 1) скрытые, не лежащие на поверхности (т. е. такие, до которых не так-то легко и добраться); 2) не канонические, не включенные в официальную версию Библии книги, тем не менее претендовавшие некогда на роль канонических или даже входившие в некоторые более ранние каноны. Вот некоторые из апокрифов Ветхого Завета: Житие Адама и Евы, Апокалипсис Моисея и ряд других Апокалипсисов, Завещания 12 апостолов, Третья и Четвертая книги Езры, Эфиопская книга Еноха и книги – в первую очередь Четвертая – Маккавеев.

¹⁵² Маккавеев в небиблейской литературе называли Хасмонеями по имени священника Мататия (Маттафия) Хашмоная, начавшего восстание против Селевкидов якобы в 160 г. до н. э. Династия Хасмонеев якобы правила Иудеей до 63 г. до н. э. Что касается Израиля как независимого государства, то историки отводят на это около двух веков после смерти царя Соломона. Девятнадцать израильских царей этого времени получили в XVII в. хронологию, изготовленную по примеру таковой династии Габсбургов (см. книги А. Т. Фоменко). Впрочем, историки знают еще и Иудею, возникшую одновременно с Израилем и просуществовавшую якобы на полтора столетия дольше, чем Израиль. С разной степенью убежденности в обоснованности своей информации, историки насчитывают еще с полдюжины других еврейских государств в разных странах и в разные эпохи.

четвертой, а именно – мученическая гибель матери и ее семи знаменитых сыновей – Маккавеев (в четвертой книге это событие описывается, что называется, в красках). День памяти этих погибших отмечается 1 августа. Введение такого церковного праздника было характерно для XII века, но не для более позднего или более раннего времени.

Две последние книги большинство восточных церквей рассматривали как равноправную часть Святого Писания. Четвертая книга Маккавейская была ошибочно приписана другу Рима Иосифу, вольноотпущеннику римлянина Флавия; затем другому Иосифу, которого приписали к роду Гориона. Последний был, как и Иосиф Флавий, иудейским полководцем в борьбе против римлянина Тита (т. е. на противоположной стороне)¹⁵³, который в 70 году н. э. разрушил Иерусалимский храм. Вероятно, анализ стиля показал, что книгу должны были писать два человека. Второй Иосиф сочинил в Италии романтическое продолжение «Иудейских древностей» Иосифа Флавия (якобы в X веке). Образованные люди называют его, разумеется, «псевдо-Иосифом».

«Псевдо-Иосиф» писал на латыни. Его 4-я книга Маккавеев – это компиляция из Библии, Страбона, Лукиана и Саги об Алек-сандре. Впервые она была напечатана в Мантуе в 1476 году.

Остальные апокрифы Ветхого Завета, ввиду их еще большей несостоятельности, я пропускаю и перехожу, наконец, к Новому Завету.

Евангелие

Вероятно, Новый Завет был написан на греческом, на тогдашнем *койне* (интернациональном языке) восточного Средиземноморья. Семитских оригиналов не существует. Считается, что тон задавала греческая Септуагинта.

Наука, однако, не в состоянии исключить и написание Нового Завета на латыни. Правда, старейшие папирусные фрагменты («II–VII вв.») содержат текст на греческом; даже самый древний, восходящий якобы к «120 году н. э.». Но в нем всего 14 строк из Евангелия от Иоанна, а этого слишком мало. Этого не хватит даже для доказательства правильности утверждения еретиков (и неправоты католического учения) о том, что Евангелие от Иоанна – это древнейшее из всех Евангелий.

Надо бы сначала задаться вопросом: по каким критериям определяется степень древности рукописей, как они датируются.

Критерии, собственно говоря, вырабатываются учеными, занимающимися палеографией, то есть исследованием древних рукописей. Палеографы давно составили хронологические таблицы развития шрифтов и в соответствии с ними расположили на временной шкале рукописи. Как это удалось сделать, не имея *действительных* датировок, – дело прошлое. Постепенно датировки были зафиксированы и превратились в «научный» масштаб. Их мерой и приходится мерить возраст рукописи. Оспорить эти критерии или предложить другую меру невозможно, по крайней мере, изнутри этой системы: корпорация встанет на дыбы, ринется на защиту своей традиции.

Их (на самом деле, псевдонаучный) масштаб стал истиной, не требующей доказательств, превратился в аксиому.

Эта временная последовательность была разработана на основе анализа содержания, так как другой отправной точки ни у кого из нас нет. Как это делается, мы показали на примере кумранских свитков. Таким образом, получается порочный круг: змея хронологии пытается заглотить свой собственный хвост.

Есть еще «полные Библии» на пергаменте, считавшиеся до недавнего времени, отстоящего от нас всего на несколько поколений, единственными текстовыми свидетельствами. Эти так называемые *кодексы* появляются якобы уже начиная с IV века. В первую очередь, это

¹⁵³ Считается, что Иосиф был иудейским священником царского происхождения и умеренных фарисейских убеждений, который неохотно исполнял роль полководца в борьбе радикальных зелотов с римлянами. После поражения его отряда в Галилее он сдался в плен римлянам и наблюдал за подавлением антиримского восстания (якобы 66-73 гг.) на последней его стадии уже из римского лагеря.

три сохранившиеся рукописи, о них я сейчас кратко расскажу.

Старейший – Синайский кодекс был обнаружен в 1844 году немецким протестантским библиистом Константином фон Ти-шендорфом (1815-1874), одним из создателей современного текста Библии, в монастыре Святой Екатерины на Синае. Реликвия была отправлена в Лейпциг, затем в Петербург, затем – за баснословную сумму продана в Лондон. Видимо, петербуржцы заметили подлог, с чем лондонцы, конечно же, и по сегодняшний день не согласны. В Синайском кодексе почти в полном виде записаны по-гречески Ветхий и Новый Заветы, причем с современным расположением глав. Древность происхождения кодекса должна якобы подтверждаться содержащимися в нем Посланием Барнабы¹⁵⁴ и «Пастырским Наставлением» Гермаса, двумя безобидными апокрифами. В 1840 году собирались, видимо, попытаться включить их в библейский канон, но это не удалось.

Небольшое замечание по поводу «Пастырского Наставления» Гермаса. Существуют многочисленные рукописи этого сочинения, «начиная со II века» (Метцгер, с. 70). Текст якобы написан в Риме около 140 года братом Папы Пия I, который, как предполагает Ориген, должен был знать апостола Павла (Римлянам, 16, 14). Однако жил этот «папский родственник» поколением позже. Неужели при бурном развитии, переживаемом церковью в ту эпоху, столь ученый муж, как Ориген, не заметил расхождения более чем в поколение? Подобная ошибка могла возникнуть лишь гораздо позже.

Но вернемся к библейским кодексам. Якобы того же периода («IV век») Ватиканский кодекс, с 1475 года хранящийся в римской курии. Как он туда попал – остается тайной. В нем недостает только «Откровения Иоанна Богослова». Вряд ли этот кодекс много древнее 1475 года.

Александрийский кодекс – если верить библиотечным регистрационным книгам – хранился в Александрии с 1098 года. Правда, настораживает, что он только в 1751 году попал в Лондон. Тем не менее у нас нет веских оснований серьезно сомневаться в его датировке. Он действительно мог быть написан около 1100 года. Но был ли?

Кроме трех образцовых рукописей, которые ни разу не переписывались (сличение ошибок переписчиков облегчает датировку рукописей), имеются еще два очень подозрительных манускрипта «V века». Важнейший из них, Ефремов кодекс, находится в Париже (опубликован Тишендорфом в 1843 году). Кожаные листы со Святым Писанием («якобы V века») в XII веке были смыты (!) и вновь заполнены сочинениями Ефрема Сирина (ум. в «373»); при этом многие листы пропали. По-моему, комментарии излишни.

Евангельская гармония

Вышеупомянутый Ефрем был известен своими переведенными на армянский язык комментариями к Евангельской гармонии. Это вообще любопытная история. Ведь сначала было не четыре Евангелия, и не двадцать, а всего один текст, объединявший и высказывания Иисуса, и рассказы о его деяниях. Текст этот назывался Евангельская гармония, так как он, в противоположность более поздним четырем Евангелиям, представлял собой неделимое гармоничное повествование.

Автором его якобы был некий Татиан; и, судя по имени автора и немногим сохранившимся отрывкам, первичный текст Евангельской гармонии был написан на латыни. Вот основная сюжетная канва легенды, созданной вокруг этого имени: в Риме житель восточной Сирии Татиан якобы был обращен в христианство Юс-тином Мучеником. В 172 году он вернулся в Сирию и (абсолютно нелогично) основал гностическую секту энкратитов (воздержни-ков). Для этой секты он создал Евангельскую гармонию, в которой соединил все

¹⁵⁴ Еврейский священник, левит Иосиф с Кипра, был соратником Павла, состоявшим при Апостоле Павле в качестве пророка и учителя. Апостолы присвоили ему прозвище Барнаба. Послание Барнабы считается сегодня богословами анонимным христианским документом, ошибочно ему приписанным, а не еще одной фальшивкой, изготовленной по заказу мошенника Тишендорфа.

якобы тогда уже имевшиеся в наличии четыре Евангелия¹⁵⁵. Труд его вызвал недовольство церкви, и все рукописи были собраны (в 453 году в одном только Междуречье – более двухсот) и уничтожены. Между написанием и началом акции по уничтожению прошло, таким образом, около трехсот лет. За три столетия Диатессарон (так называлась книга) настолько широко распространился в христианском мире, что и спустя тысячу лет на всех культурных языках остались его переводы.

Такова легенда, не только поддерживаемая, но и достраиваемая современными теологами. На Востоке, мол, вплоть до 5 века при всех христианских богослужениях использовалась исключительно Евангельская гармония Татиана (с. 184) в переводе на сирийский (соответственно, остальные христианские тексты были сочтены для богослужений неподходящими). К сожалению, списка с нее не сохранилось.

Есть, согласно богословам, латинский и сирийский (собственно, армянский)¹⁵⁶ переводы, которые старше, чем несохранившийся греческий, но все они относятся к более позднему периоду¹⁵⁷. В то же время некоторые ученые благоразумно утверждают, что оригинал все-таки был латинским.

Богословы, кроме того, выяснили, что Виктору Капуанскому (якобы 544 г.) был известен один такой экземпляр Татиана, и он вставил его в свой знаменитый библейский кодекс. Позже этот кодекс принадлежал известнейшему миссионеру, окрестившему чуть ли не всех немцев, Бонифацию; сейчас он хранится в Фульде. К сожалению, в последний момент Виктор Капуанский заменил текст Евангельской гармонии Татиана Вульгатой. Так что оригинальный текст до нас не дошел: в фульдском кодексе содержится лишь синопсис, позднее параллельное – в разных столбцах – изложение первых трех Евангелий с точным указанием глав. Такой труд мог появиться только в эпоху Ренессанса.

И все-таки подлинные Евангельские гармонии существуют, и при том только у немцев, то есть на древневерхненемецком языке: это Крест Отфрида Вайсенбургского и Хелианд; оба сочинения «девятого века» написаны под наблюдением великого учителя Ра-бануса. Хелианд, как о том свидетельствует позднейшее латинское предисловие, был вдохновлен якобы Людвигом Благодетелем (в 830 г.); в написанной на древнесаксонском диалекте поэме чувствуются отголоски англосаксонского эпоса. Крест выходца из Эльзаса Отфрида – на верхнерейнском франкском диалекте и впервые с конечной рифмой(!) – был якобы окончен между 863 и 871 гг. Собственноручный манускрипт Отфрида хранится в Вене; список с нее, примерный ровесник оригинала, – в Гейдельберге. Оригинал иллюстрирован: солнце и луна в платках (символ затмения); кровь из ран на ногах льется в кубок; буквы INRI (Иисус На-зарянин Царь Иудейский) на кресте. Рисунки удивительно напоминают рельеф в Экстернштайне, его верхнюю христианскую часть (в нижней части слабо различим языческий дракон) (рис. 37). Из сего я заключаю, что Крест написан и иллюстрирован на много столетий позже, чем утверждает официальная наука: возможно даже одновременно с латинским и восточными вариантами, то есть в XIII веке.

Существуют различные итальянские Евангельские гармонии, английские и даже арабские и персидские. В них можно заметить отражение богословских дискуссий о том, сколько же времени проповедовал Иисус: один год или несколько.

¹⁵⁵ Однако писать Гармонию на латыни для сирийских «сектантов» тоже не логично. Они ведь говорили или по-гречески, или, если тогда уже существовал здоровый сирийский патриотизм, на сирийском. Но так как сирийская версия все время называется переводом...

¹⁵⁶ Так все-таки на армянском или на сирийском? Для ученого теолога, бросающего взгляд в сторону Востока из академического кабинета, это может и казаться почти одним и тем же. Но под словом «сирийский» скрывается семитский язык, один из арамейских языков, в то время как армянский относится к индогерманским или индоевропейским языкам.

¹⁵⁷ Если оригинал был греческим, то ясно и так, что переводы с него возникли в более позднее время, чем оригинал. Тут опять свободно цитируемый автором богослов перемудрил.

Интересный вопрос: зачем все-таки церкви понадобились четыре – местами серьезно противоречащих друг другу – Евангелия, если так быстро распространилась и хорошо прижилась объединительная Евангельская гармония? Техника многократных противоречивых описаний одного и того же события была успешно опробована еще в Ветхом Завете: двойные Книги Моисея, Судей-Царей, Маккавеев. Когда то или иное событие освещается с разных точек зрения, то его содержание становится от этого как бы правдоподобнее. Одно-единственное свидетельство не должно содержать ошибок, тем более когда речь идет о Слове Божьем. Но когда документов много, то не вызывает подозрения их отличие друг от друга в деталях, когда по существу они совпадают. Документы взаимно подтверждают друг друга, а несовпадение в частности допускает различные толкования, что в любом отношении выгодно.

Тогда другой вопрос: почему именно четыре Евангелия? Ведь было из чего выбирать. Ириной («ум. в 202 г.», в южной Франции; сохранился только в латинской редакции) объясняет: причиной послужили четыре зверя Иезекииля (I, 10) и «Откровения Иоанна» (IV, 7). Поэтому евангелисты (уже с XII века?) изображались с тремя звериными головами и одной человеческой. Лежащих на поверхности и внедренных в массовое сознание исторических объяснений: например, что четыре Евангелия созданы и получили признание в четырех разных местах и в разное время, – Ириной еще не знает. Об историчности он и не думает; куда важнее для него теологический смысл, прочитывающийся в создании четырех Евангелий: связь с «Откровением Иоанна».

На Востоке

Хотя, само собой разумеется, что все первые христиане должны были говорить на арамейском, – арамейского Святого Писания никогда не существовало. Странно. Это был повсеместно распространенный литературный язык¹⁵⁸.

Стоило бы проанализировать некоторые восточные переводы Нового Завета. Ведь эти переводы могли бы вывести на некую «внешнюю точку», из которой можно было бы начать атаку на нашу критическую позицию. Атаку, которая могла бы опрокинуть наши утверждения. Посмотрим же, о каких рукописях здесь могла бы идти речь.

Существует старое Сирийское Евангелие, сохранившееся всего в двух рукописях, одна из которых (палимпсест якобы из известного нам монастыря Святой Екатерины на Синае) тут же исключается. Крайне сомнительно, что у тамошних монахов было время для изготовления столь сложной подделки. Первоначальная датировка рукописей: «около 150 года»; окончательная современная – «около 300 года» (вторая датировка такая же произвольная, как и первая). В рукописях содержится перекличка с Евангельской гармонией, следовательно, время их создания – около XII столетия.

Пешитта – официальная сирийская Библия; в ней не хватало лишь четырех католических посланий. Последние внес в текст некий Филоксен в собственном переводе с греческого. Старейший манускрипт Пешитты восходит к XII веку и содержит уже «Откровение Иоанна». Процедура формирования Канона встает перед нами как на картинке.

А другие переводы на языки Ближнего Востока?

«В Палестине, ставшей к V веку почти сплошь христианской, церковным языком был греческий. Многие христиане, однако, не понимали этого языка, приходилось переводить (согласно Этерию и Евсевию) богослужебные проповеди и зачитываемые отрывки из Священного Писания на сирийский язык» (Хунгер, с. 186). Небось в ту эпоху уже прибегали к услугам синхронных переводчиков! Впрочем, мы уже знаем, как следует относиться к «сообщениям» Евсевия.

Переводы на своеобразный палестинский диалект сирийского языка сохранились в трех фрагментах, изготовленных в XI–XII вв. На взгляд специалистов, в них различима в качестве

¹⁵⁸ Скорее всего, это «опрокинутый» в виртуальное прошлое арабский язык со всеми его многочисленными диалектами. Часть из них была объявлена диалектами и вариантами арамейского, другая – сохранила свою привязку к арабскому.

первоосновы Евангельская гармония.

Пойдем еще дальше на Восток и рассмотрим критически армянские переводы.

Старейшая рукопись якобы 887 года содержит не Евангельскую гармонию, но список с четырех Евангелий. Армянские датировки расходятся с нашими; при сопоставлении временных данных к армянским датам приходится прибавлять от 38 до 44 лет¹⁵⁹. Получается уже дата вблизи 930 года. То, что уже в ту эпоху могли существовать четыре различных Евангелия, – было бы само по себе фактом весьма примечательным. Но мы не собираемся упорядочивать по возрасту христианские тексты и чествовать старейшие из них. Наша цель в другом: выяснить, имеет ли хотя бы малейшее право на существование, хотя бы несколько отличную от нуля вероятность, совершенно несостоятельный, с моей точки зрения, тезис о появлении Библии во II веке.

Пока что нам всегда приходилось прибавлять к этой дате тысячелетие.

По мнению авторитетных специалистов (с. 187), основой для этих четырех Евангелий послужила сирийская Евангельская гармония, «до седьмого века использовавшаяся в армянских церквях». К сожалению, «Откровение» включили там в Канон только в XII веке.

Грузины сделали свои переводы по армянским текстам. Старейшие рукописи восходят якобы к 897, 913 и 955 гг. «Откровение» перевели в 978, но в Канон его так и не включили.

А теперь заглянем в африканскую часть Ближнего Востока. Одна из старейших христианских стран мира это Египет. В северном Египте самые ранние коптские переводы восходят к 899 году. В этом случае тоже приходится прибавлять к местным датировкам в среднем около сорока лет. Получается снова дата в районе 930 года.

И все же до недавнего времени ученые верили в оригиналы 200-250 гг. Сегодня они рассуждают «о V–VII вв.» (с. 189) как о начале эпохи переводов. Путь к осознанию подлинной истории, по которому историкам еще только предстоит пройти, у них неблизкий.

Еще более древние тексты якобы сохранились на фрагментах папируса в Верхнем Египте, но никто не способен обосновать этот тезис. Да и как можно датировать лоскутки?

Библейская латынь

От латинского «перевода» Библии, являющегося, на мой взгляд, оригиналом, – до нас дошло два образа: Итала (современное – принятое сегодня у богословов – название *Vetus Latina* – старая латынинская) и Вульгата Иеронима. Старшая из них, Итала, появилась в Африке, «пожалуй, до 200 года» (с. 191). Однако только в двух манускриптах нет никаких следов исправлений на основе Вульгаты: в Туринском кодексе (V – VI вв.) и в Палатинском кодексе (V век), с 1919 года хранящемся в Триенте. В обеих рукописях присутствуют позднейшие вставки, так что датировка весьма условна. Ко времени изготовления этих двух рукописей вроде бы уже «победила» версия Иеронима, который, кстати, в письме к Папе Дамазусу упоминал о том, что борьба между его Вульгатой и более древней формой – неизбежна (с. 193).

Кроме того, еще при жизни Иеронима Вульгату стали неавторизованно копировать в таких количествах, что отец церкви вынужден был изо всех сил бороться против совершенно искаженных при многочисленных переписках вариантов. Якобы уже Кассиодору (ум. в 570 г.) пришлось взяться за реконструкцию подлинного текста Вульгаты (с. 194). А может быть, это все придумано задним числом? Мы ведь и сегодня не знаем, как в действительности выглядел подлинный текст Вульгаты. Ясно одно: текст, созданный церковью в XVI веке неясен, неточен, и из него вычитывается попытка по возможности избежать дискуссий по каким-либо спорным

¹⁵⁹ На самом деле, как показали исследования А. Т. Фоменко, древние армянские датировки столь же фантастичны, как и большинство европейских до 1350 г. Древняя армянская церковь в такой же мере выдумана, как и древняя католическая, а древние католикосы не более историчны, чем Папы Римские до XIV в. Более того, как показали эти исследования А. Т. Фоменко, армянские католикосы списаны со все тех же Габсбургов. Последние удостоились сомнительной чести быть прототипами правителей разных стран мира благодаря раннему и быстрому развитию в Германии книгопечатания. Переводы одного из первых династических описаний в истории на разные языки послужили в разных странах прообразом создания хронологии местных династий, чаще всего виртуальных или сохранившихся в памяти только в виде списка имен.

положениям (Рёнш, с. 11).

Итала, якобы появившаяся в единственном экземпляре в Северной Африке, по крайней мере, была старше. По словам Августина, еще до 396 года ее перевели на итальянский народный язык. То, что Итала сохранилась почти исключительно в палимпсестах, датируемых, начиная с VIII века, и даже переписывалась значительно позже, в XIII веке (Пурпурный кодекс в Стокгольме), – вступает в явное противоречие с утверждением о том, что Вульгата Иеронима – хотя бы и после многочисленных дискуссий – одержала быструю победу. По правописанию кажется, что Итала испытывала скорее германское, нежели африканское влияние, но об этом судит только специалист. А специалист считает, что Итала была написана очень поздно.

Когда я уже был готов сдать рукопись настоящей книги в печать, мне пришлось пережить нечто, от чего мои сомнения чуть было не прервали весь этот книжный проект. По поводу воссоединения обеих Прусских государственных библиотек 9 июня 1998 г. в Берлине состоялся торжественный акт, во время которого на два часа на общее обозрение было выставлено несколько ценнейших рукописей Старого Света. В их числе – иллюстрированный разворот листа Италы («IV–V вв.»); до этого его в последний раз экспонировали в 1986 году в Восточном Берлине. Обозначена эта реликвия в каталоге как латинская теологическая рукопись fol. 485, 2 г. На ней изображены сцены из жизни Саула, выписанные с мастерством, какое свойственно было, пожалуй, только художникам позднего античного Рима. Не думаю, что этот стиль смогли бы копировать живописцы эпохи Ренессанса. Другого такого примера библейских иллюстраций Старый Свет не знает. На обратной стороне сохранилось несколько строк текста Италы (помимо вышеописанного фрагмента, в Государственной библиотеке хранится еще один иллюстрированный двойной лист).

Компетентная дама, которой я выразил свое сомнение в датировке, была непреклонна: целую библиотеку могут составить труды ученых по поводу этого экземпляра; им занимались три поколения палеографов, изучивших оба пергамента до последнего волокна. Бесценные эти реликвии были обнаружены в кведлинбургском соборе в 1875 году: они служили переплетом для собрания монастырских документов и были со всеми предосторожностями отделены от этих папок. Считается, что различимые на рисунках пояснительные надписи (Саул (не Савл), хор Пророков, солдаты, пастыри и т. д.) сделаны были как указание художнику. Их не наносили задним числом на уже готовый рисунок. Наоборот, надписи предшествовали рисунку; слабая темпера не полностью скрыла их от глаз, и они вполне читаемы. Оказывается, можно и так конструировать объяснения.

Похоже, доброй монастырской традицией было – использовать древние оригиналы на переплет или наполнитель обложки самых незначительных книг? ¹⁶⁰ – любопытствовал я. «Нет, конечно, но такие вещи случались». Из-за нехватки пергамента кведлинбургские монахи пустили рукопись иллюстрированной Библии, уже к тому времени насчитывающей около тысячи лет, на переплет; рисунок попал внутрь, а Святое Писание – наружу, и ввиду частого использования почти все стерлось. Но и в скудно сохранившемся тексте ясно различимо слово Итала.

Глядя на прекрасно сохранившуюся темперу, я задавался вопросом: кто из художников XIX века мог бы создать такую великолепную иллюстрацию? Книжный проект свой я все же решил завершить.

Формирование канона

¹⁶⁰ Использование драгоценных старинных рукописей для изготовления переплетов – это такой же нонсенс, как уничтожение гуманистами рукописей, по которым публиковались первые издания якобы античных авторов. С одной стороны, гуманисты осознавали невероятную ценность этих рукописей, сознательно охотились за ними, знали, какие баснословные цены платили за них и церковь, и богатые коллекционеры, а с другой – не могли себе даже и представить, что после публикации некой драгоценной рукописи ценность ее оригинала еще больше возрастает. Почему-то они считали, что с публикацией ценность рукописи падает до нуля, и не видели никакого основания для ее дальнейшего хранения. Абсурд! Абсурдное мышление, но не гуманистов, а сочиняющих сказки об «античности» историков, этих фантастов прошлого.

В средневековье «границы канона оставались в известном смысле эластичными» (Метцгер, 1993, с. 228). Со свойственным ему изяществом лучший современный специалист по Канону поясняет свою мысль: «Свое отношение к письменному Канону Рим недвусмысленно выразил только на Флорентийском соборе (1439-1443)». В то время Деяния апостолов стояли еще после Посланий перед «Откровением». Следовательно, написаны они были очень поздно, и первоначального текста было на 1/12 больше, чем сегодня (с. 248). Лука, составлявший Деяния, знал Павла лично, но не знал его Посланий, судьбу которых, кстати, тоже легкой не назовешь: в корпусе Святого Писания их постоянно передвигали с места на место; их то любили, то решительно отвергали. Послание к лаодикийцам, ценившееся в течение девяти столетий, по мнению специалистов, не ниже Слова Божьего, – вдруг выбраковывается. Почему именно в течение девяти столетий, если оно вроде бы было написано (самим Павлом) в I веке, а «исключено» в XV? Разве 15-1 не равно 14? Потому что узнали о нем только из знаменитого кодекса Фульды, датированного 546 годом.

Это свидетельствует также о том, что и этот столь значимый библейский кодекс содержит подделки.

Уже тогда, в XV веке, просвещенным богословам (достаточно назвать Якова Фому Газтанского и Эразма Роттердамского) хотелось устранить некоторые неразрешимые проблемы вероучения, для чего они исключили из Канона многие послания Павла. Позже они отступились от своих обширных цензорских замыслов, но не из идеологических соображений, а от страха (с. 230) ¹⁶¹. Только Лютер смог себе позволить некоторую свободу, но и он не мог мыслить и действовать только по собственному усмотрению. В истинность написанного он верил даже больше, чем сама хранящая верность традиции римская церковь, вьедливость его превосходила таковую католиков.

Рукописи

При работе с рукописями нельзя не обратить внимание на многочисленные интерполяции – позднейшие вставки в текст с целью легитимации новых догм. Интерполяции встречаются даже в самых древних рукописях, то есть «засвидетельствованы задолго до 1000 года», чего не может быть, так как мотивировка для подобных вставок появляется значительно позже. Соответствующая рукопись не может быть старше ставшей необходимой интерполяции ¹⁶².

Истории, связанные с древними рукописями, кодексами, с тем, как их находили, бывают подчас увлекательнее фантастических романов. Возьмем, например, Дидахе, своего рода предписание для церковнослужителей (см. Венгст, 1984). Хотя сегодня Дидахе и не принадлежит к канону, в средневековье текстом этим часто и охотно пользовались, не исключая его из числа канонических. Многие «отцы церкви» – люди, стоявшие у истоков, «II–V ВВ.», – по меньшей мере упоминают это название. Единственный дошедший до нас текст – Иерусалимский. Он написан предположительно в 1056 году, в 1873 найден в Константинополе и четыре года спустя привезен в Иерусалим (отсюда и его название).

Я думаю, что до создания Иерусалимского кодекса (XI век) Дидахе вовсе не существовал. В XV веке, в результате внутренних церковных распрей, он был исключен из канона. Подлинность Дидахе должен был подтвердить и следующий «криминальный роман». Еще одна греческая его рукопись XIII–XIV вв. была якобы найдена в Константинополе в первой половине

¹⁶¹ Тем не менее и они, и Мартин Лютер, оставили свой редакторский след в Новом Завете. Сначала отвергнутые, а затем все же включенные ими в Канон Послания Павла в большей мере несут следы авторства этих гуманистов, чем легендарного Павла.

¹⁶² Вставки, о которых идет речь, не являются более поздними приписками к старому тексту, отличающиеся от него цветом чернил или расположением на странице. Иными словами, «интерполяции» никак не выделены в рукописях, как вставки. Они распознаются как таковые только после содержательного анализа текста. Именно в этом смысле рукопись с «интерполяциями» не может быть старше этих вставок. Тем не менее не исключается, что основное ядро рукописей с «интерполяциями» восходит к более древнему оригиналу.

XV века в рыбной лавке, где она использовалась в качестве оберточной бумаги для отпускаемого товара (чем объясняется, почему многие листы утрачены). Нужно ли говорить, что простые люди той эпохи – в том числе и рыботорговцы – испытывали глубочайшее уважение к написанному слову и никогда бы не решились употребить папирус или пергамент для повседневных нужд? Или мне следует высмеять эту ложь еще и другим образом?

Но на этом подобная роману история не заканчивается. Дальше будет еще смешнее: начинается история злоключений этого кодекса. Пройдя якобы через многие руки и места хранения, в 1580 году кодекс попадает в монастырь Маурсмюнстер в Эльзасе (я бы сказал, там он и был создан); в 1793 или 1795 рукопись «переезжает» в государственную библиотеку в Страсбурге и сгорает там во время франко-прусской войны (к счастью для нее, ибо иначе подлог давно бы уже обнаружился). Правда, в Йене в 1843 году он был напечатан (почему, собственно, так поздно?). Еще есть три копии гуманистов (после 1579 года) и даже печатное издание 1592 года. Но для доказательства подлинности Дидахе этого, к сожалению, мало ¹⁶³.

Итак, вернемся к найденному в 1873 году Иерусалимскому кодексу (написанному якобы в XI веке). В нем, помимо прочего, содержится Послание Варнавы, имеющееся только в Синайском кодексе, уже взятом нами на подозрение. Еще имеется несколько фрагментов этого Послания, которые, соответственно, должны быть столь же древними. Лучше других сохранившийся фрагмент содержит 6 стихов из главы 9; его цитирует Климент Александрийский, монах, уже разоблаченный нами как фигура вымышленная.

Есть еще и осовремененные латинские переводы Дидахе (X в., северная Франция), но я уверен, что если только удастся организовать исследования этих документов, обман немедленно откроется.

Текст Дидахе демонстрирует знакомство с Евангелием от Матфея, написанным предположительно не ранее 1050 года. По крайней мере, с этой точки зрения датировку Иерусалимского кодекса можно смело принимать за время создания Дидахе: 1056 год.

Другие «неканонические» писания: 2-е Послание Климента (его «удостоверял» уже Евсевий) и письмо к Диогенету – еще легче распознаются как изделия XI века. Существует также и третье Послание Климента, написанное в 1170 году в Сирии и там же присоединенное к Евангелию.

С XVII века богословским кругам известно, что Послания Игнатия, Климента и некоторые другие – подделки. И все-таки мирянам они преподносятся как богодухновенное назидание (см. также Детеринг, с. 91 и далее).

Собственно, Послания эти – суть проповеди; интерполяции, в них присутствующие, должны были «прибавлять» им подлинности. Хотя достаточно присмотреться хотя бы к форме, чтобы понять: о подлинности этих Посланий не может быть и речи. Ни в случае «Откровения Иоанна», ни названных выше «авторов», ни самого Павла мы не имеем дела с письмами.

Всех превзошел Павел: в «Послании к Галатам» (6, 11) он предупреждает, что собственноручно писал маюскулами, то есть «заглавными буквами», чтобы подчеркнуть подлинность своих слов. Однако авторитетнейший церковный писатель второй половины II века Юстин ничего не знает о «Посланиях» Павла. Поэтому неважно, писаны ли они маюскулами или минускулами, строчными буквами.

И все-таки иногда – в виде исключения – анализ формы текста помогает дать исходную точку, позволяет определить примерные хронологические ориентиры. Например, нам известно, что в Европе арабские цифры вошли в употребление только с XII века. Как же тогда быть с латинскими манускриптами, содержащими арабские цифры, но датированными X веком (Бишоф, 1979)? При написании истинной истории подобную датировку следует поставить под сомнение.

На уже упоминавшейся берлинской выставке помимо разворота Италы экспонировался

¹⁶³ Для человека разумного, не для традиционных историков. Последние и сегодня продолжают утверждать, что это «Учение 12 апостолов», описывающее древнейшее раннехристианское положение об организации жизни христианской общины, о богослужениях и об организации управления общиной, было создано во II веке на границе между Сирией и Палестиной.

пергаментный лист из «Георгик» Вергилия («пятый век»), написанный монументальным шрифтом («который недолгое время использовался для записи книг, но, в основном, для гравирования надписей на камне»). Разумеется, речь идет, как всегда, об экземпляре единственном и неповторимом ¹⁶⁴.

Так что вдумчивому критику, за исключением таких вот редких исходных точек, буде он захочет проверить датировку той или иной рукописи, следует все же исходить из ее содержания. Вот еще один пример: проанализировав образ Иуды Искарриота, можно приблизиться к пониманию личности его авторов. Иуда «назначается» ответственным за всех евреев, которые убили Божьего сына. При этом важную роль играют высказывания жертвы, например, что лучше пусть умрет один человек, чем погибнет весь народ. Избранный – это что-то вроде короля на один день, театрального персонажа, жертвы, которой в качестве проводника к жертвеннику дан Иуда. Во всем этом чувствуется стилизация усвоенных восточных идей и в то же время отречение от них, которому придан драматургический характер. Классический проводник к жертвеннику становится сопроводительной жертвой из скифского погребального ритуала; Иуда целующий становится Иудой – самоубийцей. Перекроем сцену социологическим задником XI века с первыми преследованиями евреев в рейнских городах, и мрачная драма Иуды станет нам понятнее ¹⁶⁵.

Кроме уже названных манипуляций, отметим еще и следующий часто употребляющийся трюк: взаимное цитирование. Якобы один античный автор знаком с сочинениями другого античного автора, продолжает их и пишет о них. Но ведь в настоящей литературе далеко отстоящего от нас времени, если таковая вообще существует, – это не правило, а, скорее, исключение.

Типичный пример «взаимного цитирования»: в «Иудейских древностях» (20,7,2) Иосиф пишет о правителе Феликсе и Симоне Маге. Эти сведения подтверждаются Тацитом («История», V, 9) и в «Деяниях Святых Апостолов» (24; 24-26). Такие перекрестные ссылки не только крайне подозрительны, но и смешны, если учесть, что Тацит и Иосиф (которые были призваны «удостоверять» Святого Луку из «Деяний») признаны фальсификациями.

«Взаимоудостоверение» церковных текстов, кстати, совершалось лишь фрагментарно. Сначала никто не знал, что нуждается в подтверждении, так как текстов подобного рода вовсе не существовало. Часто оставляли пустые места для последующего заполнения, и некоторые так и не были заполнены, как, например, списки трудов отцов церкви. Теперь утверждается, что труды эти утеряны. Понятно, только не очень правдоподобно.

Глава 11. РАННИЙ ИСЛАМ

Выдающийся испанский ориенталист Асин Паласиос (1931, с. 25), нося священнический сан, вынужден был с особой тщательностью (чтобы не вызвать церковного осуждения) подбирать формулировки, называя факторы, приведшие, по его мнению, к возникновению ислама. К его словам я рекомендую серьезно прислушаться. Он называет три основных течения, которые в ориентальной атмосфере географического пространства между Египтом и Персией сыграли роль повивальной бабки младенца по имени ислам:

- Александрийский неоплатонизм, рассматривавшийся не только как философия, но,

¹⁶⁴ Исторические выставки для того и предназначены, чтобы «замутить воду». Насколько кратким было время использования названного шрифта для написания книг? Ограничивалось ли оно временем изготовления этого фальсификата? Язык дан историку не для того, чтобы скрыть собственные мысли – таковых он не имеет (ведь он занимается только переписыванием чужих вымыслов). Язык дан историку для того, чтобы скрыть отсутствие знаний о реальном прошлом.

¹⁶⁵ И преследование евреев в Германии, и создание образа Иуды Искарриота следует «поднять» хронологически на четыре столетия. Кстати, согласно традиционной модели прошлого, в XV веке тоже происходят гонения на евреев.

скорее, как теософия и теургия¹⁶⁶, особенно в позднейшей форме – у Ямвлиха и Прокла.

- Затем – гнозис, причудливое смешение эллинских и восточных элементов; не секта, но мистическая система.

- И, наконец, христианская аскеза, тоже не религия, но форма жизнеустройства, которую избирали многие ранние монахи.

Должно быть, определенную, но второстепенную, роль сыграл и буддизм. Итак, все-таки три основополагающих начала – теософия, гнозис и монашество. При этом Паласиос не упоминает иудаизм или византийское христианство, потому что (это не артикулируется у Асина в явном виде, но вычитывается из его текста) таких религиозных систем в то время еще не существовало. Они возникли вместе с исламом, отмежевываясь друг от друга и взаимно обогащаясь.

Другой известный ориенталист, Гюнтер Люлинг, исследовав историю строительства главной святыни ислама – Каабы (1992) и классифицировав первоисточники Корана (1974), подтвердил выводы старшего коллеги. Результаты исследования этих двух пионеров ошеломили специалистов; однако широкого признания у историков его выводы пока не получили: слишком близко ученый подошел к пониманию истинного положения вещей. В лучшем случае они будут пробивать себе дорогу постепенно, шаг за шагом.

Люлинг рассматривает процесс возникновения самой молодой мировой религии как часть церковной истории, точнее – истории арианских и других близких ересей. Для официальной науки факт молниеносного распространения мусульманской религии является неоспоримой догмой. А Люлинг считает, что процесс развития ислама занял, по меньшей мере, 150 лет. Причем четкие хронологические рамки не так уж важны для него; главное – это его убеждение в том, что возникновение ислама напрямую связано с развитием христианства и без него невысказано.

Люлинг обстоятельно доказывает, что мечеть в Мекке первоначально была церковью Марии и частично сохранила ее облик. Современный свой вид эта мечеть приобрела, пройдя через несколько степеней строительной реконструкции.

Похожее развитие ему удалось проследить и по священной книге ислама. В некоторых строках Корана содержатся сирийские и эфиопские гимны, те, которые распевали ранние христиане. Владычество ангелов, определенный род легенды об Иисусе (еще без смерти на кресте) и незнание учения о триединстве также указывают на раннюю форму христианства, возникшего совсем не тогда и не так, как об этом сообщает нам официальная историческая наука по поводу зарождения Церкви.

Мирная экспансия ислама

Под новым углом зрения рассматривает философ истории Олагуэ (1974), ученик Шпенглера, архитектуру другого знаменитого сооружения – мечети калифа Омейядов Абдуррахмана в Кордове. Знаменитая подковообразная форма арки вовсе не заимствована в Сирии: стилевой элемент этот давно, еще до заселения арабами, был известен на Иберийском полуострове. Более всего Олагуэ поразил «лес колонн» огромной мечети: ведь одно из основных условий приношения молитвы мусульманином – это открытое пространство между ним и имамом. Но в мечети Абдуррахмана это пространство загромаждают колонны! Этот молитвенный дом, как убедительно доказывает на основе многих дополнительных аргументов Олагуэ, – не мусульманский, не католический и не иудаистский. Он должен был принадлежать религии, о которой мы не имеем сегодня почти никакого представления. Единственное, что можно предположить: она должна была иметь некие сходные с арианством черты. Но что из себя на самом деле представляло арианство нам тоже неизвестно: остается одно лишь наименование.

¹⁶⁶ Теософия в классическом понимании означает богопознание путем мифического восприятия, например, через непосредственное общение с божеством в состоянии экстаза. Теургия идет несколько дальше и постулирует магическое воздействие посвященных в соответствующее искусство на духов и богов.

Я хотел бы следующим образом вкратце обобщить новые тезисы Олагуэ: арабское вторжение в Испанию («якобы состоявшееся в 711 г.») сошло с кончика пера христианских историков, подхвативших и представивших как факт эту сомнительную арабскую легенду. Зачем? Чтобы подготовить почву для католического якобы от-воевания (Реконкисты) Андалусии ¹⁶⁷. Образцом и источником для этой легенды послужили писания арабских миссионеров ислама XI–XII вв., в которых утверждалось, что непостижимая разумом божественная сила предсказала победоносное шествие ислама.

Вместе с «исторической индульгенцией» на вторжение в южные области Иберийского полуострова готы получили возможность утолить жажду мести за униженное берберским господством чувство собственного достоинства ¹⁶⁸. Была выдумана трагическая история о предательстве и женской мести, стоивших короны последнему готскому королю Родериху, и о его героическом племяннике Пелагии, пытавшимся противостоять победителям и наносившим им ответные удары. 781 год спустя история эта, мол, благополучно завершилась завоеванием Гранады.

Ранние хроники, повествующие об исламском завоевании, – это чистой воды легенды и романы, наполненные хорошо известными сказочными мотивами и сюжетами, подобными таковым из «1001 ночи» или из «Истории готы» Прокопия. О калифах там нет никаких данных, кроме имен и явно вымышленных сроков правления (в основном, круглые 25 или 50 лет); если же речь заходит о деталях, то почти всегда это жуткие преступления, от описаний которых буквально волосы встают дыбом.

Нам, кстати, известны имена некоторых христиан, сочинявших и фальсифицировавших подобные арабские тексты, а затем пускавших их в обращение. Самый известный из них – Хименес де Рада (1180-1247). Был даже выдуман некий арабский историк по имени Разис, житель Кордовы, написавший якобы множество книг. Мы уже упоминали о нем в главе 5. От книг его до нас не дошло ни единой страницы, зато сохранился португальский перевод сочиненного им перечня правителей Андалусии (1344). И не нужно ломать голову над вопросом, почему фантастические «сведения» квази-Разиса совпадают с «историческими» данными, принятыми сегодня в испанской исторической науке.

Источников и хроник эпохи арабского «вторжения» не существует, – утверждает Олагуэ. А те, что таковыми считаются, – это пересказы средневековых легенд и романов. Не лучше и христианские тексты. Некоторые из них восходят к Исидору из Бадахоса, чьи труды уже давно (более двухсот лет назад) разоблачены как подделка. Та же ситуация и с хрониками Сан Ильдефонсо (ум. в «667» году): «как сегодня известно, они написаны спустя 200-300 лет после его смерти».

Итак, установлено: хроники поддельны. Ничего, кроме улыбки, не в состоянии вызвать невозможные «сведения», в них содержащиеся. Естественно, ведь смех разбирает, когда читаешь о 124 тысячах халдеев (читай – мусульман), изрубленных в битве при Ковадонге,

¹⁶⁷ Родом из Каталонии, Олагуэ эмигрировал из франкистской Испании и жил во Франции. Его напечатанная во Франции по-испански книга была отмечена лишь немногими критиками и до сих пор не переведена ни на один другой язык (испанский текст книги можно найти на нашем сайте «История и хронология», www.jesus1053.com). Топперу принадлежит заслуга введения оригинальных и противоречащих вели-коиспанскому шовинизму и католической исторической традиции воззрений Олагуэ в обиход на немецком языке. Его воззрения Топпер пропагандировал в статьях, книгах и докладах.

¹⁶⁸ Униженное берберским господством чувство собственного достоинства – эта фраза применима к ментальности в Испании XIX или XX века, но не к древней ее истории. Берберы, судя по новейшим топонимическим исследованиям, были автохтонным населением Иберийского полуострова, Италии, Южной Франции и даже немецкой Баварии до прихода в Южную Европу семитов с юга и скифов и готы (славян и германцев) с севера. Сегодняшний испанский, французский и вообще католический шовинизм не могут признать берберского (варварского?) прошлого своих стран. Но в средневековье вряд ли кого-то интересовало, на каком языке говорил в детстве его феодальный владыка: в то время еще не было физической возможности придавать лингвистическим проблемам идеологическую подоплеку.

причем еще 60 тысяч «халдеев» спаслись бегством через горы¹⁶⁹. А чего стоят представления авторов того времени об исламе, представления, активно насаждавшиеся! Однако некоторые ученые пытаются «отделить зерна от плевел» и, вычитав из таких источников крупицу «полезного материала», приобщить его ко всему корпусу исторической науки. Так из фальшивого «исторического» источника истекает – сознательно либо неосознанно, но в любом случае творчески – исторический новодел.

Что удивляет при знакомстве с древними текстами: христианские богословы замечают появление ранней формы ислама только к концу IX века. Проходят еще 100 лет, и только тогда начинается противоборство с религией-соперницей. Возможно, ислам появился в Андалусии только с восхождением на трон Абдуррахмана («третьего») в 911 году? Именно к этому времени восходят археологические свидетельства, надписи и первые рукописи. Все написанное ранее – также и с христианской стороны, – это, скорее всего, подделка. То же в большой мере относится и к актам Соборов, якобы собиравшихся в Толедо и Эльвире, с их невообразимым смешением из предписаний против иудеев, еретиков и «распутства». И, кстати, Исидора Севильского вкупе с Юлианом Толедским – исходя из анализа содержания их текстов, – следует признать позднейшими (около 1000 года) изобретениями.

Связующим звеном между формирующимися католицизмом и исламом выступает опять-таки чуждое представление о чистилище. В исламе чистилище появляется около 1200 года и существует многие столетия. В народных представлениях чистилище и по сей день есть составная часть исламской веры.

Один из ранних культов христианской Франции – культ плаща святого Мартина. Его сара (среднелатинское: плащ, накидка) хранилась в небольшом специальном здании (отсюда капелла), и тот, кто ее надевал, получал командную власть. Борьба за власть, за то, кто кому должен накинуть этот символ власти, этот короткий плащ, скорее даже жилет (он назывался по-французски *veste*, ср. нем. *die Weste*, оба происходят от лат. *vestis*: платье, накидка) играло важную роль. Отсюда и важный исторический термин: борьба за инвеституру¹⁷⁰. Она впервые со всей остротой вспыхнула между Моавией и Али, ранними калифами ислама. Свободно избранный калиф Моавия выступил против кровного родственника и зятя Пророка, Али.

Это соперничество, ставшее прообразом борьбы суннитов и шиитов, удивительно напоминает распри между короной и папством за право назначать духовных пастырей (епископов и т.д.). Но и здесь речь идет не о настоящей борьбе, но об историческом изложении, при помощи которого эту борьбу и проводили¹⁷¹. Создание историографического образца – литературного для священных книг или политического в плане возможных, пусть даже отдаленных, последствий – обычно почти одновременно происходит в исламе и христианстве,

¹⁶⁹ Упоминание халдеев в этом контексте весьма примечательно. Как показали Маркс и Хайнзон (см. книгу последнего 1988 г.), знаменитые шумеры якобы третьего тысячелетия до Христа – это просто халдеи первого дохристианского тысячелетия. Не даром же шумер называли халдеями в конце XIX и начале XX вв. (Ошибочно, как считает БСЭ.) Последние же – семитское племя, впоследствии смешавшееся с вавилонянами (оных халдеи якобы подчинили в конце VII – начале VI века до н. э.). В более позднее время (Греция, Рим) историки знают только халдеев – гадателей и звездочетов вавилонского происхождения. Тем не менее обозначение «халдеи» упорно всплывает в средние века, причем не только в Междуречье, но практически во всем тогдашнем исламском мире. Так не были ли халдеи арабами средневековья и не является ли их перенос в первое дохристианское тысячелетие фантомной проекцией в прошлое, которое так любят историки?

¹⁷⁰ Инвеститура – торжественный ввод во владение недвижимостью, особенно в случае ввода духовного лица в ранг феодального правителя. Считается, что первоначально инвеститура была светской, так что, в частности, епископы получали в ходе соответствующей процедуры от светских властителей признаки их власти (епископский посох, например). После провозглашенного якобы в 1075 г. папой Григорием VII запрета на светскую инвеституру и длившегося около 50 лет спора было оговорено, впредь получать епископский посох от папы, а от императора – скипетр на феодальное владение епископством.

¹⁷¹ Иными словами борьба шла не за реальное право инвеституры, а за изложение истории борьбы за это право в том виде, в котором одна из сторон хотела бы видеть историю развития инвеституры. Аналогично интерпретирует автор и развитие в исламе: задним числом творился и этот специальный раздел истории.

так что внутренняя зависимость ислама и христианства друг от друга на этой стадии возникновения еще очевидна.

Время возникновения

Итак, нам придется отказаться от представления, что ислам возник в течение одного десятилетия (622-632) в Медине. На сегодняшний день мы не только не имеем возможности точно определить дату его зарождения, но вынуждены признать, что зарождение ислама окутано непреодолимой для нашего исторического взора пеленой. Нам известно лишь о приблизительно 150-летней фазе развития. Можно, правда, попытаться выяснить, к какому времени относятся первые исторически достоверные сведения об известной нам сегодня форме ислама.

Проведя соответствующее исследование (1994), я установил, что только две географические области могут претендовать на приоритет в этом плане: Иран и область, населенная берберами. В то же время я пришел к выводу, что о появлении в этих двух регионах ислама до X века не может быть и речи. Не согласные с этими новыми положениями традиционные историки цепляются за возражение, что исламу в таком случае, чтобы достичь дальних рубежей, потребовалось не менее трехсот лет, что, мол, неправильно: представление о невероятно быстром распространении ислама до сих пор являлось в науке бесспорным ¹⁷².

С 700 по 1059 гг. (то есть от конца византийского владычества до нашествия Альморавидов) в краю берберов ¹⁷³ существовало могущественное государство Берхуата (крупное племя в центре Марокко: Энциклопедия ислама). Религию этого племенного союза можно отнести к синкретической начальной форме ислама, которая по крайней мере в своей поздней фазе была смешана с сильными иудаистскими и византийскими элементами. Но она все-таки значительно отличается от того, что мы понимаем под исламом сегодня. Религиозные книги писались на берберском языке ¹⁷⁴; арабский был незнаком, а появившиеся с 911 года сунниты считались злейшими врагами. Сведения эти я почерпнул у арабских историков вплоть до Ибн Халдуна ¹⁷⁵, а уж им-то, в данной ситуации, вроде бы можно доверять. В западных областях Марокко, на атлантическом побережье, вместе с древними верованиями и культами еще сохранились следы этой синкретической религии, так что приведенные сведения находят подкрепление и с этой стороны тоже (Топпер, статья 1998),

Еще одно свидетельство – «Песнь о Роланде», созданная поэтом Турольдом во время призыва к первому крестовому походу в Палестину (якобы 1096). «Исторические» события,

¹⁷² Сказочность симпатичного образа мусульманского пророка-разбойника отмечал еще Н. А. Морозов. Возникновение ислама в начале VII века – это такая же выдумка, как и возникновение христианства 2000 лет тому назад. Ранние формы монотеизма, имевшие большие локальные различия, были в странах победившего ислама задним числом интерпретированы как ранние формы ислама (и отнесены далеко в прошлое в ходе создания хронологии). Те же или очень близкие к ним формы были объявлены ранними формами христианства в странах победившего католицизма. Сегодняшняя форма ислама не могла выкристаллизоваться до распространения книгопечатания, т. е. до XVI–XVII вв.

¹⁷³ Вообще те, кого мы называем берберами, не признают этого обозначения (никакие мы не варвары!) и настаивают на обозначении их народа как измазиры. В политологической литературе последних 20 с лишним лет это собственное наименование народа постепенно вытесняет традиционное «берберы».

¹⁷⁴ Берберский язык не является семитским, хотя в столетия арабского владычества и происходила сильная арабизация берберов, естественная (через ислам) и насильственная, вплоть до запретов на использование берберского языка. Его относят к т. н. ливийской группе хамитских языков.

¹⁷⁵ Считается, что арабский историк и ранний философ истории Ибн Халдун жил в 1332-1406 гг. и был верховным судьей (кади) в Каире, а также занимал высокие посты при дворах в Испании и в Северной Африке. Он написал исторический труд «Китаб аль-ибер», состоявший из томов: 1. Ведение в историю. 2. История мира до Магомета. 3. Арабы в Африке и Испании. 4. Мусульмане Египта и Азии. Так как книга увидела свет только в 1868 г., можно усомниться в правильности дат его жизни.

описанные в поэме, относятся как к прообразу к началу христианского завоевания южной Испании, и их трудно принимать всерьез: например, то, что 200-летний к тому времени император Карл завоевал почти всю Испанию вплоть до Севильи или что он же утопил многочисленное войско сарацинов в Эбро. Даже историки вынуждены признать легендарный характер этих «сведений». Тем не менее они продолжают быть крайне высокого мнения об этом «историческом источнике».

При всем нашем критическом отношении к этой позиции, покажем, что даже из этого старейшего образчика франкской героической поэзии можно извлечь интересные сведения. Поясню свою мысль. Ислам в «Песне о Роланде» совсем не такой, каким мы его знаем сегодня. Возможно, здесь применен старый пропагандистский прием нарочитого искажения враждебных идей, и все же очевидно, что христианский народ знал ислам другого, не современного вида. Это знаменательно: ведь, казалось бы, позади были почти 400 лет соседства и якобы противостояния от 711 г. до 1096 г. Из этого противоречия следует, что возникновение сегодняшней, знакомой нам формы ислама, могло начаться лишь после написания «Песни о Роланде».

Автор поэмы перечисляет трех исламских богов: Мухаммеда, Аполлина и Терваганта. Мухаммед, как известно, считается основателем ислама. Второй, Аполлин, это дьявольский дух, знакомый нам по «Откровению Иоанна». Имя Тервагант сегодня европейцам совершенно не известно: это берберская лесная богиня, Пан или Сильванус в женском обличье; в общем, языческое божество народов Северной Африки. Если даже автор сознательно решил представить ислам как язычество, называть именно эти имена он должен был в расчете на то, что они всем известны, что его поймут современники. Из этого можно сделать вывод, что «Откровение Иоанна» тесно связано с исламом и что берберы – истинные противники Карла 176 – были еще язычниками 177.

Первичное проникновение ислама в Иран можно смело отнести к 1003 (по другим расчетам – к 999) году, когда Махмуд из Газны 178 провозгласил себя правителем верующих и распорядился печатать соответствующие монеты. До этого он еще осуществлял патронаж языческого поэта Фирдоуси и его колоссальной по объему и по выразительной силе героической поэмы Шахнаме (Книга Царей). В Шахнаме, по старой схеме, пограничные страны – Туран на севере и Двуречье на западе – названы странами Зла и Тьмы. Зато в самом Иране, где живет Свет, существует согласно Фирдоуси исконный персидский культ огня, причем это учение Заратустры пока еще доминирует в стране и не имеет конкурентов.

В Иране доказательства позднего происхождения ислама еще более весомы, чем для страны берберов. Первая исламская надпись в Иране (ее распорядился сделать первый калиф Бундов 179), выполненная еще куфийским (т. е. древним арабским) шрифтом, относится к 955

¹⁷⁶ Все-таки не Карла, этого выдуманного героического предка государственности всех немцев и французов, а тех реальных испанских и португальских феодалов, которые вели завоевательные войны на Юге Иберийского полуострова в XV и, быть может, в XIV веках.

¹⁷⁷ И это, по крайней мере, к началу XII века, а то и много позже. Ну если и не совсем язычники, то, во всяком случае, еще не мусульмане в современном значении этого слова.

¹⁷⁸ Газна – город на северо-востоке Афганистана, разрушенный якобы в 1152 г. Основанная в этом городе якобы в 960 г. династия Газ-навидов покорила еще в X в. большую часть Афганистана. Внук основателя династии Махмуд (ум. якобы в 1030 г.) завоевал почти всю Персию и Северную Индию. Этот Махмуд Газнийский был идентифицирован Н. А. Морозовым как наиболее вероятный прообраз пророка Мухамеда. Правда, Морозов считал, что прозвище Газнийский означает Завоеватель (от слегка искаженного арабского *гази* = завоеватель), а не указывает на город Газна (или Газни). Считается, что Махмуд Газнийский везде вводил коран, что мне представляется неправдоподобным.

¹⁷⁹ Бунды были первоначально предводителями наемников из Северного Ирана, из Персидских Альп. Они захватили якобы в середине X в. Междуречье и владели какое-то время и им, и Персией. Правда, наряду с арабизированными именами, Бунды принимали еще и греческие. В 955 г. правил, согласно Н. А. Морозову, калиф Моты (якобы 946-974). К Бундам восходит титул персидских правителей шахиншах. Династия Бундов была якобы свергнута в Багдаде в 1058 г.

году и располагается рядом с языческой надписью в среднеперсидской традиции последних Сасанидов. В Иране не существует рукописей на новоперсидском (то есть исламских) старше X века. Удивительно: ведь нас всех учили, что исламское завоевание Ирана было завершено уже к 660 году. Однако если взять за основу только безусловно датированные археологические находки, то результат будет выглядеть более чем скромно.

Парсы (зороастрийцы, ушедшие от исламских завоевателей и осевшие в районе Бомбея) сообщают в своих исторических книгах, что их «исход» состоялся около 1000 года. Так как у них впоследствии возникла путаница в исчислении дат событий собственной истории, то в XIX веке дело дошло до серьезного внут-рипарсийского конфликта на этой почве. Десятилетиями не прекращались кровавые распри, ибо парсы в Индии никак не могли прийти к единому мнению. Календарь и хроника – дело весьма и весьма темное; не всегда можно с уверенностью на них положиться. Доверять им не следует. А когда «временные разрывы» достигают трехсот лет, такая историография не имеет хронологической ценности.

То же относится и к иудейским документам. Древнейший сохранившийся в долине Инда документ, бронзовую табличку, согласно Еврейской Энциклопедии («Энциклопедии Иудаики»), «обычно относят к 750 году. Однако с большой вероятностью ее следует датировать 1021 годом». Это как раз соответствует первому появлению евреев в немецких и франкских городах.

Даже в центре арабского владычества можно найти немало доказательств позднего происхождения ислама. Достаточно упомянуть хотя бы Дворец калифов Омейядов: выстроенный в поздне-античном стиле, с типично Сасанидским декором и настенной живописью, – он ни в коем случае не может быть отнесен к исламской архитектуре. Кто не может съездить в Ирак или Иорданию и лично во всем убедиться, тот пусть сходит в музей Перга-мон в Берлине. Туда в 1903 году привезли монументальные фрагменты руин дворца Мшатта. И что мы видим на фотоснимках фресок этого стоявшего в пустыне замка? Там представлены обнаженные женщины, борцы на арене, аллегорические богини и калифы, носящие на голове изображения крылатого солнца языческого бога Ахура-Мазды.

Во многих дворцах встречаются даже типично «христианские» кресты, обвитые побегами винограда, как, например, в Самарре IX века. До 930 года нигде нет и следа того фанатичного ислама, который описывается в исторических книгах.

Думаю, этого краткого экскурса хватило, чтобы стала ясна «генеральная линия» нашей аргументации. За подробностями я отсылаю к моим книгам и статьям.

Глава 12. СТРАТЕГИИ ЗАЩИТЫ: ЕВРОПА И КИТАЙ

«Широкомасштабная Операция» началась на исходе средневековья; без готовой концепции, без плана и программы. Шло время, сменялись поколения, и только немногие знали, что свершается «творение» прошлого. Обычно писатели, реагируя на своих предшественников, не имели перед глазами полной картины. Большинство людей мало интересовалось тем, что на самом деле представлял собой автор того или иного сочинения, главное – «что в нем написано». В этом нет ничего из ряда вон выходящего или слишком наивного; примерно то же самое происходит и в сегодняшнем естествознании (Фридрих, 1997).

Вспомогательных наук, как, например палеографии, археологии, нумизматики и самой хронологии, до Ренессанса не существовало. В предшествовавший ему период мало кого волновала мысль, сколько лет рукописи: тысяча или десять. Всех в первую очередь занимало содержание. Если оно отвечало богословским либо мировоззренческим установкам, то и само сочинение признавалось и считалось заслуживающим внимания. Такой практический подход к литературе способствовал внедрению и признанию порой самых противоречивых и чужеродных идейных систем: гностических, исламских или иудейских. Стоило только перевести иноязычный трактат или вставить его – в подогнанном с оглядкой на требования догмы виде – в собственный текст, как следовало признание в качестве самобытного творения и

его включение в коллективный духовный багаж.

Подобная открытость инородному духовному наследию сегодня немислима. В этом смысле «Широкомасштабная Операция» существенно обогатила нашу культуру¹⁸⁰.

Потом все кончилось. Пала Византия, и, если не раньше этого события, то уж во всяком случае вместе с потоком беженцев из первого бастиона христианской философии в Европу ворвался шквал новых идей, мыслей, учений. Оказалось, что за границей Европы, за пределом европейских крепостных ворот лежит другой мир с иным летоисчислением и иной историографией, с самобытной литературой и мало знакомой наукой, а главное, с другим мировоззрением, освоить и интегрировать которое Запад уже не в состоянии. И началось размежевание.

Церкви пришлось определять, какие книги суть Слово Божье (Канон); чьи труды заложили основы богословия (кого вести по ведомству «отцы церкви») и как именно должна выглядеть история «рождения» и «детства» католической религии. Тексты «выбраковывали» и «просеивали», писали и фальсифицировали. С расцветом эпохи Возрождения, которую правильнее было бы назвать эпохой Рождения (нашей цивилизации), «Широкомасштабная Операция» стала приобретать характер сознательной акции. Но это вовсе не значит, что были выработаны общие ее законы, точные инструкции и алгоритмы. Наоборот: не стало больше прежнего подчинения неким неписаным правилам, основывавшимся на чувстве корпоративной солидарности немногих, знавших друг друга и все написанное гуманистов. Дикое семя дало обильные всходы.

Лишь на этой стадии пришло осознание того, какое количество текстов было подделано, и начались попытки остановить неуправляемое «размножение» фальшивок. Именно поэтому кое-что стали разоблачать или объявлять неправильным, еретическим.

Но весь «чинквеченто»¹⁸¹ (XVI век) прошел в плодотворных дискуссиях, диких распрях и пьянящих душу актах творения нового. Лишь в результате проведенной Папой Григорием давно назревшей реформы календаря (1582), требования о подготовке которой артикулировались в течение века с лишним, была проведена итоговая черта. Тем самым предполагалось дать отпор еретикам и язычникам. Начался планомерный процесс, в ходе которого укреплялись «отвоеванные территории» и вырабатывались средства защиты от возможных нападков. В результате исправления трудов «отцов церкви» и создания связанной хронологии при помощи вымышленных «окончательных» папских списков, церковных соборов и борьбы из-за инвеституры, которая, разумеется, столь же вымышлена, как и все остальное, была заложена надежная историческая основа. Таким образом, возникло вроде бы вполне почтенное прошлое в том виде, в каком – за исключением незначительной корректуры – оно известно нам сегодня.

Но и эта все завершающая работа продолжала вызывать споры. Венец трудов принимал свои почти уже сегодняшние очертания в условиях непрестанного противоборства. Ни перед чем не останавливалась церковь, включая и убийства, лишь только начинало качаться созданное ею вселенское сооружение. На начальной стадии этого процесса кризисы такого рода должны были происходить нередко, если принять во внимание, что опорные сваи можно было удалять и заменять на новые только постепенно, одна за другой. На собственных ошибках и их

¹⁸⁰ Критиков историографии часто обвиняют в попытке убить историческую традицию, подорвать культуру человечества, обеднить ее, лишити целые народы их исторических корней, их прошлого. На самом деле мы признаем огромный культурный вклад творцов виртуальной истории и уверены, что их фантастически занимательная, романтическая, захватывающая и порой крайне наивная сказочная творческая деятельность навсегда вошла в золотой фонд человеческой культуры. Мы лишь настаиваем на том, чтобы этим культурным достоянием распоряжались, его исследовали и холили те, кому это по роду профессии и положено делать: филологи. Что до исторических корней, то ими должна начать заниматься новая междисциплинарная область знания, имеющая действительно право именоваться наукой о прошлом.

¹⁸¹ Итальянское обозначение столетий триченто, кватроченто и чик-веченто для XIV, XV и XVI веков показывают, что речь шла о III, IV и V веках (возможно, после некоего нулевого), что дает нам даты, на 1000 лет более близкие к началу летосчисления, чем мы привыкли.

устранении оттачивалось ремесленное мастерство творцов прошлого. Процесс укрепления позиций мошеннического сообщества стал, наверное, самой захватывающей страницей в истории «Широкомасштабной Операции».

И вдруг очень серьезная опасность пришла из Китая.

Открытие Америки принесло удивительные известия об инках и ацтеках; в XVI веке Европа впервые осознала, что, помимо «оси» Иерусалим-Афины-Рим, на Земле существуют и другие цивилизации с высокоразвитой культурой. Последовавшее в конце этого века знакомство с цивилизацией Китая, по многим параметрам превосшедшего в культурном отношении Европу, повергло католическую церковь в неопишуемый шок. Под сомнение могло быть поставлено самое главное: монополия хранительницы и администратора мудрости. Конфуций очаровал просвещенные европейские умы. Многие, в том числе и знаменитый Лейбниц, с восторгом восприняли идущие из Китая духовные импульсы. Свои революционные мысли он изложил в трактате «Новейшее китаеведение» (1697)¹⁸². Лейбниц утверждал, что взаимобмен между двумя наиболее развитыми культурами, китайской и европейской, их духовное объединение обогатит обе цивилизации интеллектуально и нравственно и приведет к неслыханному духовному подъему¹⁸³. Бинарная математика Лейбница, основа современной компьютерной техники, явилась для него подспорьем в его занятиях китайской философией¹⁸⁴.

Обширная переписка между европейскими учеными и миссионерами ордена Иезуитов в Китае породила такое количество новых идей, что церковь охватил страх. Возникла дилемма либо люди верят ветхозаветной истории и величайшими событиями истории человечества считают потоп и происхождение людей от сынов Ноя, либо симпатии к Китаю пробудят в обществе интерес к китайской, совершенно иной историографии, и, следовательно, Ветхий Завет будет поставлен под сомнение¹⁸⁵.

Рим в Китае

В один прекрасный день 1625 года строители, работавшие в древнем городе Сиань Фу

¹⁸² Великий немецкий ученый-энциклопедист Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646-1716), математик и физик, философ и теолог, геолог и биолог, изобретатель и дипломат, к тому же юрист по образованию, не относился к числу поставщиков первичной информации о Китае в Европе. В возрасте 21 года он прочитал знаменитую книгу Кирхнера (1667), а в 1686 г. встречался в Риме с итальянским иезуитом Филипусом Мариа Гримальди, посланным императором Китая с миссией в С.-Петербург и захавшим «по дороге» с отчетом в Ватикан. На основании этих источников информации он и написал названное произведение, имевшее подзаголовок «Современный Китай».

¹⁸³ Лейбниц считал, что Китай может перенять европейскую науку (в первую очередь, математику и физику), абстрактную и техническую, логику и метафизику. Зато в плане морали и восприимчивости к наилучшему в других культурах, государственного (власть наилучших) и общественного устройства, философии и этических стандартов (себя он неоднократно характеризовал как конфуцианца) Европе стоит поучиться у Китая.

¹⁸⁴ Посвященную логике работу «Об искусстве комбинаторики» Лейбниц напечатал в 1666 г., еще до знакомства с книгой Кирхнера. В ней он выдвинул идею применения в логике математической символики и поставил задачу логического обоснования математики. Использовать бинарную систему для математических вычислений Лейбниц предложил в работе 1679 г. Эти идеи возникли у него в ходе поиска универсального языка науки. В 1702 г. в своей «Книге изменений» он применил эту систему для интерпретации некоторых загадочных схем и диаграмм в якобы старых китайских книгах. Кроме того, он подчеркнул близость его бинарной системы счисления с цифрами 0 и 1 к китайской философской позиции относительно Инь (женское и отрицательное начало) и Ян (мужское и положительное начало), из которых и состоит все на Земле сущее.

¹⁸⁵ Именно поэтому одна из установок Ватикана иезуитам гласила: довести историю Китая до всемирного потопа, создать таким образом «независимое» подтверждение этому столпу европейской исторической легенды. Мы говорим о легенде не потому, что считаем всемирный потоп выдумкой. Наоборот, он хорошо укладывается в наше с Топпером катастрофистское понимание прошлого человечества. Просто трудно ожидать, что об этом отдаленном – пусть много меньше, чем думают историки Земли – страшном событии сохранились иные источники, кроме мифов и легенд.

(одна из бывших столиц Китая), обнаружили трехметровую, весом в 2 тонны мраморную плиту с надписями на сирийском и китайском языках. В тексте содержалось указание на христианское присутствие в Китае VII–VIII вв. Там сообщалось о миссионере по имени Олопен, в 635 году прибывшем в Китай и основывавшем общины, и о преследованиях христиан в 699 и 713 гг., о строительстве церквей, о подарках китайского императора и о благожелательном отношении со стороны буддийского духовенства. Камень, изготовленный предположительно в 781 году, был для иезуитов ценнее любого клада с сокровищами. Еще бы: он подтверждал столь древний почин католического миссионерского усердия на ниве христианизации Срединной Империи. И, соответственно, то, о чем всегда и везде шла речь: о все новом и новом подтверждении как можно более раннего происхождения христианской церкви.

Весть о находке мгновенно облетела Европу. С гордостью ее передавали из уст в уста. Вольтер, однако, вкупе со многими европейскими учеными, сразу же распознал в надписи фальшивку, изготовленную по традиционному образцу: мученики и императорские грамоты всегда служили предметом гордости западной церкви. В Европе знали о несторианском христианстве, о его распространении на Востоке и о радушном приеме, который несториане 186 встретили в Китае. Но католическая миссия на краю света 1000 лет назад – это было уж слишком, это вызывало сомнения.

Иезуиты подчеркивали, что речь идет именно о католической конфессии: в китайском тексте сказано, что Христос оставил 27 книг, своего рода Канон учения. В сирийском Каноне Нового Завета, Пешитте, всего 22 книги, а в Каноне католическом – именно 27. Итак, несториане «выводились из игры». Кроме того, в тексте надписи подтверждалась истинность католического учения о двуединой природе Христа (в противовес несторианам с их учением о четком разделении божественной и человеческой природы Спасителя). Тем не менее церковь еще долго цеплялась и продолжает цепляться за эту подделку. Правда, в XIX веке каменная плита из Сиань Фу была – вроде бы окончательно – признана фальсификацией авторитетными синологами. Но не церковь!

Интересна история изысканий, связанных с этой необычной находкой. В китайских текстах мы не находим о камне никаких сведений. Иезуит Эммануэль Диас, в 1641 (или в 1644) написавший научный трактат о камне из Сиань Фу, сам не твердо уверен, когда и где камень был найден; он предполагает, что в 1623-1625 гг., и называет места, отстоящие друг от друга на расстояние в 40 английских миль. При этом, естественно, он пересказывает типично христианскую легенду о старом крестьянине, о посетившем его чудесном видении, о чуде в разгар снежной пурги и т. д.

Надпись почти не выветрилась, и это послужило основанием утверждать, что со времени создания («781») плита простояла на поверхности всего 64 года, а в 845-м – была зарыта в землю.

Как это все происходило, сами ли иезуиты изготовили надпись на камне и как именно они это сделали, – неясно и по сей день. Но знание некоторых сторон миссионерской деятельности в Китае позволяет подозревать в фальсификации именно членов Ордена.

Учитывая огромное его значение для католической церкви, а также нескончаемые споры вокруг найденного мраморного блока, я решил внимательнее к нему присмотреться.

В роскошно иллюстрированном и многократно перепечатанном издании об иезуитской миссии в Китае {*China illustrata*; Китай в рисунках; Амстердам, 1670) иезуит Атаназий Кирхер обстоятельно описывает каменную плиту и долго и нудно рассуждает о ее подлинности. Оказывается, уже в 1640 году, после того как Кирхер рассказал публике о замечательной находке в своем произведении «Посланец коптов» (*Prodromus sortus*), ему пришлось выдержать шквал критических нападок. Никто не хотел верить в истинность находки. Видимо, люди – даже не владея китайским, – при одном только взгляде на надпись тотчас различали в ней

¹⁸⁶ Сирийские несториане якобы переселились в начале средневековья из-за гонений в Персию, а оттуда в Индию и Китай. Но не все. В Месопотамии в XVI в. они заключили унию с Ватиканом и образовали патриархат халдейского обряда, халдейскую церковь. Еще одно упоминание халдеев, на этот раз, скорее всего, единственно достоверное.

подделку. «Если они хотят меня провести, пусть придумают что-нибудь получше», – вот буквальный перевод строки одного из сатирических стихотворений Вольтера об иезуитах (цитирую по Дюнне, с. 195) в связи с этим камнем.

Венчает надпись христианский крест с одинаковыми лилиями на четырех концах. Сам Кирхер утверждает, что крест похож на тот, что, отправляясь на отвоевание Святой земли, нашивали на плащи крестоносцы: так называемый «мальтийский крест». Это не совсем верно: тот на концах был только раздвоен. Но в одном Кирхер прав: крест с лилиями появился только в XII веке, во время христианского завоевания (пресловутой реконкисты) Испании. Это был символ истребителя мавров Сантьяго. До XII века изображения подобного креста нигде не встречаются, и уж тем более у сирийских миссионеров VIII века.

То же и китайский текст, состоящий из 1789 слоговых знаков¹⁸⁷: он недостоверен не только из-за неправильно указанного количества книг Нового Завета в сирийской церкви. Место, отводимое Кирхером под цифры, не содержит китайских цифр; сам он в «дословном» переводе пишет (словами, то есть опечатка исключена) о тридцати четырех книгах. Зато во втором рассказе о находке и надписи на камне в той же книге, цветистом, похожем скорее на свободное изложение, чем на перевод, он говорит о 27 книгах.

Уже первые строки текста надписи заставляют вспомнить знаменитые начальные стихи Иоанна, только вместо «Слово» проставлено китайское «Принцип». Подмешаны в текст также даосские и буддийские понятия; слова «Бог» в форме Холоой (=Алаха, Элохим) и «Сатана» – Сотан, представлены в соответствии с фонетическими особенностями китайского языка¹⁸⁸. Иисуса зовут Ми Ксио (Мессия)¹⁸⁹; к его колыбели приходят предсказатели судьбы из Персии; имеется намек на Нагорную проповедь, но отсутствует смерть на кресте. Великолепно описано «вознесение» ровно в полдень.

Описание Палестины, долженствующее подчеркнуть древность надписи, заимствовано из китайских романов о таинственной большой стране на Западе (ученые спорят о том, имеется ли в виду Большая Сирия или Византия) и по достоверности сопоставимо со сказками «1001

¹⁸⁷ Речь идет о китайских иероглифах, имеющих, как известно, од-нослоговый характер. Каждый иероглиф обозначает одно понятие, но количество понятий много больше, чем слогов (даже если учесть тональность китайского языка, наличие в нем четырех тонов для гласных, что увеличивает число возможных слогов приблизительно в четыре раза) превосходит таковое слогов в десятки и сотни раз. Поэтому есть десятки и сотни разных иероглифов, имеющих одинаковое произношение.

¹⁸⁸ Китайская письменность не является фонетической. Переводится смысл слова и только он. Фонетическая передача слов из других языков, как правило, невозможна. Это создает проблемы при передаче имен, географических наименований и т. п. Чтобы обойти эту трудность, придумывают разные трюки. Например, слово Германия (Дойчланд) переводится на основе первого слога как Де-Го, государство Де.

При попытке фонетической передачи слово из чужого языка, которое не имеет смыслового перевода, передают набором иероглифов, звучащих похоже на слога непереводаемого слова. Условный пример: из «почти по-китайски» звучащего слова Вашингтон делается набор китайских слогов, например, Ва Шин Тонг или Ва Шенг Тонг. Каждый из трех слогов может передаваться множеством значений. Выбрать из них некую комбинацию трех значений и, следовательно, последовательность трех иероглифов – задача нелегкая. Если (опять же условно) эти значения «зеленый», «змея» и «очки», то может оказаться, что столица США будет впредь пониматься как «зеленая очковая змея». На самом деле Ва, в зависимости от тональности, может иметь значения «копать, рыть», или «лягушка», или «дитя, ребенок», или «носки, чулки». Шин может значить, например, «сырой, влажный», «поэт», «учитель, наставник, мастер», «лев», «терять, лишаться, утратить», «упустить», «труп, мертвое тело, покойник», «осуществлять», «цельный, сплошной» и еще с десятков самых разных значений. Тонг может передаваться иероглифами со значением «сквозной, пробить, насквозь, прочистить», «подросток, ребенок, детский», «зрачок», «одинаковый, вместе, сообща, с, вместе с, и» «весь, всё, объединять, система», «болеть» и т. д. Вот и попробуйте «перевести» название американской столицы фонетически.

¹⁸⁹ Мессия – слово, имеющее смысл. Поэтому прибегать к приблизительной фонетической передаче не обязательно. Вопрос лишь в том, как именно при помощи китайских (всегда смысловых) иероглифов этот смысл передать. Это можно сделать по-разному (давая разные китайские определения этого понятия). В современном китайском оно переводится по крайней мере двояко: комбинацией из двух или из четырех иероглифов. Кроме того, это понятие изображается также новым иероглифом, специально со временем созданным для этого смысла.

ночи».

И, разумеется, там зафиксирован догмат о чистилище. Кирхер это доказывает, приводя длиннейшие цитаты из Библии и сочинений отцов церкви (с. 52). Столь многословная аргументация свидетельствует о том, что, как установил Ле Гофф, представления о чистилище были еще новы даже и для XVI века. Из чего следует, что надпись фальсифицирована.

Разоблачение неразоблачимой подделки

Сирийские слова по краям несторианского камня – это, собственно, только имена миссионеров. В отличие от первоклассной китайской каллиграфии основного текста, «сирийский фрагмент» выполнен настолько халтурно, что становится очевидно: надпись вырезал не иезуит, а – по «шпаргалке», предоставленной патером Триго, – китаец, для которого сирийский был абсолютно незнакомым языком. Однако именно сирийский текст крайне важен: в нем увековечен год создания надписи, 1092-й по греческому летоисчислению. Считая началом греческого летоисчисления 310 год до н. э., как это принято делать, мы получаем дату установки камня – 782 год н. э. Этот пункт Кирхер обосновывает столь же подробно, сколь и утомительно. Он с воодушевлением указывает на то, что в надписи присутствует двойная датировка: еще одно указание даты относится к упоминаемому в ней китайскому императору. Мы еще увидим, куда приведет нас этот роскошный вывод.

Эммануэль Диас, описывавший находку в одном из посланий от августа 1625 года, вдруг делает ее на 250 лет старше; в письме же от 1627 года он возвращается к первоначальной дате. Следовательно, в этом вопросе среди иезуитов первоначально имелись разные точки зрения.

И еще несколько подробностей, связанных с обстоятельствами находки: в 1625 году иезуит патер Триго и крещеный за два года до события китаец Мельхиор Чу (высокообразованный человек знатного рода) отправились в Сиань Фу, одну из древних столиц Китая. Там была найдена мраморная плита, сразу же признанная Триго подлинной. Находка вызвала в народе необыкновенный ажиотаж; взглянуть на нее прибыл сам губернатор. Все, от мала до велика, дивились неоспоримому доказательству непрерывности христианской традиции. Дело в том, что китайцы все время упрекали миссионеров в том, что никто, мол, в Китае прежде ничего не слышал об этом якобы древнем учении, о христианстве.

Доказательство древности происхождения для китайца неизмеримо важнее, чем для европейца¹⁹⁰, поэтому миссионеры считали себя вынужденными представить китайцам длительный «ряд предков» христианской религии. Позже, в 1650 году, в иезуитской церкви в Пекине была установлена каменная доска с перечислением «предтеч», начиная со Святого Фомы, одного из 12 Христовых апостолов, сирийских миссионеров, Франца Ксавера, никогда, кстати, не бывавшего в Китае¹⁹¹, заканчивая Матео Риччи, первым истинным гением китайской миссии иезуитского ордена¹⁹².

¹⁹⁰ Так могли считать миссионеры, ибо в Европе как раз вошло в моду приведение таких «доказательств». Китайская историческая традиция хотя и имеет представление о благородной древности, но не располагала никакой длительной хронологией (ее как раз и придумали иезуиты по европейскому образцу). Для китайцев древние служили прообразом, носителем моральных критериев или, наоборот, примером их нарушения. В любом случае, к истории обращались в поисках поучительных историй, а не хронологических списков.

¹⁹¹ Будучи одним из основателей Ордена иезуитов, испанец Ксавер (1506-1552) возглавлял иезуитскую миссию в Гоа (Индия) с 1542 г., провел два года в Японии, где – путем подкупа – получил право проповеди и, узнав в Японии о том, что наиболее образованным народом мира являются китайцы, отправился в конце своей жизни в Китай. Он заболел и умер на острове Санкиан, расположенном перед гаванью Кантона в нескольких километрах от материкового Китая, так и не успев дожидаться разрешения на въезд в этот портовый город.

¹⁹² Итальянец Матео Риччи (1552-1610) был первым иезуитом, принятым в Пекине двором, ставшим одним из мандаринов, императорских чиновников, и допущенным до императорской аудиенции. Будучи глубоко образованным и мудрым человеком, он не только в совершенстве выучил китайский, но и освоил учение Конфуция, стал носить китайскую одежду, придерживаться китайских обычаев и выдавать себя за священника-конфуцианца. Риччи сумел завоевать доверие определенных кругов китайской знати. Сверх этого он

Кого не хватает в этом списке? Миссии францисканцев XIII-XIV вв., считающейся сегодня реальным событием прошлого. Ее, конечно, охотно бы вписали, будь она к тому времени уже изобретена.

Итак, важнейшим связующим звеном между легендой о Святом Фоме и нашей действительностью оказывается «несториан-ский камень» (таково принятое современное название находки в Сиань Фу) (рис. 40; 41). Он выполняет сразу две функции: льстит самолюбию китайцев (довольных почтенным возрастом христианской миссии), а в глазах европейцев выступает в роли неопровержимого доказательства более чем тысячелетней верности католической церкви своим догматам – о триединстве, чистилище, непорочном зачатии Девы Марии и неотделимости божественной природы Христа от человеческой.

Однако для европейских вольнодумцев именно эти относительно недавние римские догмы послужили основанием считать надпись на камне подложной. Я задаюсь вопросом: почему Триго был так неосторожен? Наверное, он хотел добиться только первого эффекта: произвести впечатление на китайцев. Местный «конвертит» (католический новообращенный), который гравировал камень, знал только католическую веру XVII века и не мог бы ничего предпринять с сирийскими (несторианскими) догматами.

Иоганн Терренц (Шрекк) из г. Констанц, коллега Триго по миссии, блестящий ученый-естественник и добрый друг Галилея, первым расшифровал сирийскую часть надписи. Впрочем, может быть, что он сам и набросал проект надписи. Во время морского путешествия в Китай Терренц занимался подобными текстами. Сирийский язык в надписи, кстати, не совсем правильный.

Все необходимые маневры, какие обычно происходят сразу после подобной «находки», описаны Кирхером. Ничего из ряда вон выходящего – целый ряд шагов, как всегда в таких случаях, призванных обеспечить безопасность и сохранность «найденного»: губернатор тут же распорядился изготовить точную копию камня и выставить ее в Сиань Фу. Оригинал исчез. Естественно, это только придуманная на будущее история, призванная подготовить аргументы против будущих скептиков: если кто-нибудь решит серьезно заняться определением истинного возраста надписи, отговорка готова. Надпись – та же, а камень – не тот. Это не фальшивка, не подделка, а просто копия «исчезнувшего» «не-сторианского камня». Выполнена с оригинала в 1625 году¹⁹³.

Иезуит Альварес Самеде, видевший и описавший камень в 1628 году, удивлялся: китайский текст такой внятный и разборчивый, как будто только что написанный. А вот сирийские слова – он называет их халдейскими¹⁹⁴, – ему непонятны. Может быть, ученый муж что-то заподозрил?

В том же году Триго повесился (Дюнне, с. 213). За несколько лет до этого он уже отошел от миссионерской деятельности и полностью посвятил себя изучению китайской истории и писательской деятельности. В последнее время Триго спал всего по три часа в сутки и работал в состоянии сильного душевного напряжения. Может быть, он осознал, что именно он содейл, чему способствовал или по крайней мере в свое время не воспротивился. Кстати, в свое время его покровитель и крещеный друг Мельхиор Чу, находясь еще совсем молодым человеком при императорском дворе, был изобличен в обмане и пожизненно отстранен от всех

пытался убедить Ватикан, что только путем сближения с китайской традицией католицизм может завоевать Китай. Эта его позиция не была поддержана Папой Римским, что и привело в конечном счете к изгнанию иезуитов из Китая в XVIII в. Риччи ознакомил двор императора с европейской наукой (астрономией, календарным делом, математикой, картографией и т. п.) и открыл иезуитам путь к занятию важных должностей при китайском императорском дворе. Знаменита его подаренная им императору карта мира, на которой Китай изображен в центре всего земного мира. Он скончался в Пекине.

¹⁹³ Уж если рукописи гуманистских подделок исчезали тысячами, то что стоит исчезнуть одной-единственной мраморной глыбе, пусть даже весом в несколько тонн. Кстати, интересно, а не привезли ли эту мраморную плиту прямо из Италии?

¹⁹⁴ Еще один халдейский след, на этот раз уже в XVII веке!

государственных должностей. Довольно необычная история, главные действующие лица которой предстают перед нами не в самом лучшем свете, не правда ли?

В XIX веке французский синолог Станислас Жюльен установил еще раз, что надпись на камне представляет собой фальшивку. Его поддержал коллега из Йельского университета Е. Е. Солсбери, утверждавший, что точка зрения Жюльена получила всеобщее распространение в профессиональных кругах. Даже крупный ориенталист и исследователь религии Эрнест Ренан в 1855 году писал, что «несторианский камень» – это подделка; восемь лет спустя, правда, он уже считал его подлинным. Начиная с Потье (1837), сторонники подлинности «несторианского камня» начинают постепенно преобладать. Хирт (1855) воспринимает его как документ. В 1908 году для нью-йоркского «Метрополитена» изготавливают имитацию и одну копию передают в Ватикан. С 1907 года «несторианский камень» выставлен в музее Сиань Фу.

Астрономия: форпост Христа и европейского историцизма

Считается, что с незапамятных времен ¹⁹⁵ образованные китайцы занимались астрономией, преследуя при этом мистические или религиозные цели. При этом для них были важны не столько календарные, практические вопросы (например, когда крестьянам следует начинать сев), сколько определение благоприятных и неблагоприятных дней. Этим интересовались все – от императора до последнего простолюдина. С гороскопом сверяли и время закладки первого камня в строящемся доме, и устройство праздников, и всю свою жизнь. При дворе китайского императора нес службу штат астрологов, в чьи обязанности входило и составление прогноза погоды. Если прогноз оказывался неточен (например, не предупредил о солнечном затмении ¹⁹⁶), народ считал, что император слаб: кому же и знать о готовящемся природном катаклизме, как не Посланнику Неба.

К сожалению, астрономические сведения, содержащиеся в китайских хрониках ¹⁹⁷, не пригодны для научного анализа: они почти никогда не содержат данных наблюдений, но по большей части – вычисленные даты. Это скорее астрология, нежели астрономия.

Приблизительно с 1351 года исламские чиновники, явившиеся в некотором роде реформаторами китайского календаря, занимаются приведением в порядок императорских хроник. Кстати, очень важная дата (Маркс, 1996а): за четыре года до этого в Центральной Азии должна была произойти неслыханная катастрофа, последствия которой отозвались и в Европе в виде «черной смерти», или чумы. Все китайские календарные даты, предшествовавшие катастрофе, можно рассматривать как ретроспективный вымысел ¹⁹⁸

Одной из причин заката династии Мин и самоубийства последнего императора называют неумение придворных астрономов правильно рассчитать календарь. Наверное, мусульмане, передававшие опыт китайским коллегам, работали в последние годы небрежно: календарные

¹⁹⁵ Про незапамятные времена, т. е. времена, о которых память человеческая ничего не сохранила, можно считать все что угодно. Это легендарно-сказочное пространство можно заполнять любыми выдумками. Реальная китайская история не длиннее европейской. Первые самые зыбкие исторические воспоминания относятся ко второй половине XIV века. Это и есть реальная предревнейшая историческая старина Китая. Все остальное – выдумки иезуитов, превративших китайские легенды и сказания в описание виртуальной истории.

¹⁹⁶ До перехода императорского астрономического ведомства в руки иезуитов, ни одно предсказание затмений китайскими астрономами не сбывалось и ни одно затмение не было ими верно предсказано.

¹⁹⁷ Никаких хроник в Китае на самом деле не существовало. Все они были созданы задним числом, когда в Китае в XVII веке получили распространение переведенные иезуитами и обращенными ими в католицизм китайцами книги по европейской истории. Окончательно европейская историческая идея и хроники как один из видов ее реализации были приняты на вооружение китайским двором в XVIII веке.

¹⁹⁸ В том числе и о мусульманских астрономах при китайском дворе. Никакого ислама до 1350 г. нигде в мире не существовало. Автор цитирует здесь и одновременно высмеивает общераспространенные заблуждения историков.

затмения никак не хотели совпадать с природными.

В правление последнего императора династии Мин и началась миссия иезуитов в Китае. Утонченные интеллектуалы со всей Европы, формально находясь под дипломатической защитой Португалии, они, фактически каждодневно, рисковали жизнью, распространяли в Срединной империи католическую веру¹⁹⁹. Незаурядные знания в области математики, геодезии и астрономии снискали им почет и уважение в аристократических кругах китайского общества; некоторых иезуитов приглашали на службу при дворе китайского императора, и «первым среди равных» был Матео Риччи, прибывший в Китай в 1583 году (*рис. 43*). Он познакомил китайцев с новой моделью Солнечной системы, принятой в то время в Европе. В календарных расчетах Матео Риччи всегда оказывался точнее, чем его придворные конкуренты. Кстати, упоминавшийся в предыдущем разделе Терренц состоял в переписке с Кеплером и советовался с ним по вопросам астрономии.

Таким образом, иезуиты непосредственно участвовали в процессе упорядочения китайского времяисчисления²⁰⁰, а с 1611 года – помогали составлять годовые гороскопы. Для уточнения расчетов Сабатину де Урсису и Жану Путوريا пришлось определять градус долготы Пекина, что оказалось совсем не простым делом: китайцы об этих материях не имели ни малейшего представления.

В те времена в китайском языке не было слова «христианство»; говорили просто – астрология, небесное учение. Китайские аристократы вряд ли даже осознавали, что их обращают в другую веру: к своей миссии иезуиты подходили тактично и с уважением к местным традициям. Первое время они даже одевались, как буддистские монахи; позже Орден позволил им носить китайские шелковые одежды и головные уборы. Об этом Риччи с восторгом писал своим друзьям, прибавляя, что больше всего на свете ему хотелось бы иметь раскосые глаза и плоский нос в придачу.

В 1622 году его ученик и преемник Триго привез с собой из Кельна талантливую ученого Иоганна Адама Шалля, ставшего с 1640 года главой пекинской иезуитской миссии (*рис. 42*). Иоганн Шалль, выдающийся математик и астроном, сразу же завоевал расположение образованных кругов столицы. Первый император пришедшей к власти (1644) Маньчжурской династии, юный Чжун-цзы, часто и по разным поводам советовался с пятидесятилетним иезуитом, обращался с ним запросто, без церемоний и называл его «дедушкой». Когда встал вопрос, кому весть календарными расчетами, Шалль посрамил мусульманских звездочетов, с большой точностью предсказав солнечное затмение. Положение его при дворе еще более упрочилось. Теперь, будучи назначенным главой придворной календарной комиссии, он принялся разрабатывать китайский календарь и упорядочивать китайские хроники в соответствии с новейшими достижениями европейской историографии. Результат работы был представлен в 1662 году на китайском языке и два года спустя – на латыни. К этому времени его и еще троих иезуитов обвинили в злословии на Конфуция и занятиях черной магией и приговорили к смерти. Заденьдо казни случилось сильное землетрясение, из-за чего император счел возможным помиловать бывшего фаворита. В 1666

¹⁹⁹ Нападение как наилучшая стратегия защиты. Вместо того чтобы ограничиваться защитой от китайских «религиозных и идеологических соблазнов» на европейской почве, Ватикан мудро решил направить острие нападения в самое сердце потенциального идеологического противника. И он бросил в бой свою самую сильную интеллектуальную гвардию – высокообразованных иезуитов.

²⁰⁰ Одновременно они выполняли установку Ватикана по придумыванию древней истории Китая, которая должна была простираться до самого всемирного потопа. Для этого они собирали сохранившиеся отрывочные и размытые сведения о существовавших в последние 100-200-300 лет на территории Китая государствах. Собранный информация дорабатывалась, расписывалась в европейском духе и соответствующие описания отсылались иезуитами на сотни и тысячи лет в прошлое. Хотя созданная таким образом «история» длиной в четыре тысячи лет и оказалась даже для китайцев слишком длинной (первые «династии» объявлены сегодня легендарными), она в основном составляет сегодня костяк выдуманной китайской истории. Правда, китайских археологов она поставила в незавидное положение: какой бы ни считалась древней та или иная династия, соответствующие ей могилы и артефакты находят или близко от поверхности, или в археологически девственной почве: никакие слои, подтверждающие дальнейшее историческое развитие, над ними не обнаруживаются.

году Шалль умер. После смерти он был в 1669 г. официально реабилитирован, а миссию возглавил бельгиец Фердинанд Фербист, остававшийся на этом посту вплоть до кончины в 1688 году. Воистину, это были люди необыкновенной судьбы!

Во главе императорской астрономической комиссии иезуиты находились в общей сложности 170 лет. Помимо распространения католической веры, они вели плодотворную научную деятельность. Иезуиты были географами и историками²⁰¹, пропагандистами новейших технических достижений и политическими советниками. В частности, они консультировали императоров во время переговоров с Россией, превратившейся со временем в важнейшего северного соседа Поднебесной империи.

В мировоззренческих вопросах иезуиты были строго последовательны: они чтити Конфуция и вели непримиримую борьбу с «псевдорелигиями» – буддизмом и даосизмом. Возможно, апелляция к Конфуцию, охранителю устоев и стороннику сильной власти, помогала иезуитам закладывать основы для распространения христианства. Возможно также, что именно иезуитам мы обязаны явлению «воссозданного» Конфуция, просвещенного фило-софа-«государственника», как маньчжурские императоры обязаны им (литературному) созданию образца для своего правления – блистательной эпохи Тан (618-907).

Вымышленная «история» придуманной династии Тан

Венцом многолетних усилий миссионеров, оставившим неизгладимый след в мировой истории, стал «перекрой» китайской хронологии и ее подгонка под европейские даты. Старейшей европейской публикацией хронологической таблицы китайских императоров считается *Tabula chronologica monarchiae sinica* иезуита Филиппа Купле (1687), вышедшая в исправленном трехтомном варианте в 1782 году. Циклическое время китайцев превратилось в этой работе в направленный временной луч, что было типично для апокалиптического мышления католической церкви.

Мартин Мартини (1658) написал первую на латинском языке историю Китая от истоков до Рождества Христова. Гениальный Антуан Гобиль исследовал связи Древнего Китая с другими нациями и издал перевод древних китайских преданий «Книгу документов»; он же, первым из европейцев, составил жизнеописание Чингисхана (1739). Де Виделу занимался китайскими источниками по истории Северной Азии.

А Премар составил китайскую хронологию событий, предшествовавших эпохе, описанной в «Книге документов».

«История династии Тан» Гобилья (опубликованная в его в «Мемуарах», тт. 15 и 16) стала основополагающей для китайской историографией. Сегодня известно (Твитчетт, 1992), что в 1700 году имелась лишь одна рукопись хроники Тан; позже были найдены еще несколько фрагментов середины XVII века со вставленными главами, «не имеющими исторической ценности».

Единственный манускрипт с позднейшими приписками? Это напоминает о подделанном Таците и прочих «классиках». Неужели Гобиль по собственному почину решил заняться составлением хроники? В его книге приведены сведения, которые «не стоит даже пытаться найти в китайских трудах того времени», как выражается Роуботэм (1942).

Вот какие удивительные вещи пишет Гобиль (сам астроном) об астрономии эпохи Тан: в 721-727 гг. Индиец И-Ан вернул астрономии ее былую славу, потускневшую в глазах императора и придворных после нескольких небрежно и ошибочно сделанных расчетов солнечных затмений. Индиец выстроил обсерваторию, использовал астролябию, секстант, гномон; давал точнейшие сведения о солнце, луне и планетах, а также занимался

²⁰¹ Иезуитская версия придуманной китайской истории была зафиксирована в книгах итальянского иезуита Мартино Мартини, вернувшегося в 1653 г. из Китая в Европу. В 1658 г. он опубликовал в Мюнхене десятитомный труд, большая часть которого была посвящена китайской истории. Так как исторические сведения сопровождалась главами о географии и экономике, медицине и астрономии, религии и философии, семейном и социальном устройстве, в которых не было оснований сомневаться, европейский читатель принимал и их за чистую монету.

географическими измерениями. Что при этом бросается в глаза и вызывает удивление: данные о широте того или иного пункта всегда верны; данные же о долготе либо отсутствуют, либо их величина (например, протяженность Китая с запада на восток) уменьшена в два раза. А ведь самой сложной для иезуитов задачей стало как раз определение градуса долготы Пекина, так как ни в Европе, ни в Китае никаких сведений на этот счет не существовало. А без этих данных невозможны были и точные расчеты затмений.

Ни вычислительных инструментов И-Ана, – пишет Гобиль, – ни гениальных часов, отбивающих каждую четверть, не сохранилось. Зато, по его сведениям, сохранилась обсерватория императора Ву-Вана (1122 г. до н. э.). Император этот для реформы календаря (!) должен был опираться на точные данные наблюдений за звездами. У него были даже компасы, которые он дарил посланникам южных соседей Китая. Да, астрономия в Китае имеет древнюю традицию! Более тысячи лет назад император Чун-кан за неверный расчет солнечного затмения якобы приговорил обоих своих придворных астрономов к смерти. Гобиль относит впервые верно предсказанное затмение к 2155 году до н. э., его коллега де Майа – к 2159 году до н. э. (Потье, с. 58). Некоторые астрономы и по сей день принимают подобные «данные наблюдений» за чистую монету.

Но давайте вернемся из мрака древности в эпоху Тан, летописи которой столь же мало заслуживают доверия.

Так называемые «правдоподобные записи», сделанные для императора около 850 г., являются, с точки зрения Твитчетта, по всей видимости, вымышленными. Только записи периода позднего Тан (906-960) признаются некоторыми китаеведами имеющими определенную историческую подоплеку. Однако соответствующие произведения якобы погибли в последующую эпоху. Поэтому, когда сегодня историки пользуются этой информацией, то они переписывают фальшивки, изготовленные в подтверждение этой легенды.

«К сожалению, – пишет Твитчетт о летописях эпохи Тан (с. 200), – мы нигде не можем зафиксировать точную дату начала какого-либо отдельного процесса или события. Описание каждого события претерпевает несколько изменений... Нет никаких сомнений в том, что в некоторых случаях историки преднамеренно исказили события... История эпохи Тан именно потому столь загадочна, что у нас имеется слишком мало данных для реконструкции отдельных событий, и не сохранилось никаких независимых свидетельств».

И там же (с. 201): «Современные историки считают работу с рукописями, с хрониками наименее плодотворной частью так называемой „стандартной истории“. Хотя оные и представляют достаточную основу для составления хронологии, то есть обычной последовательности событий, официальных придворных назначений и происшествий, но, как правило, не содержат развернутых повествований или анализа».

Мне знакомо это стремление создать сначала хронологический каркас, который впоследствии, при помощи историографов, обрстет плотью.

Так случилось и в Китае: стали появляться «монографии» по отдельным темам: по формам повозок, по одежде, по государственной финансовой системе и музыке, календарю и астрономии. Они подходят ко многим эпохам. Правда, в разделе «литература» встречается неожиданность: перечень содержимого императорской коллекции сочинений, с предисловием 940 года. Твитчетт пишет: «К несчастью, при первом составлении монографии... было решено исключить оттуда дополнение с буддистскими и даосскими трудами, всего 2500 наименований».

В том же духе комментирует жизнеописание великого императора Ван-Цзонге династии Тан другой видный синолог, Ротур (1981). Китайский ученый Лин Лу-че, систематизировавший в 1959 году архивные материалы, в предисловии пишет, что летопись больше напоминает роман с женоненавистнической тенденцией и идеализированным взглядом на армию. Жизнеописания поэтов (при том что эпоха Тан считается временем расцвета китайской поэзии) представляют собой сухое перечисление их придворных титулов.

В заключение он говорит: «Система народной армии и земельной реформы – не более чем утопические мечты» (с. 586). Собственно истории в обстоятельном «историческом» трактате нет и следа. Много внимания уделено сексуальным отношениям стареющего императора с дамами гарема, причем морализаторски-ми тенденциями работа напоминает «Государево

зерцало» для маньчжурского императора Чжун-цзы, подававшего большие надежды и отличавшегося ясностью мысли, но забросившего занятия философией и предавшегося чувственным удовольствиям. Только европеец мог выдумать противоречащее китайской традиции до и после Тан равноправие женщин в эту промежуточную эпоху – причину любого зла и упадка династии, как пытается представить дело чужеродный моралист с поднятым предупреждающим указательным пальцем. Дело в том, что иезуиты, состоявшие при дворе, пытались бороться с институтом многоженства. Но юный маньчжурский император никак не хотел отказаться от гарема; Шалль даже писал, что это единственная причина, по которой Чжун-цзы отказывается креститься (Кирхер, с. 141). В летописях часто упоминаются суеверия и колдовство; на старости лет император династии Тан якобы перестал с ними бороться, что послужило еще одной причиной заката династии. Искоренение народных предрассудков и веры в иррациональную магию иезуиты считали одной из важнейших задач своей миссии.

Разумеется, буддистские монахи обвиняются во всех смертных грехах, особенно в сексуальной распущенности. Но, как показала история, пропаганда не слишком сильно подействовала на маньчжурского императора, и в зрелом возрасте свои симпатии он отдал именно буддизму.

Таким образом, создается впечатление, что на хронологический каркас оказалась «натянута» целая эпоха. Она так и вошла в мировую историю: по времени точно соответствующая европейскому средневековью, со своими событиями, понятиями и датами. Энциклопедическая образованность иезуитов и их положение при дворе позволили им «чеканить» духовные основания Китая. Если китайские хроники писались так же, как франкские и германские, то бояться было более нечего. Упустить случай иезуиты не могли. Речь шла об укреплении позиции на двух фронтах. Нужно было «подтолкнуть» китайцев к отказу от их «околорелигиозных» традиций и содвинуть их вернуться к «очищенному» конфуцианству. Для Церкви же приходилось искать формулировку, позволившую бы иезуитам «канонизировать Конфуция». Премар, Буве и последователи (их стали называть «фигуристы», по названию теории – фигуризм) установили, что Яфет, сын Ноя, будучи законодателем китайцев, принес им истинную древнюю религию, нечто вроде монотеизма; отголоски ее остались в загадочной книге И-Цзин. Тем самым было бы найдено недостающее звено и здесь.

Результатом колоссального труда стало появление в 1778 году первого свода китайской истории; прежде в Китае ничего подобного не было. Туда вошло все: династии, перечень и хроники правления императоров, причем даты были соотнесены с европейской временной шкалой. Труд этот (несмотря на частую критику по поводу многочисленных неточностей) до сих пор не имеет аналогов; и любой синолог, хочет он того или нет, – вынужден либо на него ссылаться, либо им руководствоваться²⁰².

Полной ясности в этом вопросе пока нет, и ставить точку рано. Мне хотелось бы подчеркнуть: в разное время работой иезуитов при китайском императорском дворе руководили разные люди. Соответственно, менялся взгляд на задачу и целевые установки. Императорской династии нужна была календарная реформа, созданная на основе астрономических знаний эпохи Возрождения и учитывавшая китайский 60-летний цикл, и упорядочение летописного корпуса; при этом иезуитами была прорежена вся история высококультурного китайского народа от древнейших времен до современности и одновременно – изобретена «блистательная эпоха Тан». Хронологическая система явилась для китайцев новшеством; она была создана по латинскому образцу и под общим руководством католической церкви. Весь процесс продлился 150 лет и был насильственно прерван китайской стороной (с 1735 года).

²⁰² В русской литературе неоднократно отмечалось, что этой канонизации китайской истории предшествовала грандиозная акция по конфискации всех существующих текстов, по сжиганию неподходящих книг и по переписыванию других. В результате этой канонизации в китайскую историю оказались включены и многие переводные исторические труды, описывающие на самом деле – тоже выдуманную – европейскую историю. Как отметил Н. А. Морозов, ввиду отсутствия фонетического характера у китайской письменности, любое европейское произведение после перевода на китайский язык станет составной частью китайского духовного наследия, ничем не выдающей свое чужеродное происхождение.

Вопрос о том, как далеко зашел клир и исполнители-иезуиты в деле защиты церковных интересов, – остается открытым. А интерес в «прививании» Китаю чуждой хронологической системы у церкви, безусловно, был.

Если представить себе начавшуюся в Ватикане панику, вызванную осознанием превосходства китайской письменной культуры, и вспомнить дату отправки первого посольства в Пекин (путешествие Матео Риччи, 1583 год, то есть непосредственно вслед за григорианской календарной реформой октября 1582 года), то можно понять, сколь продуман, тонок и вместе с тем дерзок оказался план: выстроить идеологический рубеж в центре вражеской страны с целью упреждения вполне резонно ожидаемого культурного штурма. С переводом Китая на европейскую хронологию цель была достигнута: нейтрализована, возможно, единственная сила, способная, быть может, противостоять католической историографии.

Глава 13. СТРАТЕГИИ ЗАЩИТЫ: САМООЧИЩЕНИЕ

Подделки разоблачают по-разному: иногда сразу, как в случае с «хроникой Бероза» Цельтиса или с «негисторианским камнем» иезуитов. Слишком уж тут очевиден умысел и его выдает неряшливое исполнение (ошибки). Сразу понятно, зачем нужен был подлог, какую цель преследовал фальсификатор. Иногда подделки разоблачают лишь по прошествии времени, особенно когда подделываются произведения искусства: не по идеологическим, а по материальным причинам.

Бывает, что со времени фабрикации вещи настолько изменяются вкусы, что подделка в новую эпоху задевает здоровое чувство стиля. Тогда соответствующая статуя переезжает в музейный подвал. Вряд ли ее когда-нибудь «реабилитируют» и вернут на прежнее место: полное повторение художественного вкуса практически невозможно.

Несколько по-другому дело обстоит с «идеологическими» фальшивками: рукописями и документами. Их цель иная – воздействовать на умы. Если это удастся – конечно, не на основе этой подделки, а других, не разоблаченных фальшивок и мошенничеств, – тогда и разоблаченный однажды документ может снова занять место на полке подлинников.

Разумеется, сразу после того, как мошенничество раскрылось, «уличенный» документ должен исчезнуть из поля зрения. Зато несколько поколений спустя – чем больше, тем лучше, – он вполне может быть извлечен на свет божий, чтобы выполнить-таки свою функцию. Значит, его время пришло. Розвита и Лигуринус, например, снова причислены к свидетельствам средневековья²⁰³.

Такое уж странное «совпадение»: нужные античные тексты находятся именно тогда, когда пришло для них время. Правда, случается, что и «вызревание» времени ускоряется подобными «открытиями». Так, в 1916 году были открыты фрагменты сочинений античного софиста Антифона, который, оказывается, провозглашал всеобщее равенство и ратовал за политические свободы. Такое немыслимо даже для Ренессанса, да и для 1848 года еще рановато. Зато для эпохи обрушивающихся в Первую мировую войну монархий эти лозунги подходят как нельзя лучше, и они были встречены, что называется, «на ура». Вопрос о подлинности Антифона, стало быть, решен. Прецеденты нам уже знакомы по подделкам эпохи барокко: пока документ не противоречит церковным догматам, он считается подлинным, как и все, что вписывается в общую картину и служит своей цели.

²⁰³ Ни историки, ни общественность не в состоянии уследить за всеми возвращенными в лоно «достоверности» подделками. К тому же историки сознательно не придерживаются стандарта высшей подозрительности, а наоборот, придумали общее правило, что, мол, фальшивки составляют такое несущественное меньшинство среди источников, что ничего страшного не произойдет, если мы и впредь будем пользоваться этими несколькими не совсем корректными текстами. Статистику они сознательно отказываются вести: зачем лишние хлопоты?! Так как историки воспитаны в слепой, чисто религиозной по характеру, вере в свою «науку», то они заранее считают, что все доводы критиков кто-то из их коллег уже обоснованно опроверг и можно забыть про «зловредные козни критиканов».

«Иконоборец»

Так, с легкой долей иронии, величали французы XVII века одного из выдающихся богословов, которому своими яростными разоблачениями лжесвятых удавалось даже добиться того, что церковь признавала их «неисторичными» и вычеркивала из литургических календарей.

Жан де Лонуа (1603-1678) родился в Нормандии и, перебравшись в Париж, одно время организовывал еженедельные встречи с единомышленниками-реформаторами. Подобные сходки, впрочем, скоро запретили. Одну из его книг конфисковали прямо в типографии, другие – запрещали к продаже. Сегодня они выглядят робким поползновением чуть «проредить» безмерно разросшиеся когорты «праведников», следствие бездумного «святопочитания». Дионисия Ареопагита, например – якобы современника апостолов, обратившего в христианство римскую Галлию, – «иконаборец» считал анахронизмом. А историю с высадкой Лазаря и Марии Магдалины в Провансе – называл полной бессмыслицей.

Будучи у Гольстениуса в Риме (имя этого поддельщика нам уже знакомо), Лонуа, видимо, узнал что-то такое, что настроило его на критический лад. Он был весьма плодовитым и популярным автором и, прежде всего, всеми признанным и уважаемым богословом. Его стремление к «очищению рядов» вполне отвечало духу времени. В его, наверное, лучшей работе, способствовавшей, однако, «удостоверению» поддельных хроник, осуждались выдуманные монастырские школы эпохи Карла Великого и его наследников (книга вышла на латыни в 1672 году). Полстолетия спустя все его сочинения собрали в пять томов и издали в Женеве. Время запрета на его сочинения прошло.

Иезуит Жермон

Святые приходят и уходят. Входят в моду, всеми почитаются, потом уступают место другим. Могут меняться картины на стенах церкви, но никогда – ее внутреннее содержание, основополагающие принципы. Они остаются неизменными. По крайней мере, с тех пор, как на стол Гуттенберга легла первая, напечатанная в его типографии Библия. А если менялись догмы, то некоторые касающиеся их документы объявляли поддельными, а соответствующих отцов церкви – еретиками. Бартеlemi Жермон, французский иезуит из Орлеана (1663-1712 (или 1718?)), знаменитый противник Жана Мабийона, основателя палеографии, и Феликса Костанса, – в сочинении *De veteribus regumfrancorum diplomatibus et arte secernendi vera afalsis* (О древних свидетельствах франкских королей и искусстве различать подлинное от поддельного, Париж, 1703) предпринял попытку исследования источников. А в книге О древних еретических погубителях книг Отцов церкви – вышедшей десять лет спустя с позволения церковной цензуры и по личной рекомендации короля Франции, он пишет (в лучших традициях богословского красноречия подтверждая свой вывод неотразимыми аргументами), что древние манускрипты с текстами Блаженного Августина и даже евангельские рукописи, восходящие якобы к IV–V вв., – были подделаны в бенедиктинском монастыре Корби в IX веке (или позже, до XIII в.)²⁰⁴. Ниже я представлю образчик его доказательств.

Богом проклятый преступник, «которого ты повесишь на дереве», как выражается Моисей (5, 21, 23), – должен быть снят в тот же день и погребен. В Новом Завете (Послание к Галатам, 3, 13) проклятый преступник превращается в свою полную противоположность, а именно – в Иисуса. Или: если Даниил упоминает «двурогого Александра», то текст не может быть написан ранее, чем этот самый Александр родился на свет божий (даже если такую чушь учила аж сама церковь). Так же и глупая история в книге пророка Исаяи о молодой женщине, нарушившей

²⁰⁴ В IX веке вряд ли существовали монастыри (что бы об этом ни писали историки) и уж во всяком случае – христианские. А в XIII веке они еще не могли активно фальсифицировать Евангелия, так как таковые тогда еще не были в обороте. Вся оргия по придумыванию виртуального прошлого, в том числе и христианского прошлого, стала набирать силу не ранее конца XIV века.

супружескую верность и забеременевшей при этом, – это вовсе не предсказание о явлении Христа. Но у Матфея (1, 23) это подано именно так. А молодая женщина стала непорочной девой. Может, это постарались еретики? А может быть, это сами иудеи фальсифицировали предсказание о Мессии, чтобы снять с себя обязанность признать Иисуса в качестве ожидаемого спасителя?

В сочинении О граде Божиим (XV, 13, 7) Блаженный Августин размышляет о том, как стало возможным, чтобы иудеи подделали Святое Писание: «в его время» таково было расхожее мнение. Но иудеи давно жили рассеянными по всему свету, лишенными объединяющего и координирующего религиозного авторитета. Соответственно, предприятие единообразной подделки рукописей Святого Писания должно предполагать наличие колоссального и сложно реализуемого всемирного заговора. Куда вероятнее, что рукописи были созданы гораздо позже, причем списаны с одного образца.

«Письма папы и известия о Синодах и Соборах – поддельны», – утверждает Жермон и приводит тому убедительные доказательства, называя имена или, по меньшей мере, группы фальсификаторов. Кодекс святого Илария, хранящийся в аахенском пфальце, подделан известным епископом (книга 2, часть 2), называемом Жермо-ном по имени. Одна из книг, входивших в корпус трудов Блаженного Августина и издаваемая как часть собрания его произведений, *Contra quinque hostium genera* (Против пять видов врагов) написана Готтшалком в IX веке: в ней он высказывает свое осуждение Хинк-мара. Многие сочинения Августина, Оригена, Иеронима, Исидора Севильского, Бернара и т. д. – подделаны. Поддельщиками Жермон считает известных еретиков: Ария, эбионитов («бедных») и альбигойцев. Среди последних он выделяет особо некоего Арналь-до, коего в этом качестве выявил епископ города Тюи. Многих авторов подделок, авторитетных богословов, он называет по имени.

Изменениям подвергались согласно Жермону и книги Святого Писания. Евангелие от Луки и несколько Посланий апостола Павла изменены Маркионом до неузнаваемости. «Это установили еще Ириней и Тертуллиан», – пишет Жермон. Обладая огромной эрудицией, он всегда ссылается на признанные авторитеты. Греческие послания Климента Римского, Игнатия Антиохийского и Дионисия Коринфского он также объявляет подделками. Жермон опирается также на исследования одного из виднейших профессоров Сорбонны, Жана Б. Котелье (1627-1686), эллиниста, предпринявшего в своем труде о ранних теологических сочинениях II века попытку классификации источников.

О хрониках Готтшалка, Хинкмара и прочих придворных франкских летописцах Жермон написал отдельную книгу. Достаточно, однако, заметить, что в обсуждаемой нами здесь его книге Жермон называет монахов из Корби «образцом неверия и бесстыдства». «Коли грязен источник, не может быть чист истекающий из него ручей», – пишет он на своей несколько грубоватой латыни. Острота мысли в нем удивительным образом сочеталась с утонченным способом ее выражения, часто несколько затемняющим смысл сказанного. Однако он ни в коем случае не был еретиком: напротив, он все время утверждал, что истина известна церкви, что именно она владеет ситуацией. Более того, он считал, что именно церковь в первую очередь заинтересована в поисках истины.

Поэтому первоначально многие богословы встали на его сторону; еще бы: намерения ученого монаха были более чем похвальны – очистить отягощенную фальсификациями церковную историю к вящей славе истинной веры. Но как только стало очевидно, сколько имен придется «вычищать», пока церковь полностью не «очистится», все высшее духовенство как один поднялось против Жермона и добилось его проклятия. Сегодня его имя упоминается разве что в ироническом смысле, как одного из строптивых «маргиналов» на обочине теологической мысли. Однако вполне обоснованную критику Жермона по силе убеждения и методу подбора аргументов вполне можно сравнить с системой Гардуэна (А. Мюллер, 1996, с. 532). Причина, по которой я цитирую Жермона и Ло-нуа, проста: очень важно, что люди, воспитанные в лоне католицизма и заслужившие признание коллег-богословов, отважились на критику церкви, не утратившую актуальности и сегодня.

«Насколько искажалась в наших глазах историческая картина мира, – пишет Бернхайм (1912, с. 75), – лучше всего представить себе наглядно, взяв старый и всеми уважаемый учебник истории и сравнив его с новым. Вот, например, Генеалогические таблицы Иоганна Хюбнера,

вышедшие в 1708 году и с тех пор считавшиеся самым надежным историческим пособием. Хюбнер приводит длинный ряд предшественников франкского правителя Хлодвиг-га I: „короли Сикамбрии, короли западных франков, герцоги восточных франков“; все – с точными датами времени правления и генеалогическими древами. Однако из более чем 60 персонажей в реальности не существовало ни одного. Все упомянутые даты скрупулезно проверены современной наукой и признаны частично результатом сознательной фальсификации, частью следствием излишней доверчивости к фольклорным источникам. Так что сведения о предшественниках Хлодвига I пришлось изымать из всех справочников, учебников и пособий». От себя хочу добавить, что и сам легендарный Хлодвиг вскоре отправится вслед за своими предшественниками.

Болландисты

Католической церкви в высшей степени необходимо фундаментальное очищение: начиная примерно с 1600 года – «таков был общий глас». Но каким образом должно оно происходить – над этими вопросами ломали головы и об этом ожесточенно спорили лучшие богословы того времени. В любом случае, чтобы опять не возникло несогласованности в текстах, все должно свершаться под присмотром и с одобрения Рима.

С середины XV века по Европе со скоростью степного пожара, возникшего в немецком Майнце, распространилось книгопечатание, но монополию на издание религиозных текстов для христиан Ватикан оставил за собой²⁰⁵. Это касалось, в частности, Библии и литургических книг, в том числе и на греческом, сирийском, армянском, грузинском и арабском языках. Издания этих книг строго контролировались; тексты тщательно выверялись. Несмотря на возражения иностранного духовенства, вводились и новшества, призванные послужить унификации догмы.

Устранение противоречий и единство нового канона стало насущной проблемой. Инквизиция больше не была способна выполнять подобные задачи, поэтому создавались специальные комиссии, посвященные исследованию древних рукописей.

Ужаснее всего дело обстояло с легендами о святомучениках. Именно по ним выверяется церковный календарь и ведется расписание церковных служб, поэтому древний бурелом нужно было срочно расчистить. Лишние деревья в джунглях жизнеописаний святых нужно было выкорчевать. Элитное подразделение католической церкви, орден иезуитов, взял на себя выполнение этой сложнейшей из задач. Группа братьев по ордену из Фландрии и вокруг нее столетиями занималась темой мучеников и привела в движение глыбу, которую вряд ли кто-либо надеялся сдвинуть с мертвой точки.

Речь шла о том, чтобы разобраться, наконец, с невообразимым нагромождением недостоверной белиберды, легенд, слухов, сплетен и мифов о святых и мучениках и явить католическому миру единую картину христианского мученичества и унифицированный реестр святых. С этой целью комиссия собирала, упорядочивала и исследовала все достижимые рукописи и составляла по ним совершенно новые жизнеописания святых. Помня о плодах схожей деятельности китайцев и византийцев²⁰⁶, о том, как проходят подобные акции, можно

²⁰⁵ Такова официальная точка зрения на распространение книгопечатания. Спор у историков идет только о том, изобрел ли Гуттенберг книгопечатание в 1440 г. в Страсбурге или в 1458 г. в Майнце. На самом деле начало степного пожара, со скоростью которого книгопечатание якобы распространилось по Германии, а затем и по Европе, следует, скорее всего, приблизить к нам на несколько поколений. Роскошная Библия, якобы напечатанная Гуттенбергом чуть ли не на второй день после изобретения книгопечатания, вряд ли могла быть изготовлена до второй половины XVI века. Кстати, история об издании Гуттенбергом Библии противоречит только что сформулированному положению о монополии Ватикана. А с началом реформации монополизму Рима в любом случае пришел конец.

²⁰⁶ В случае византийцев автор имеет в виду византийского императора Константина VII Порфирородного (905-959), более прославившегося своими литературными трудами, чем деяниями. В его правление была якобы составлена «Историческая Энциклопедия», состоявшая из 53 книг. Уже современники якобы упрекали императора в том, что он «сам составляет историю». В основу работы было, положено указание «разыскать рукописи во всех

представить себе, как все это выглядело в действительности.

В 1603 году иезуит Хериберт фон Розвейд из Утрехта (1569-1629) представил первое упорядоченное собрание «житий святых» для годового церковного календаря.

Одним из деятельнейших участников грандиозного мероприятия был барон Генрих Юлий фон Блум, принадлежавший к поколению основателей движения, но имя всему направлению дал задним числом иезуит Иоганн Болланд (1596-1665). Он обрабатывал первое собрание «житий святых» и наметил своего рода программу, которую в течение двухсот лет осуществляло значительное число его братьев по ордену. Сам Болланд уже в 1643 году смог представить первые два тома монументального труда *Acta Sanctorum* (Деяния Святых). Большинство членов иезуитской комиссии были фламандцами, и последующие тома выходили в Антверпене. Оккупация французскими войсками Фландрии (1794) прервала работу на 53-м томе (соответствующем календарной дате шестого октября); после образования бельгийского государства выпуск «Деяний» продолжился (1837) сначала в Брюсселе, затем – в Тонгерло. К настоящему времени вышли 67 томов, но работа по-прежнему продолжается. Теперь исследование рукописей, обработка материалов и составление жизнеописаний приведено в соответствие с методами современной историографии.

Резюмируя, я хотел бы подчеркнуть два важных для нашего исследования обстоятельства этой грандиозной деятельности: первой по значению целью *болландистов* было выявление как можно большего числа традиционно используемых или находящихся в обращении текстов, чтобы в дальнейшем, когда указания иезуитской комиссии станут общезначимыми, – не возникало противоречий между старыми и новыми «документами» и не приходилось продолжать борьбу против противоречащих версий²⁰⁷. Что касается второй цели предприятия, важной с позиции наших размышлений в этой книге: возможно, именно болландистам предстояло поставить точку в исследованной нами «Широкомасштабной Операции» сотворения истории.

Повторим наш вывод о том, что до X века к северу от Альп не существовало никакой наднациональной церкви и что таковая церковь стала «историческим фактом» в результате обратной проекции, предпринятой начиная с XII века. Это значит, что задача болландистов состояла в том, чтобы втиснуть всю громаду нелепиц, фантазий и лжи о раннесредневековой церкви в рамки «наукоподобия» и – вместо хаотичных и возникших в разных, разбросанных по всей Европе местах, фальшивок – заложить для церкви прочную документальную основу «на все времена». Насколько нелегким оказалось предприятие, можно судить по бесконечным распрям между исполнителями, о которых неспециалист мало что знает: эти люди не любили выносить сор из избы. Не было и недостатка в конфликтах с внешней по отношению к группе болландистов церковной средой. Только один пример: в 1695 году испанская инквизиция прокляла как еретиков авторов первых четырнадцати томов «Деяний»; приговор не отменялся в течение 20 лет.

Хронологическое обрамление слишком часто оказывалось несостоятельным; еще чаще с течением столетий менялись богословские догмы. Единственными «надежными ориентирами» служили святые. Только они, католики, ревностные поборники христианской веры, были способны самим своим существованием удостоверить якобы двухтысячелетнее историческое

странах и собрать их в одном книгохранилище». Впрочем, это все попадает в раздел сказочных выдумок историков, и вопрос может лишь гласить: «Какие действенные более поздние события легли в основу этого „романа“?» По-настоящему же поучительна процедура унификации истории, проводившаяся в Китае уже после изгнания оттуда иезуитов в 1735 г. В ее реализации чувствовался «управляющий импульс», заданный иезуитами в ходе выдумывания китайской истории и китайские основательность и склонность к порядку, перед которой бледнеют даже «пруссские достоинства».

²⁰⁷ Болландисты систематически просматривали библиотечные фонды монастырей и других церковных учреждений и именем Ватикана изымали все рукописи, касавшиеся святых и мучеников. В лучшем случае эти библиотеки в будущем получали – еще до опубликования соответствующего болландистского тома – экземпляр новой версии соответствующего «жития». О судьбе изъятых рукописей можно только догадываться. В лучшем случае их передавали на хранение в закрытые фонды библиотеки Ватикана, в худшем – они уже давно не существуют.

существование римской церкви. Я думаю, что, по меньшей мере, половина из них представляет собой чистый вымысел. Однако жития святых иницируют образ замкнутого сообщества, которое непрерывной линией тянется аж к апостольским временам. Они создают неопровержимое в глазах западного человека свидетельство подлинности историографии Старого Света.

Географические рамки «мученичества и святости» широко растянуты; они охватывают все области, которые когда-либо были (или могли быть) сферой католического влияния, либо задним числом объявлялись таковыми, включая Северную Африку, весь Ближний Восток и Персию. После трех столетий совместной целенаправленной «историотворческой» деятельности именно бол-ландистам довелось подвести под историю католической церкви солидно забетонированный фундамент.

В связи с огромной значимостью всего этого комплекса, я хочу привести слова евангелистского теолога Адольфа Харнака из Дерпта ²⁰⁸, так оценившего значение апостольских и мученических легенд: «С течением времени на страницах художественных полотен католических писателей образы их расцветивались все более яркими и ослепительными красками. Что касается романов, то с IV по XI век они появлялись в удивительном изобилии и завоевали сердца христиан всего мира – от Ирландии до абиссинских гор и от Персии до Испании... Нужно сказать, что целые поколения христиан, целые христианские нации оказались духовно ослеплены этим нестерпимым свято-мученическим сиянием. Теперь глаза их закрыты не только для видения действительной истории, но и для света правды вообще» (1893, с. 26).

Перед очищением, предпринятым по заданию курии сплоченной когортой болландистов, у человечества, возможно, еще оставался мизерный шанс при помощи анализа строжайшим образом отобранного материала вышелушить зернышко истины или, по крайней мере, хоть краем глаза заглянуть за непроницаемую завесу, окутавшую ранние столетия. Болландисты именно так и сформулировали свою задачу. В поте лица трудились иезуиты, преследуя вполне понятную корысть: они защищали свою веру. Нет ни малейшей надежды на то, что они действовали бескорыстно и объективно, независимо от своей веры. Так что элита католического духовенства – орден Иисуса – надежно опечатала историю, по крайней мере, в данном аспекте, сделала корпус корабля истории водонепроницаемым и пришвартовала его в надежной гавани, поставила его на солидный якорь. Так как о средневековье мы располагаем почти исключительно свидетельствами церковников – «только церковники умели писать», – то вряд ли будет создан когда-либо правдивый портрет того времени ²⁰⁹.

Итог

Афина была могущественной богиней. Она родилась из головы отца своего Зевса, верховного бога. Афина – порождение не плоти и крови, но блестящей мысли, и потому сама блистательно прекрасна и достойна преклонения.

Такой видятся мне и церковная история первого тысячелетия, и большая часть классической литературы: созданные умными головами, занимательные и впечатляющие, достойные восхищения и эффектные.

²⁰⁸ Сегодняшний Тарту в Эстонии. Старинный Дерптский университет (основан в 1632 г., после перерыва вновь открыт в 1802 г. как немецкий университет в Российской империи). Славился, в частности, и своими теолграми.

²⁰⁹ При всем пессимизме этой заключительной фразы, хорошо понятной с позиции гуманитария, у критиков историографии есть определенный шанс восстановить фрагменты реального прошлого. Надежду эту подают в первую очередь междисциплинарные исследования российских критиков историографии, применяющих методы системного анализа, точных и естественных наук, а также сравнения с историей специализированных разделов человеческой деятельности (с историей технологий, отдельных наук), которым католическая церковь уделила мало внимания. Другое дело, что восстановленная так история будет охватывать лишь ту краткую часть нашего прошлого, в которую существовала письменность и велись исторические записи. А это всего несколько столетий, меньше, чем тысяча лет.

Читатель мой, закончив нелегкое для него чтение этой книги и отложив мой скромный труд, останется, возможно, при убеждении, что все эти возвышенные и поучительные книги и Библии, и отцов церкви, и многие языческие, нехристианские труды – суть не достойные внимания фальшивки и обман. Я вынужден оговориться: это не так. Я оспариваю лишь датировки, авторство и, выдаваемое за действительное описание прошлого, содержание – вот это все, конечно, обман. А сами книги ни в чем не виноваты, они даже (по большей части) вполне реально существуют, были на самом деле кем-то когда-то написаны, и мы их с удовольствием читаем.

И когда я доказываю, что многие известные нам имена авторов – это псевдонимы (например, что Розвита – коллективный псевдоним круга друзей дочери Пиркхаймера; что Дионисий Ареопагит находится в русле духовных поисков готики; что евангельские жизнеописания Иисуса лучше всего отнести к рыцарским романам, наряду с циклами о короле Артуре и поисками святого Грааля), – это вовсе не значит, что я собираюсь подвергнуть сомнению художественную или духовную ценность плодов их творчества. Но я хочу, чтобы их творения заняли место в культурном наследии той эпохи, в которую они создавались. Тогда они, наконец, лишатся присущего им привкуса лжи и пропаганды.

Послесловие к русскому изданию

Ревизия хронологии – дело не одного года. В нелегком этом предприятии наряду с прорывами случаются и провалы; тенденция, однако, очевидна: все новые и новые виртуальные столетия удаляются ножом «хронологических хирургов», все более радикальная точка зрения на состояние традиционной хронологии завоевывает умы. Ясно одно: историческая хронология неверна, она нуждается в коренном пересмотре и радикальном сокращении.

Положения академика Фоменко, еще 10 лет назад считавшиеся невероятными²¹⁰, приняты теперь к серьезному рассмотрению немецкими младокритиками, в первую очередь рабочей группой, возникшей вокруг автора этой книги и редактора ее русского перевода²¹¹.

До 1400 года не существует заслуживающей доверия историографии. Многие рукописи младше печатных книг, достоверно засвидетельствованное появление которых следует отнести к середине XVI века²¹².

Предложенная вашему вниманию книга, отражающая определенный этап в развитии моих исторических воззрений, написана в 1998 году; впоследствии некоторые ее тезисы были поставлены мной – с точки зрения хронологии – под сомнение, пересмотрены и даже отвергнуты. Это касается, в основном, проблемы точной датировки рукописей: если в книге я только в некоторой ее части переносил действие в XV–XVI вв., то сегодня в большинстве случаев вместо XII века я проставил бы XV. Идя своим собственным путем, я нашел подтверждение тому, что 300-летний «временной прыжок», помещенный Нимитцем в эпоху Великого переселения народов, между V и X вв., а Иллигом – с микроскопической точностью с 614 по 911 год, на самом деле мог иметь разную длину в разных ситуациях и прослеживается в разные эпохи.

²¹⁰ И до сих пор решительно отвергаемые первой волной современных немецких критиков хронологии, сгруппировавшейся вокруг Хери-берта Иллига.

²¹¹ Эта группа объединена под эгидой интернет-журнала «История и хронология» и Исторических салонов в Карлсруэ и Потсдаме. Важно подчеркнуть, что корни этого нового хронологического радикализма восходят к немецким классикам Балдауфу и Каммайеру, о которых рассказано в настоящей книге, а также к другим западным критикам, лишь частично освещенным выше. Истинный симбиоз немецкой хронологической критики с российской «новой хронологией» еще ждет своей реализации.

²¹² Даже и в лагере Иллига все большее число авторов приходит к выводу, что вся реальная история человечества разыгралась в последнюю тысячу лет.

Например, смерть Данте я бы перенес с 1321 года в конец XV –начато XVI века, что подтверждается многими свидетельствами: самим содержанием «Божественной комедии», дошедшими до нас портретами и бюстами поэта, а также описанием его «вторых» похорон. Соответственно, в этот же период, около 1500 года (в т. н. эпоху Чинквеченто) «сдвигается» время жизни Петрарки и Боккаччо, да и некоторых других ранних гуманистов.

Это относится и к схоластикам, так как знакомство Европы с Аристотелем (через арабов) началось настолько же позже. При этом необходимо помнить, что сочинения греческих беженцев стали появляться в Западной Европе только после падения Византии в 1453 г. Поэтому постулируемое историками «прошедшее через все Средневековье восприятие Гомера и Платона» было на самом деле весьма слабым.

И, наконец, изобретение книгопечатания (по меньшей мере, повсеместное его распространение) следует сдвинуть на два с лишним поколения в сторону нашего времени. В результате и все другие технические изобретения, например, романский стиль, ранняя готика, знакомство с арабскими трактатами по медицине и астрономии, станок для чеканки монет, – сдвигаются на двести-триста лет вперед и становятся элементами действительного возрождения цивилизации (возможно, после грандиозной катастрофы планетарного масштаба), получившего название Ренессанса.

Итак, идеи Каммайера о происшедшем сравнительно недавно акте творения истории (Широкомасштабной Операции), рассматриваемые мной в этой книге под новым углом зрения, ничуть не устарели; однако некоторые данные нуждаются в уточнении. Крайне важным явилось изучение труда Эдвина Джонсона «Послания Павла» (Ваттс и К°, Лондон, 1894), с которой немецких историков лишь недавно познакомил берлинский богослов Герман Детеринг. Академику Фоменко, однако, исследование это было давно известно, и он использовал его при создании своей теории.

Кроме того, академик Фоменко, рассмотрев критический трактат Ньютона «Исправленная хронология древних царств» (Лондон, 1728, пер. с нем. Хильдбург, 1745) с точки зрения современного знания, доказал, что Ньютону, в течение сорока лет занимавшемуся хронологией, были видны все недостатки принципа лето-исчисления, предложенного Скалигером и впоследствии подправленного Петавиусом. Методически Ньютон сближается с современными российскими исследователями, так за основу расчетов он берет расположение звезд, в особенности прецессию весеннего равноденствия, и принимает за средний возраст поколенной ступени двадцать лет вместо тридцати ²¹³.

Возвращаясь к нелегкой истории распространения идей московского профессора математики Анатолия Фоменко, отметим новаторскую роль патриарха современной немецкой хронологической критики Христофа Маркса (Базель). С 1992 года он знакомит немецких ученых в своих докладах и статьях с трудами Фоменко по анализу истории, рассмотренной с точки зрения статистики ²¹⁴. Уже в мае 1996 года Христоф Маркс подробно обсудил математико-статистический метод академика Фоменко в кругу «реконструкторов времени» в Гамбурге.

²¹³ Средний возраст в 20 лет все еще слишком велик. К тому же использование средней продолжительности царствования может дать лишь приблизительные представления о длительности той или иной эпохи, но не точную хронологическую информацию (даже если мы отвлечемся от достоверности списков правителей). Астрономические расчеты применял и Петавиус, так что дело здесь не в астрономическом характере методики, а в степени точности ее применения. Главная заслуга Ньютона в том, что он продемонстрировал зависимость хронологии от выбора источников. Из этого следует, что множество используемых историками источников внутренне противоречиво и что существует необозримое количество хронологий, каждая из которых соответствует небольшому набору источников (часто к тому же сфабрикованных в эпоху Возрождения) и противоречит почти всем остальным.

²¹⁴ Хотя статистические оценки и рассмотрения и играют важную роль в той революции, которую труды академика Фоменко вызвали в современной математической хронологии, нужно подчеркнуть, что наиболее революционным в методике А. Т. Фоменко было гениальное использование анкет-кодов, позволяющих экстрагировать из зыбкого романтического описания прошлого, столь характерного для историков, историческую информацию, могущую подвергаться статистической оценке.

Он, в частности, отметил, что «филологические источники позднего Средневековья и начала Нового времени – и это общеизвестно – практически полностью фальсифицированы. Немногие подлинные свидетельства скрыты за этим фальшивым занавесом и поэтому были до недавнего времени недоступны нашему анализу». При этом было бы неверно характеризовать эти произведения как своекорыстный умысел их авторов, сознательно создающих ложную историческую картину. Правильнее рассматривать эти источники, на которые мы тем не менее вынуждены опираться, как приступы коллективного невроза. Тем самым становится невозможным исследование реального прошлого. Итак, это психоаналитическое по сути заявление перечеркивает наши шансы на (пусть даже приблизительно) отражающее действительность прошедшего историческое исследование²¹⁵.

С 1997 года его поддерживает Евгений Габович (Карлсруэ и Потсдам), автор многочисленных статей о Фоменко и других российских критиках хронологии, организовавший перевод на немецкий язык первых лекций Фоменко²¹⁶. Был бы очень желателен перевод главных трудов академика Фоменко на немецкий. Мы искренне надеемся, что найдется немецкое издательство, которое заинтересуется этими книгами, и работаем над этим вопросом. Таким образом, немецкие исследователи хронологии получили бы доступ к сочинениям классика российской историко-хронологической критики и его соратников.

Евгений Габович неоднократно знакомил немецкую публику с результатами работы российских исследователей хронологии, выступая с докладами в Берлинском Историческом салоне, в основанных и возглавляемых им Исторических салонах в Карлсруэ и Потсдаме, на международных и местных конференциях, а также в многочисленных статьях²¹⁷. Собрание трудов российских критиков хронологии можно найти в созданном по его инициативе интернет-журнале «История&Хронология», (www.jesus1053.com), где, наряду с немецким, есть русский и английский разделы. Усиление интереса к исторической критике в Германии способствует оживленной дискуссии на форуме этого электронного журнала.

Собственные исследования Евгения Габовича демонстрируют попытку синтеза идей и традиций российской исторической и хронологической критики с таковой Иммануила Великовского²¹⁸ и немецких критиков. В ряде публикаций он рассматривает процесс

²¹⁵ Следуя Великовскому, Маркс считает, что этот коллективный невроз вызван стремлением человечества забыть ужасы планетарной катастрофы недавнего прошлого. Отвергая – в такой его форме – это положение вместе с Топпером, хочу подчеркнуть, что определенная доля истины в нем присутствует: наряду с корыстной подделкой документов и источников, безусловно, существовала и деятельность по придумыванию прошлого, основанная на распространенной ментальности, на некоей духовной атмосфере, на неверных представлениях о прошлом, о масштабах времени, о том, что из себя представляет история, и о степени допустимости литературного вымысла в качестве исторического эрзаца.

²¹⁶ Если даже в российской аудитории, которая имеет реальную возможность ознакомиться в оригинале с работами А. Т. Фоменко, его главного соавтора Г. Б. Носовского и др. пишущих по-русски критиков историографии, весьма распространены лансируемые историками злостные измышления и искажения действительной научной позиции названных авторов, то можно себе представить, какова ситуация в отдаленной языковым барьером немецкой читательской среде. Распространяемые Илли-гом и питающимися слухами газетными борзописцами обвинения в слепой вере в документы, незнании археологии, склонности к идеологии русского шовинизма и прочая чушь отравляют атмосферу, в которой приходится работать нашей группе младокритиков.

²¹⁷ В этих статьях интенсивно подчеркивался инновативный междисциплинарный подход Фоменко и Носовского, применение ими ретроспективных астрономических расчетов с большой точностью и с учетом всех возможных вариантов решений, анализ старинных карт и привлечение самых разных иных научных подходов. Если историки пишут с важным видом всезнающих ревнителей религии для посвященных, то книги Носовского и Фоменко проникнуты уважением к читателю. Последнего не посвящают в святая святых, чуть-чуть приоткрывая перед ним завес тайны (такова манера письма историков), а привлекают к напряженному криминологическому поиску тех осколков истины, которые еще можно восстановить после столетий уничижительной работы историков.

²¹⁸ Российскому читателю Великовский, первая книга которого вышла в свет в 1950 г., долго оставался неизвестным. Издание в советское время книг еврейского автора из США, выросшего в известной сионистской семье в Москве и сыгравшего важную роль в создании еврейского университета в Иерусалиме, было невозможно.

выдумывания и творения истории азиатских стран (Индии, Китая, Бирмы, Месопотамии и т. д.) и доказывает, что историками сочинялась не только знакомая нам с детства древняя история стран Средиземноморского бассейна. Выдуманная история этих последних была положена в основу придуманной же истории стран Азии.

После первых же контактов восточно-азиатских стран с европейцами, последние начали насиловать местные представления о прошлом. Истории в европейском смысле в восточной Азии, собственно, никогда не существовало, даже идеи истории в ее европейском хронологизированном варианте во многих восточно-азиатских странах не было. Поэтому не одно столетие потребовалось европейцам (иезуитам и прочим сторонникам глобализации истории), чтобы убедить азиатских интеллектуалов (это удалось только к концу XVIII века, а в некоторых странах и значительно позже) в необходимости создания фиктивной истории. Я подчеркивал сходные идеи в последней главе данной книги.

Наряду с Христофом Марксом, среди «реконструкторов времени» необходимо назвать Хайнсона и Иллига, начинавших свою критическую деятельность – как и Маркс – с позиции последователей выходца из России, врача Эммануила Великовского (1895-1979). Будучи практикующим психоаналитиком в США, он выпустил несколько исторических исследований, в которых в традиционалистской манере доказывал древний возраст и абсолютную достоверность Пятикнижия Моисея, доверяя библейской хронологии больше, чем Манетону или данным современной археологии²¹⁹, хотя все их построения тесно связаны друг с другом.

Это понял бременский профессор Гуннар Хайнсон²²⁰ (доклад «Хронология Авраама»), который, вернувшись к естественнонаучным критериям и создав метод «учета очевидного», открыл новый путь в деле реконструкции исторической картины мира. Его обращение к данным археологии вкупе с критическим исследованием документов (считавшихся до него подлинными) вело к новым выводам: хронология всего периода от момента зарождения человечества до 1000 года н. э. должна быть пересмотрена. История значительно короче, чем в том пытается убедить нас Библия или современные археологи. И все-таки Хайнсон, невзирая на критику, остается по-прежнему схож с Великовским своим слепым доверием тексту: так, Библию и сочинения церковных писателей (Евсевия и др.) он считает произведениями «реальной» раннехристианской эпохи более чем тысячелетней давности²²¹. Даты он сдвигает для того, чтобы последовательность была более убедительной, при этом пытается привязать датировку к археологическим находкам, не осознавая того, что подобное занятие есть

В начале 20-х годов в Берлине молодой Великовский создал Еврейский научный журнал, положивший начало объединению ученых с целью создания названного университета (Альберт Эйнштейн руководил в журнале отделом физики). Лишь после перестройки, в середине 90-х годов, в Ростове-на-Дону издательство «Феникс» опубликовало перевод всех книг Великовского и даже издало первую в мире биографию не признанного академическими кругами ученого-новатора.

²¹⁹ Из данной оценки деятельности И. Великовского, одного из самых блестящих умов XX века, трудно понять грандиозность его вклада в процесс возникновения современной исторической критики в Германии, Англии и США. Его исследования не просто показали, что египетская история удлинена, по меньшей мере, на 550 лет, но и продемонстрировали убеждение в том, что естественнонаучная информация с трудом подвергается фальсификации и может служить отправной точкой для критики исторических воззрений. Кроме того, он стал основателем набирающего силу движения неокатастрофизма, к которому примыкают все новые и новые слои ученых. Сделанные им на основании катастрофических воззрений предсказания о физических свойствах планет Солнечной системы, полностью противоречившие представлениям астрофизиков в середине XX века, блестяще подтвердились.

²²⁰ Гуннар Хайнсон был – наряду с Христофом Марксом – одним из первых последователей Великовского в Германии и перенял у последнего целый ряд идей, в том числе и катастрофистский подход к исследованию прошлого.

²²¹ Это сближает позицию Хайнсона с таковой Н. А. Морозова с той лишь разницей, что для Хайнсона – как и для Иллига – греческая и римская «античности» суть этапы реального прошлого, а не проекции средневековья в виртуальное прошлое, как для Морозова.

сотворение новой фикции, не могущей претендовать на право стать фактом.

В связи с этим я хотел бы уточнить, что положения Хайнсона и Иллига способствуют насаждению ложной исторической картины, так как, вычеркивая из средневековья *только* 300 лет, они почти целиком признают античность официальной истории²²². Иллиг устанавливает, что ранние средневековые монастыри после прыжка через «фантомное» время продолжали существовать и успешно развиваться. А того, что сведения об основании христианских монастырей в эпоху, предшествующую «фантомному» времени, полностью вымышлены, он (пока) не замечает. То, что Иллиг всерьез принимает историографию периода до 614 года н. э., толкает его на некритический путь, противоречащий его собственным установкам.

Есть вопрос, не дающий покоя «реконструкторам времени» с самого начала их исследований: почему историческая память оказалась стертой настолько, что проникновение за определенный временной барьер, находящийся где-то в позднем средневековье, сделалось практически невозможным. Только ли церковь с ее «охотой на ведьм» и сожжениями книг – единственная виновница. Или вину с ней разделяют и катастрофы, возможно, космического происхождения. Эту гипотезу, опираясь на труды Эгона Фриделля, всесторонне исследовал Христоф Маркс. Он установил, что около 1350 года, во время Черной чумы, в Солнечной системе имел место последний «Большой толчок», не только вызвавший огромные разрушения, но и изменивший положение Земли относительно Солнца и, соответственно, сделавший бессмысленными астрономические расчеты, привязанные к предшествующим периодам²²³.

О четырех катастрофах, каждый раз практически стиравших с лица Земли человеческую цивилизацию и культуру, мне известно более тридцати лет²²⁴. Новым для меня явился тот факт, что последняя космическая «волна уничтожения» прокатилась над Землей всего 650 лет назад, о чем свидетельствуют геологические выкладки и устные предания.

Разумеется, мои расхождения с группой Хайнсона и Иллига касаются не только катастрофизма. Если верно то, что от всего исторического периода до 1500 года сохранились лишь обрывочные воспоминания, отголоски преданий и не связанные между собой отдельные традиции различных культурных народов, то достоверная реконструкция была возможна уже в то время только для нескольких предшествующих столетий. Значит, можно было тогда, в принципе, помнить о том, что существовали саксонские короли по имени Генрих или Оттон, но нельзя было установить для них никакой точной временной привязки. В XVI веке (в основном, по инициативе церкви) их расположили на временной прямой, которая находилась в стадии разработки. Отсюда и происходит столь внушительное расхождение в «документах», которые зачастую призваны удостоверить задним числом событие, случившееся триста лет назад.

Вполне вероятно, что прежде существовали более точные представления, возможно даже годовые записи, которые церковью были впоследствии уничтожены и заменены новой временной шкалой, так что сегодня их реконструкция неосуществима.

Только по наглядным изображениям – например, мозаикам и капителям церквей так называемого романского стиля, – мы можем догадаться, что люди, строившие эти храмы,

²²² В то же время нужно подчеркнуть заслуги этих авторов в исправлении наших хронологических масштабов по отношению к ранней истории и предыстории. Исходя из катастрофических представлений, они показали, что эпоха каменного века исчисляется не в десятках тысяч лет, а только несколькими тысячелетиями. Кроме того, их анализ египетской истории показал всю неправомерность оперирования тысячелетиями в истории Египта. Наконец, совершенно гениальной является инспирированная наблюдениями Маркса книга Хайнсона «Шумеров не было» (1988, Франкфурт-на-Майне).

²²³ Это положение Маркса никак не доказано и является весьма спорным. Так как мы не знаем точных причин катастрофы приблизительно 1350 г., данное утверждение является чистой спекуляцией. Некоторые возможные причины (например, падение астероида в районе Северного моря) могли вызвать катастрофу на Земле, практически не меняя параметров земной орбиты. В случае других нужен, по крайней мере, точный астрофизический расчет и анализ последствий, которого Маркс не предпринимал.

²²⁴ Подробному исследованию следов этих катастроф в Северной Африке и на Иберийском полуострове Топпер посвятил свою первую книгу.

исповедовали совсем другую религию, чем нам рассказывают сегодня. Изготовление истории периода до 1500 года происходило поэтапно. Прежде всего, составлялись списки королей, сводились в определенную схему и вписывались задним числом в хронику войны и битвы, особенно те, отголоски которых сохранились в живой форме в эпосе. Возможно, еще не изгладились воспоминания о том, как остготы грабили Рим, или как вестготы перешли через Пиренеи, или как вандалы вторглись в Северную Африку и правили оттуда Центральным Средиземноморьем.

В этом смысле «Готские войны» Прокопия, хотя и похожи на роман, но не полностью вымышлены. Произвольно лишь их временное расположение, потому что «Хроники» эти, как и все тексты, пришедшие к нам из Византии, – не могли быть написаны ранее эпохи Возрождения.

Зарождение Германской империи отнесено к 911 году н. э., а обе битвы против «венгров» – к 933 и 955 гг.: отличный пример значения символики чисел, прежде всего, числа 11. Датировка лет правления Отгона III (999-1001) также носит символический характер. Как раз к этому времени все «хорошие» христианские государства от Исландии до Венгрии уже были (задним числом) христианизированы. Около 1500 года (год рождения Карла V) вехой европейской истории был объявлен 1000 год. Такие 500-летние прыжки случались и в других случаях.

На той же временной оси завоевание Иерусалима персами – историографическое общее место, важная тема, спроецированная в Библии на Санхериба, – помещено на отметку «614 год». Мысль Иллига о том, что оба события («сдача» Иерусалима в 614 году и основание Германской империи в 911 году) должны были произойти одновременно, – кажется мне произвольной. Исключение лежащих между ними «фиктивных» 297 лет – это бессмысленная игра с датами и «фактами», которые и так уже вымышлены и нигде не находят подтверждения (схожим образом развлекаются члены Общества Шерлока Холмса в Лондоне: они увлеченно спорят о дате рождения их героя, прекрасно зная, что он никогда не существовал в действительности).

Научно аргументированная перебранка по поводу вымышленной истории имеет то преимущество, что при этом не нарушаются академические правила игры. Однако 800 год (коронация Карла Великого) и 814-й (его смерть) – даты не более правдоподобные, чем, скажем, 325 год – созыв первого Вселенского христианского собора или 604-й – смерть папы Григория Великого, обратившего в христианство Англию. Внутри фиктивного временного пространства все подобные даты относительны; если же начать искать соответствия с чуть более правдоподобной временной шкалой, например, мусульманской, то вышеупомянутые примеры датировки будут выглядеть просто абсурдно. Поэтому положения Иллига неверны как с точки зрения академической науки, так и «реконструкторов времени», систематически отвергающих его неглубокие выводы²²⁵.

Я могу в двух словах резюмировать, как Иллиг сконструировал свое ошибочное заключение: он утверждает, что между августом 614-го и сентябрем 911-го лежит временная лакуна, этого времени не было. Иллиг «вырезает» его из хронологической шкалы, соединяет между собой возникшие таким образом концы и заявляет: теперь все сходится. Если же, например, оказывается, что в «фантомное» время существовали какие-либо строения, то они якобы созданы либо до, либо после лакуны. Подобная операция стала возможна после того, как Нимитц²²⁶ обнаружил ошибку дендро-хронологов. Не найдя в древесных кольцах,

²²⁵ Ввиду доминирующего положения, занимаемого Иллигом в среде немецких критиков историографии (владелец специализированного издательства, издатель единственного «толстого» журнала в этой области, организатор ежегодных конференций), многие не решаются произносить такую критику вслух, хотя она непосредственно следует, например, из декларации Берлинского Исторического салона о том, что вся история человечества приходится на последние 1000 лет. Наиболее последовательный критик позиции Иллига – швейцарский автор Христоф Пфистер. Он же автор единственной на немецком языке книги, опирающейся на исследования академика Фоменко.

²²⁶ Ханс-Ульрих Нимитц – один из основателей (наряду с Топпером и Блэссом) первого критического Исторического салона в Берлине и его сегодняшний руководитель является профессором истории техники в

используемых, например, в Центральной Европе для датирования по кольцам, соответствия письменно зафиксированным эпохам (VII, VIII и IX вв.; кстати, их очень мало и для так называемой эпохи Великого переселения народов), – они заполнили пустые места анализом срезов и колец иных деревьев из других местностей ²²⁷. Эпоху, не соответствующую древесным кольцам, Нимитц назвал «фантомным» временем. Иллиг, подхватив эту мысль, применил ее к историографии и развил положения, абсурдностью своей превзошедшие даже традиционную историографию.

Можно ли предположить, что официальные историки, и особенно церковь, выработали своеобразную упреждающую стратегию реакции на критику их утверждений? Кое-какие события наводят на эту мысль ²²⁸.

Обе древнехристианские таблицы якобы VI века с проставленными точными датами в Музее археологии г. Кадиса (Испания), которые я еще в 1997 году публично объявил фальшивками, были удалены из экспозиции и заменены двумя фресками, изображающими римский рыбозасолочный цех и маяк в Кадисе. Надо же, какая скорость!

Это напоминает случай с Эмилем Хюбнером, о котором я уже писал в разделе про фальсифицированные надгробия (гл. 5). После его критических расспросов некоторые надписи, представленные, кстати, и в каталоге, – тоже оказались разрушенными. В музее Овьедо (Испания) на одном саркофаге я видел датированную надпись, буквы с которой были сбиты совсем. Это должно было произойти совсем недавно, потому что на фотографии, продававшейся в торговом зале музея, та же надпись была вполне четкой и хорошо читаемой.

Еще один пример: имена мучеников в церкви города Медина Сидония, просто обрубленные зубилом.

Или, наконец, таблица Пейтингера, удаленная с выставки «Франки» (ее можно увидеть в каталоге этой выставки) после моего критического доклада (октябрь 1997 г.).

Интересно, когда из музея в Кадисе снова вынесут финикийский женский саркофаг? Десять или двадцать лет назад музей пошел на огромные затраты на его изготовление, и саркофаг благородной супруги был помещен рядом с саркофагом финикийца (что, кстати, было предпринято для того, чтобы иметь предлог требовать финансирования для полной перестройки всего здания музея).

В Национальном археологическом музее в Мадриде экспонируется множество поддельных готско-христианских надписей. Они наверняка тоже вскоре исчезнут. Важнейшие из них в июне 1999 г. я зарисовал и сфотографировал, потому что по подделкам иногда бывает понятно, что хотят скрыть или изменить.

Не следует, однако, полагать, что новое знание о возникновении официальной исторической картины мира распространится со скоростью лесного пожара и приведет к скорому пересмотру историографии. Скорее я могу предположить другое: на свет будут извлечены контраргументы, к которым за ненужностью раньше не прибегали. Будут опубликованы многочисленные *C14-датировки*, долженствующие подтвердить традиционную историческую картину мира. Поэтому год, когда Нимитц и Иллиг сообщили в Германии о

Высшей технической школе в Лейпциге. В своих многочисленных статьях способствовал возникновению образа не более чем тысячелетнего прошлого цивилизации. Важнейшую роль играет написанная им с Блэссом книга о несостоятельности хронометрического метода радиоактивного углеродного анализа, в которой была показана и необоснованность метода дендрохронологических датировок.

²²⁷ Метод дендрохронологических датировок применим – как признают сами его апологеты – только для уточнения дат при наличии достоверной предварительной датировки. Так как мы сомневаемся в способности историков давать верные предварительные датировки, их уточнения дат по кольцам деревьев не имеют для нас никакой содержательной силы.

²²⁸ Стратегия эта сводится к тому, чтобы не защищать до последнего каждый сфальсифицированный камень, каждого выдуманного святого, каждое идиотское слово. Чтобы избежать, по возможности, каких-либо контактов с немногочисленными пока критиками, историки предпочитают быстро уничтожать разоблаченные подделки и даже готовы отказаться от некоторого числа святых: все равно мы их «напечем» в любом количестве в будущем!

своем открытии фантомных лет (1991), целесообразно было бы рассматривать как некую веху: все, что писалось после этого, – например, католическая критика подлинности святого Бенедикта, – есть реакция, попытка локализовать повреждение, заткнуть дыру в плотине. Во всяком случае, нужно ожидать жарких дискуссий и не рассчитывать на то, что они будут оставаться исключительно в рамках научной корректности.

Мне кажется весьма интересным тот факт, что в последнее время отовсюду поступают сведения о параллельных исследованиях со сходными результатами, как, например, посмертно опубликованная лекция Флюссера, в которой он просто вычеркивает 1200 лет между античностью и Ренессансом, заменяя их 200 годами. Итак, история укорачивается ровно на тысячу лет. Редактор при этом отмечает: «написано самое позднее в 1982-м». То есть всего через несколько лет после начала исследований Маркса и Хайнсона. Иллиг узнает об этой работе Флюссера только в 2000 году непосредственно от вдовы ученого, причем он сообщает, что текст был впервые опубликован в 1993 году. Сведя работу Флюссера к ядру, к самой сути, мы обнаружим в ней идеи, высказанные Христофом Марксом и Томасом Риммером. В других работах Флюссера мы не находим следов его интереса к этим проблемам. Для людей, усвоивших новые идеи об историотворении и анализирующих с их помощью прошлое, одним из главных вопросов становится вопрос о прототипах. Если Барбаросса послужил прототипом императора Оттона III, а из них обоих, как амальгама, возник Карл Великий, значит ли это, что сам Барбаросса, дедушка Фридриха II, должен был быть реальным лицом? Какие черты были взяты у него и переданы предшественникам, что представляли собой сами предшественники? И кто послужил прототипом для Барбароссы?

С античностью дело еще сложнее. Из каких реальных личностей был сотворен Цезарь? Какие исторические события лежат в основе Галльской войны? В высшей степени интересно было бы разобраться в возникновении «исторического» Христа. Однако здесь мы вряд ли когда-нибудь выйдем за рамки догадок и предположений.

Обращаясь в критической реплике к сторонникам «новой хронологии», Петер Винцелер отмечает, что прототипы для Христа существовали уже давно: «повторяющиеся убийства священника Иисуса (Ясон) в позднеперсидское время и время Маккавеев уже Юлием Веллхаузенем были распознаны как дублиеты».

Винцелер отваживается шагнуть на несколько шагов дальше, чем Иллиг с Хайнсоном: он обнаруживает, что в некоторых местах европейской средневековой историографии «возникает лакуна в 600 лет. Ренессанс позволяет предположить, что едва ли Платон жил много ранее христианских апологетов III века (как, например, Ориген). Аристотель немногим ранее арабских переписчиков»²²⁹.

Если проследить за развитием архитектурных стилей и, прежде всего, за духовно-историческими процессами, то не остается никакого временного зазора между исчезновением этрусков и возрождением Тосканы в «XI веке»; оба эти события смело можно располагать рядом. Ганс Мюлештайн (1957) убедительно показал, как из павликиан и богомилов зародилось демократическое движение северной Италии и катары западной Франции. Версия о существовании раннего католического христианства в высшей степени недостоверна. Возникновение византийской церкви происходило примерно в то же время, и славянская миссия – видимое тому подтверждение.

Скорее всего, историческую картину мира можно было бы лучше всего себе представить, изучая развитие законов, по салическому праву или «Зеркалу Саксонии» Эйке фон Репговса; такие тексты были повсеместно востребованы, к ним, за советом, обращались ежедневно. Вот, возможно, тот опорный пункт, от которого можно было бы начать осторожное, шаг за шагом, движение в сторону реконструкции истинной картины прошлого. Хотя точное установление

²²⁹ Имеется в виду эпоха становления этих образов. На самом деле многие образы писателей античности возникли приблизительно так, как образ Козьмы Пруткова или, уже в XX веке, образ великого математика Бурбаки (так называет себя и за такового выдает себя коллектив пишущих под этим псевдонимом выдающихся математиков). Конечно, ситуация в те времена (эпоха Ренессанса?) была другой, и условия, приведшие к созданию этих авторских коллективов, были тоже иными.

хронологического порядка пока еще не представляется возможным.